

Александр Васильев, Вадим Зайцев,
Алексей Кириченко, Владимир Куделев, Петр Топычканов

Мир цвета хаки

Вооруженные силы
в системе государственной власти

под редакцией
Александра Горбунова

Центр анализа стратегий и технологий
Москва, 2011

УДК 323(4/9)
ББК 66.3(4/8)

Мир цвета хаки. Вооруженные силы в системе государственной власти /

А.Д. Васильев, В.Ю. Зайцев, А.Е. Кириченко, В.В. Куделев, П.В. Топычканов;

под ред. А.А. Горбунова. – М. : Центр анализа стратегий и технологий, 2011. – 208 с.

Сборник статей посвящен анализу роли и места вооруженных сил в системе государственной власти Алжира, Гвинеи, Египта, Индонезии, Мьянмы, Пакистана, Таиланда и Турции.

ISBN 978-5-9902620-2-7

© Центр анализа стратегий и технологий, 2011

Содержание

04	Об авторах
05	Роль и место вооруженных сил в системе государственной власти
11	Роль военных в политике и бизнесе Алжира
31	Военные в политике и экономике Гвинеи
53	Организационные и функциональные особенности вооруженных сил Индонезии
79	Роль вооруженных сил во внутривполитической жизни Мьянмы
101	Вооруженные силы Пакистана: создание, современное состояние, функции
123	Современная структура и функции вооруженных сил Таиланда
149	Роль армии в политической системе Турции
189	Египетская армия после февральской «революции»

Об авторах

Васильев Александр Дмитриевич. В 2006 г. окончил магистратуру Института стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова. В 2006–2007 гг. проходил стажировку в Стамбульском университете и государственных архивах Турции. С сентября 2007 г. – научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук. Автор ряда статей по тюркологии, истории Центральной Азии и мусульманского Востока.

Зайцев Вадим Юрьевич. В 2007 г. окончил факультет истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), в 2010 г. – аспирантуру Института Африки РАН. В 2006–2009 гг. – сотрудник НП «Росафрозэкспертиза», с 2010 г. – редактор информационного центра ИД «Коммерсантъ».

Кириченко Алексей Евгеньевич. В 1998 г. окончил Институт стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ им. Ломоносова, кандидат исторических наук. Специалист по истории и политическому развитию стран Юго-Восточной Азии. В настоящее время – доцент ИСАА при МГУ.

Куделев Владимир Владимирович, доктор политических наук. В настоящее время – ведущий научный сотрудник Центра арабских исследований Института востоковедения РАН. Занимается проблемами политического ислама (исламизма), терроризма, военно-технического сотрудничества со странами Ближнего Востока. Автор десяти книг и монографий по указанной проблематике.

Топычканов Петр Владимирович. В 2003 г. окончил историческое отделение Института практического востоковедения со степенью бакалавр, в 2006 г. – историческое отделение Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. Ломоносова со степенью магистра востоковедения и африканистики. В 2009 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С 2006 г. – координатор программы «Проблемы нераспространения» Московского центра Карнеги. Сфера научных интересов – современная история Индии и Пакистана.

О Центре анализа стратегий и технологий

Центр анализа стратегий и технологий создан в 1997 году и является частным научно-исследовательским центром, специализирующимся на анализе проблем реструктуризации оборонно-промышленного комплекса России, вопросах формирования государственного оборонного заказа и изучении российской системы военно-технического сотрудничества с зарубежными странами. В сферу научных интересов Центра АСТ входят также вопросы реформирования российской армии и изучение вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве.

Роль и место вооруженных сил в системе государственной власти

Александр Горбунов

Представляемый Центром анализа стратегий и технологий (ЦАСГ) сборник статей посвящен роли и месту вооруженных сил в системе государственной власти. Данный вопрос, как это ни покажется странным после окончания «холодной войны» и в целом противостояния двух идеологических систем, приобретает в современных условиях все большую актуальность.

В исследовании Министерства обороны Российской Федерации «Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации»¹ справедливо отмечалось, что вопреки многим оценкам, господствовавшим в первой половине 1990-х гг., значение военной силы в постбиполярном мире не уменьшилось и более того, в начале XXI века обозначились процессы повышения роли военной силы для обеспечения политических и экономических интересов государств мира, тогда как целый ряд политических институтов в сфере международной безопасности вступил в полосу жесткого кризиса. Это ставит на повестку дня задачу переосмыс-

¹ Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации // Красная звезда, 11.10.2003.

ления всего комплекса вопросов, связанных как с основными аспектами международной безопасности, так и с ролью и местом вооруженных сил в системе государственных и общественных институтов.

Различают три основные модели существования вооруженных сил в системе государственной власти стран современного мира.

Первая – функционирование вооруженных сил под жестким гражданским контролем со стороны государства и общества. При этом является само собой разумеющимся присутствие как государственного (властного, надведомственного) контроля как функции конституционно утвержденных государственных органов власти и должностных лиц, так и общественного контроля, осуществляемого институтами гражданского общества (средствами массовой информации, политическими партиями, общественными объединениями, самодельными организациями и т.д.). Наиболее ярким примером стран применения данной модели являются США, страны Западной Европы и некоторые страны Азиатско-Тихоокеанского региона (Япония, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Республика Корея).

Вторая – пребывание силовых структур у руля государственной власти. Стран, использующих данную модель в мире немного (Республика Союз Мьянма, некоторые африканские страны). Неэффективность такой модели, прежде всего в плане экономического развития и международных позиций таких государств, стала сегодня совершенно очевидной. Поэтому период нахождения военных у власти, как правило, носит ограниченный и непродолжительный характер.

И третья – так называемая переходная модель, т.е. постепенный переход вооруженных сил под контроль государства и гражданского общества. Данная модель характерна для большинства стран современного мира, в первую очередь Южной Америки, Азии и Африки. Особенностью данной модели является неполнота гражданского контроля, как правило, в плане отсутствия полноценного влияния на вооруженные силы со стороны институтов гражданского общества. Правда, довольно часто это объясняется неразвитостью в государстве самого гражданского общества. Из рассматриваемых в данном сборнике стран наиболее характерным является Таиланд, где контроль государственных структур, в том числе и министерства обороны, остается достаточно ограниченным (командование вооруженных сил, по сути, самостоятельно определяет перспективы их развития). Есть, правда, и четвертая модель функционирования вооруженных сил под жестким контролем правящей партии (как правило, коммунистической). После распада Советского Союза и исчезновения социалистического лагеря данная модель существует лишь в Китае, КНДР и Вьетнаме.

В данном сборнике приведены примеры стран, применяющих вторую и третью модель как наиболее распространенные и отвечающие господствующей тенденции современного мира – снижение роли военных во внутривнутриполитической жизни государства.

Наметившиеся тенденции развития мирового сообщества ведут к неизбежности существования вооруженных сил в системе институтов государственной власти как важнейшего и неотъемлемого ее атрибута. Основными положениями для определения места и роли вооруженных сил в системе государственных институтов власти является прежде всего выполнение вооруженными силами внешней и внутренней функции, т.е. вооруженная защита суверенитета, территориальной целостности и независимости государства, а также возможность использования армии для решения внутривнутриполитических проблем, связанных с процессами национального государственного строительства, ростом преступности и другими негативными социальными факторами. Именно для решения внутривнутриполитических проблем и стабилизации государства вооруженные силы довольно значительного числа государств Азии, Африки, Южной Америки и даже Европы были вынуждены на протяжении практически всего прошедшего столетия брать власть в свои руки и жестко, а зачастую и откровенно жестоко подавлять своих противников.

Из рассматриваемых в этом сборнике стран наиболее характерными в данном плане являются Турция, Пакистан, Египет и в определенной степени Алжир, где основными противниками военного режима являлись радикальные исламисты и экстремисты как правого, так и левого толка.

Так, в Турции в зависимости от конкретных условий в определенные периоды развития государства вооруженные силы решали следующие типичные задачи: сохранение территориальной целостности и безопасности страны; политический контроль за населением; деполитизация населения, пропаганда принципов кемализма с использованием партийного аппарата и армии как инструмента обучения и идеологической обработки молодежи; формирование и поддержка (про)правительственных партий; регулирование партийной системы в целом. Приблизительно такие же задачи решали и военные Пакистана, когда брали власть в свои руки.

Самым свежим примером вмешательства военных с целью прекращения эскалации острых социальных процессов, в которых не последнюю роль играли радикальные исламисты, являются февральские события 2011 г. в Египте. При этом не исключен вариант роли армии в политической жизни страны (вплоть до восстановления режима чрезвычайного положения), если «братья-мусульмане», уже заявившие о своем намерении принять участие в предстоящих парламентских и президентских выборах, попытаются на волне подогреваемого ими народного недовольства прийти к власти.

В процессе строительства правового демократического государства руководству любой страны необходимо решить задачи по подчинению вооруженных сил государственной власти, создать систему государственного управления, исключающую автономность их существования в системе государственной власти и милитаризации общества, а также обеспечить полный контроль над вооруженными силами, обусловленный интересами национальной безопасности и военно-политической стабильности в обществе.

С точки зрения эволюции от модели вооруженных сил как одного из столпов государственной власти наряду с коммунистической партией и органами государственной безопасности к модели функционирования вооруженных сил под полноценным гражданским контролем североамериканского и европейского толка весьма показателен пример Вооруженных Сил Российской Федерации.

Общемировая тенденция подчинения Вооруженных Сил гражданскому государственному руководству начала реализовываться в России со второй половины 90-х годов прошлого столетия, когда Министром обороны был назначен формально гражданский человек (бывший в то время Министром обороны генерал армии И.Н. Родионов был уволен из рядов Вооруженных Сил и переназначен на должность Министра обороны). В течение последующих десяти лет происходило создание законодательной базы функционирования Вооруженных Сил в условиях демократического государства и достижение главной цели – гражданского контроля над армией, который заключается в том, чтобы, с одной стороны, исключить военизацию страны и утверждение военной власти над обществом, а с другой – защитить вооруженные силы от произвола и злоупотреблений власти и от общественной диффамации.

К настоящему времени практически все атрибуты гражданского контроля над Вооруженными Силами в Российской Федерации существуют.

Так, Президент Российской Федерации, являясь гражданским лицом, в соответствии с Конституцией осуществляет функции Верховного Главнокомандующего, формирует и возглавляет Совет безопасности, утверждает военную доктрину, принимает кадровые решения по высшему руководству Вооруженных Сил.

Вооруженные Силы находятся под контролем Федерального Собрания, которое осуществляет его через свои соответствующие органы (комитеты), а также утверждает бюджетные ассигнования на оборону, строительство Вооруженных Сил и безопасность. Совет Федерации рассматривает и утверждает акты Президента о введении военного и чрезвычайного положений, принимает решения о возможности использования Вооруженных Сил за пределами Российской Федерации. Государственная Дума, принимая соответствующие федеральные зако-

ны, осуществляет контроль за оборонным и военным строительством, а Правительство – за мерами обеспечения обороны страны и государственной безопасности. Правовое положение военнослужащих особенно в части их прав, свобод и обязанностей тесно взаимосвязано с местом Вооруженных Сил в системе государственных институтов.

На Вооруженные Силы также оказывают непосредственное влияние органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и общественно-политические организации.

Как и в любой модели функционирования вооруженных сил под полноценным гражданским контролем североамериканского и европейского толка в России законодательно закреплён и механизм управления Вооруженными Силами в лице Министерства обороны, в основные задачи которого входит выстраивание взаимоотношений между гражданским руководством страны и армией, повышение эффективности использования вооруженных сил при выполнении возложенных задач, а также использование материальных и людских ресурсов в условиях сложности задач. Кроме того, Министерство обороны служит инструментом сглаживания возникающих разногласий в военно-гражданских отношениях.

Министерство обороны осуществляет полный контроль над Вооруженными Силами, что подразумевает: участие в подготовке проекта военного бюджета и стратегическом планировании; определении структуры Вооруженных Сил, приоритетов их развития; постановку задач в части разведывательной деятельности в интересах обороны; формирование Государственного оборонного заказа, закупку вооружения и военной техники; контроль за кадровой политикой, проводимой в Вооруженных Силах.

Таким образом, все законодательные и нормативные предпосылки для создания в России современных Вооруженных Сил, действующих под полноценным контролем государства и общества, объективно существуют. Вместе с тем процесс формирования взаимоотношений, которые обеспечивают механизм гражданского контроля над Вооруженными Силами, между Министерством обороны, как институтом государственной власти, и Вооруженными Силами не закончен, а это является одним из основных элементов системы контроля над армией в современном демократическом государстве.

При этом не следует забывать о том, что сильные российские Вооруженные Силы имеют геополитическое значение. В условиях ослабления целого ряда международных институтов в сфере обеспечения безопасности Вооруженные Силы могут являться фактором, предотвращающим окончательный распад системы международных отношений, основанной на принципах международного права. Именно Вооруженные Силы обеспечивают глобальную стабильность в широком понимании этого термина.

Роль военных в политике и бизнесе Алжира

Владимир Куделев

Почти 50-летняя история существования независимого Алжира позволяет утверждать, что, несмотря на наличие в этой стране достаточно сильной персонифицированной власти и многопартийной политической системы, ведущие роли в определении основных направлений внешней и внутренней политики АНДР, ее экономических приоритетов играла и играет военная верхушка Национальной народной армии (ННА).

Подобная ситуация исторически была обусловлена рядом обстоятельств. Так, выходцы из Армии национального освобождения (АНО, военное крыло Фронта национального освобождения, с момента обретения Алжиром независимости в 1962 г. – ННА) составили костяк государственного аппарата, а также института управленцев различного уровня в разных отраслях экономики. Таким образом, представители командования ННА могли через имевшиеся у них связи в высших государственных и хозяйственных кругах влиять на принимавшиеся решения.

Более того, военные с момента достижения Алжиром независимости были силой, реально определявшей фигуру главы государства. Эта ситуация только усугубилась после почти 20 лет внутриалжирского

противостояния между властями этой страны и религиозными экстремистами, а также в связи с тем, что в период перехода от командно-административной системы хозяйствования к рыночной генералы получили доступ к распределению нефтяной ренты¹. Все алжирские президенты в той или иной степени вышли из АНО-ННА и вынуждены считаться с ее особым местом в политической иерархии страны.

Военные традиционно поддерживают амбиции политиков, видящих в Алжире региональную супердержаву. И те, и другие ради реализации этих амбиций поощряют региональную гонку вооружений, в которой именно Алжир является «законодателем моды». Алжирский политический истеблишмент и военные одинаково подходят к западносахарскому конфликту и поддерживают окопавшийся на алжирской территории сепаратистский (по отношению к Марокко) Фронт ПОЛИСАРИО.

Новым явлением в последнее десятилетие стал курс военно-политического руководства АНДР на развитие военного сотрудничества с НАТО, главным образом с США. Сегодня военная верхушка АНДР в первую очередь определяет решительную позицию страны в вопросах противодействия международному терроризму, ее курс на налаживание самого широкого международного сотрудничества в этой сфере. Но прежде чем подтвердить эти тезисы, обратимся к недавней истории Алжира.

Война за независимость и создание ННА

В период войны за независимость (1954–1962 гг.) в командном составе АНО отчетливо выделился клан сторонников светского развития Алжира. Первоначально в него входили, помимо прочих, так называемые дезертиры, то есть алжирцы, получившие французское образование, служившие на офицерских и унтер-офицерских должностях во французской армии – всего таких насчитывалось к 1962 г. порядка 20 тыс. человек² – и позднее перешедшие на сторону АНО, а также командиры, придерживавшиеся левых взглядов. Порядка 40 из них после достижения независимости заняли заметные посты в министерстве обороны Алжира.

С 1957 по 1961 г. через структуры Фронта национального освобождения (ФНО) в Тунисе проследовали такие будущие генералы ННА и политики, как Ларби Бельхейр, Абдельмалек Гуэпазия, Халед Неззар, Мохаммед Ламари, Мохаммед Туати. Идеи клана «дезертиров» также разделяли не служившие во французской армии Мохаммед Медиен (Тауфик, будущий директор всесильной службы военной разведки) и Смаил Ламари. Позднее к ним присоединятся и многие офицеры ННА, которые получают образование в военных учебных заведениях СССР (таких – действующих офицеров и уже уволившихся со службы – насчитывается 4000 человек). Этот клан некоторые алжирские происламистские

исследователи иногда называют «французской партией»³. Нетрудно заметить, что многие представители этого клана были берберами по происхождению.

Другой клан – проарабский – составили главным образом офицеры, получившие военное образование в период войны за независимость в учебных заведениях арабских стран. Это были будущие генералы ННА Хосин Бенмаллем, Камель Уаргси, Ларби Си Лахсен, а также Абдельхамид Брахими⁴.

Встреча между представителями двух кланов состоялась в 1959 г. На ней представители первого клана фактически предложили распределить посты в будущей ННА⁵, но получили отказ. Тем не менее «дезертиры» смогли создать в Тунисе близ восточной границы страны хорошо обученные и оснащенные формирования, командование которых в случае необходимости могло влиять на решения ФНО и временного правительства Алжирской Республики (сформировано в 1958 г.). Эти формирования – их еще называли «внешней» АНО – готовились к позиционной войне с колонизаторами, в то время как представители второго клана, занимавшие командные позиции в действовавшей на территории Алжира «внутренней» АНО, выступали преимущественно за партизанские действия.

Несмотря на то, что «внутренняя» АНО постепенно слабела, а «внешняя» укреплялась⁶, в 1960 г. реорганизация АНО была проведена скорее по сценарию проарабского клана, а не министра вооруженных сил Крима Белькасема, которого поддерживали «дезертиры». Был создан генеральный штаб, который возглавил Хуари Бумедьен. Представители «дезертиров» возглавили несколько учебных центров, батальонов и так называемых тяжелых рот. Многие из них сыграют решающие роли в 1992 г. при отстранении от власти Шадли Бенджедида – выходца из проарабского клана. Среди них, в частности, были Халед Неззар, Ларби Бельхейр, Абдельмалек Гуэназия, Аббас Гезайель, Салим Саади.

Реорганизация АНО заметно повысила дисциплину войск и их боеспособность. К моменту достижения независимости численность формирований АНО в районе тунисско-алжирской границы («внешней» АНО) достигала 16 тыс. человек. Они были сведены в 23 батальона и пять тяжелых рот. В то же время генштабу пришлось столкнуться с многочисленными проблемами, когда он попытался поставить под единое командование привыкшие к партизанской вольнице формирования «внутренней» АНО.

Тогда же будущий президент АНДР Абдельазиз Бутефлика начал представлять интересы генштаба на различных мероприятиях вне Алжира. Именно через него было передано содержавшимся в заключении

во Франции историческим лидерам ФНО (среди них был Ахмед бен Белла) предложение генштаба, считавшего, что для урегулирования конфликта между военными структурами ФНО необходимо сформировать политбюро ФНО и разработать политическую программу. Так возник альянс между Бен Беллой и генштабом, который позднее позволил начальнику генштаба Бумедьену прийти к власти в стране, а также отказаться от реализации Алжиром ряда положений Эвианских соглашений, ущемлявших независимость страны.

Что касается «дезертиров», то с учетом развернувшейся внутри ФНО накануне и после достижения независимости борьбы различных групп они ловко лавировали между ними, примыкая к той из них, которая в конкретный исторический момент оказывалась сильнее.

Начало гражданской войны

После достижения независимости Алжир национализировал природные богатства и банковский сектор, построил основы экономики. В этом заметную помощь Алжиру оказал СССР. Есть все основания утверждать, что с 1965 по 1978 г. Алжир поступательно развивался во всех направлениях⁷.

Этому периоду предшествовали события 1962 и 1965 гг. (последние были связаны с отстранением от власти Бен Беллы и приходом к власти Хуари Бумедьена), в которых заглавные роли сыграли военные из клана «дезертиров». Это позволило им от имени «алжирского национализма» и «алжирской революции» упрочить свое положение в иерархии ННА, и не только. Представители клана заняли высокопоставленные посты и в ряде других «стратегических» министерств: внутренних дел, экономики и финансов, иностранных дел. Тем самым они не дали подняться представителям арабского клана: выпускникам университетов Каира, Дамаска, Багдада и Эль-Кувейта.

Тем не менее Бумедьен, воспользовавшись армией и спецслужбами для консолидации своей власти, в дальнейшем постарался отодвинуть генералов (и «дезертиров», и «арабов») от процесса принятия политических и экономических решений. Одновременно он следил за тем, чтобы в командовании ННА не нарушалось равновесие между представителями двух кланов. «Дезертирам» были доверены различные структуры министерства обороны, а также командование наиболее боеготовыми соединениями (бронетанковыми, парашютно-десантными, авиационными), «арабам» – командование военными округами.

Период поступательного развития завершился в середине 1980-х гг., когда во главе страны стоял уже Шадли Бенджедид (пришел к власти в 1979 г. после смерти Бумедьена). Экономические достижения постепен-

но были сведены на нет, началось постепенное ущемление социальных завоеваний алжирцев и в ряде случаев их полное упразднение. С 1986 г. страна опустилась в пучину острейшего социального, экономического и политического кризиса. Он во многом был вызван ошибками и злоупотреблениями, допущенными в эпоху единоличного правления ФНО (1962–1989 гг.).

В 1989 г. в Алжире была введена многопартийность, однако кризис продолжил углубляться. Его высшим проявлением стал развязанный исламистами в 1992 г. внутриагжирский конфликт, который продолжастся до сих пор (в нем погибло уже около 200 тыс. человек). В 1992 г. исламисты из Исламского фронта спасения (ИФС) победили в первом туре парламентских выборов, однако военные из светского клана не допустили их к власти. Высший совет национальной безопасности (в него входили генералы Мохаммед Ламари, Халед Неззар, Ларби Бельхейр, Мохаммед Туати и др.) отстранил от власти Бенджедида, отменил итоги выборов и поставил к руководству страной Высший государственный совет во главе с Мохаммедом Будиафом. Последний в кратчайшие сроки сумел создать предварительные условия для вывода страны из кризиса. Своими главными целями он сделал борьбу против исламизма, проведение радикальных реформ, а также искоренение коррупции. Однако выстрел офицера-убийцы перечеркнул эти планы. До сих пор неизвестно, кто заказал Будиафа – версия официальных властей об убийце-одиночке не выдерживает критики.

Впрочем, «французская партия» не была однородной и позиции ряда ее представителей нередко обуславливались материальными интересами. Так, сразу после отстранения от власти Бенджедида Бельхейр поторопился расправиться с отставным к тому времени генерал-майором Мостефой Белусифом. Их личный конфликт относится к 1980-м гг., когда Бельхейр, занимавший тогда пост генерального секретаря канцелярии президента, лоббировал контракты на закупку вооружений во Франции на общую сумму в 6 млрд долл. Белусиф – тогда начальник генштаба – при поддержке ряда других генералов сумел доказать Бенджедиду ненужность этих контрактов.

Результатом внутренней борьбы стало формирование кланов Бельхейра и Хамруша (последний на рубеже 1980–1990-х гг. занимал пост генерального секретаря канцелярии президента и опирался на так называемое гражданское крыло «французской партии»). Впрочем, в случае необходимости эти кланы объединялись. Так это случилось при назначении на пост начальника генштаба ННА в 1989 г. генерала Халеда Неззара, что нарушило относительное равновесие между «дезертирами» и генералами из «арабской партии» в пользу первых.

Политика национального примирения президента Бутефлики

Изначально во внутриагжирском конфликте клан сторонников светского развития Алжира выступал за полное искоренение радикального исламизма и связанного с ним терроризма, за что получил название «терминаторы». Приходится признать, что со времени борьбы за независимость насилие традиционно является непременным атрибутом алжирской внутренней политики. И этим приемом пользовались (и пользуются) все без исключения основные действующие фигуранты событий новейшей истории Алжира.

Первые в Алжире президентские выборы на альтернативной основе состоялись в ноябре 1995 г. По их результатам победу одержал представитель «французской партии» Ламин Зеруаль. Однако в 1999 г. военные фактически привели к власти кандидата от ФНО Абдельазиза Бутефлику. Досрочные президентские выборы, благодаря которым он пришел к власти, оказались безальтернативными, поскольку шесть других кандидатов сняли свои кандидатуры перед голосованием в знак протеста против действий администрации и армии, поддержавших будущего президента.

С 1999 г. президент Бутефлика приступил к реализации политики гражданского согласия, которая вкупе с подъемом экономики, по его замыслу, была призвана создать условия для возвращения мира в Алжире. Эта политика встретила противодействие со стороны «терминаторов». Тем более что ее отдельные положительные результаты заставили себя ждать достаточно долго.

В кабинете министров, сформированном в июне 2002 г. по итогам прошедших парламентских выборов, вопреки ожиданиям отсутствовал пост министра обороны, возможными кандидатами на занятие которого были генерал-майор Фодиль Шериф и генерал-майор Мохаммед Туати. Этот пост президент Бутефлика оставил за собой. Данное обстоятельство подтвердило, что отношения между главой государства и военными складываются непросто. По всей видимости, Бутефлика не забыл, что два человека, ранее занимавшие этот пост, – Халед Неззар и Ламин Зеруаль – выдвинулись затем с него на заглавные роли в государстве: первый в 1992 г. вошел в состав Высшего государственного совета, управлявшего страной после отставки Бенджедида, второй – стал президентом⁸.

Очередной кабинет министров был сформирован в мае 2003 г. В нем пост премьер-министра занял сторонник группы «терминаторов», лидер партии Национальное демократическое объединение Ахмед Уяхья. Одно назначение этого человека, названного независимыми СМИ «гражданским [политиком], сфабрикованным военными», заставляло предположить, что он – ставленник военной элиты, причем ее «терминаторского» крыла⁹. В пользу этого предположения говорит и то, что он сменил на

посту премьер-министра лидера ФНО Али Бенфлиса. К ФНО традиционно тяготели представители арабского клана военной верхушки.

Место и роль алжирских военных во внутренней политике стали меняться с 2004 г., когда в канун президентских выборов действия Бенфлиса привели к расколу в ФНО. ННА фактически встала на сторону Бенфлиса – соперника Бутефлики¹⁰. Однако по итогам выборов победу одержал Бутефлика, чем создал небывалый в истории Алжира прецедент, поскольку ранее именно командование ННА фактически решало, кому стоять у руля государственной власти.

Бутефлика одержал не только персональную победу. Выиграли и поставившие на него исламисты и близкие к ним по ряду вопросов национал-консерваторы из ФНО. Первых устраивало в Бутефлике то, что в период его правления они политическими средствами стали постепенно добиваться того, чего они не смогли добиться военным путем. Вторые через сохранение Бутефлики на посту главы государства пытались обезопасить самих себя – существовавшую (и существующую) административно-бюрократическую машину.

Объяснение полученного Бутефликой результата следует искать и в отношениях между президентом и армией. Как писала в этой связи пропрезидентская газета «Жур д'Альжери», вся политическая стратегия Бенфлиса была основана на идее, согласно которой командование ННА было враждебно по отношению к Бутефлике, и что начальник генштаба генерал Ламари должен был спасти ситуацию. Раз этого не случилось, значит, глава государства сумел в последний момент предложить генералам нечто, заставившее их передумать. Как подчеркнул в этой связи лидер проберберской партии Объединение за культуру и демократию Саид Саади, «мы увидели не нейтральную армию, а ее нейтрализацию, совершенную Бутефликой».

Отставка генерала Ламари

В июле 2004 г. в Алжире с официальным визитом – первым подобного рода со времени достижения Алжиром независимости – побывала министр обороны Франции Мишель Альо-Мари. На переговорах в Алжире обсуждался широкий круг вопросов военного и военно-технического сотрудничества, в том числе проведения совместных маневров, поставок оружия и содействия в области подготовки военных кадров. В ходе мероприятий с участием французского министра было обращено внимание на отсутствие начальника генштаба ННА генерала Мохаммеда Ламари. Алжирские СМИ сразу сделали вывод об его предстоящей отставке, что подтвердилось уже в августе. Тем самым Бутефлика нанес сильный удар по «французской партии».

Формально 3 августа генерал Ламари подал Бутефлике прошение об отставке, которое глава государства принял. Подача прошения мотивировалась состоянием здоровья Ламари. Известно, что он страдает от диабета и гипертонии.

Выпускник военной академии им. Фрунзе генерал Ламари возглавил генштаб ННА в 1993 г. До этого с 1992 г. он командовал специальными силами численностью до 15 тыс. человек, на которые легла основная тяжесть борьбы с терроризмом. Он принимал непосредственное участие в разработке операций по разгрому наиболее крупных бандформирований религиозных экстремистов в ходе внутриафриканского конфликта. Генерал сыграл ключевую роль в том, что алжирское государство устояло в борьбе с религиозным экстремизмом, а затем одержало над ним военную победу. Сам Ламари в этой связи утверждал, что решимость армии позволила спасти республику в Алжире. Генерал пользуется большим уважением среди военных. Имеет репутацию светского человека, сторонника республиканского строя.

Ламари – единственный среди алжирских военных, кто вплоть до отставки мог позволить себе выступления в прессе. Он неоднократно выступал с опровержениями шумных кампаний в иностранных СМИ, обвинявших ННА в том, что военные в ходе борьбы с религиозным экстремизмом якобы прибегали к расправам над мирным населением. Он анонимно выступал с анализами обстановки в стране в независимых изданиях. Он же впервые среди алжирских генералов «добровольно» принял решение об уходе в отставку.

Генерал всегда выступал против того, как Бутефлика пытался решить в Алжире проблему исламизма (исламистов – вернее, их «умеренную» часть – поддерживали многие сторонники арабского клана). В частности Ламари не верил в то, что исламисты могут быть «умеренными». Выступая в июле 2002 г. в военной академии в Шершелли, генерал подверг критике политику национального примирения, проводившуюся Бутефликой. «Если терроризм побежден в военном отношении, интегрим остается нетронутым. Вы это можете слышать на проповедях в мечетях, на телевидении, в школах», – заявил он тогда.

Ламари в качестве начальника генштаба ННА неоднократно посещал Россию. В ходе этих поездок были заключены важные контракты по линии военно-технического сотрудничества, сделавшие Алжир основным покупателем российского оружия в Африке.

Отставка генерала Ламари значительно укрепила позиции президента Бутефлики, который стал менее зависим от военной верхушки. Как представляется, постепенный отход ННА от политики – объективный процесс. Он связан с появлением нового поколения старшего офицерского

состава, получившего в отличие от выходцев из АНО хорошее современное образование и выступающего в основной своей массе за постепенное самоустранение армии из политических игр. Это поколение уже продемонстрировало свое влияние, сыграв решающую роль в принятии на рубеже XX–XXI вв. решения на постепенную профессионализацию армии. Такое решение было во многом вынужденным, учитывая активную пропагандистскую деятельность исламистов в армии, особенно среди призывников, сделавшую весьма сомнительной ее надежность.

Новым начальником генштаба ННА стал генерал-майор Салах Ахмед Гаид, ранее занимавший пост командующего сухопутными войсками. Одновременно Бутефлика назначил новым командующим сухопутными войсками, генерального секретаря министерства обороны, а также командующих четырех из шести военных округов.

Дальнейшие перестановки в правительстве

В декабре 2004 г. Бутефлика отправил в отставку своего военного соратника генерал-майора Мохаммеда Туати. Генерал, пользовавшийся репутацией заклятого врага исламистов, сам подал в отставку после словесной перепалки с главой государства¹¹. До этого, за пять лет нахождения у власти, Бутефлике в целом удавалось строить взвешенные отношения с военной верхушкой. Во многом успех главы государства в решении этого весьма непростого вопроса был достигнут благодаря Туати. Этому военному – берберу по происхождению, «дезертиру» по пройденному пути – дали многочисленные и самые неожиданные характеристики и клички. Одна из них – «Мозг» – говорит сама за себя. Репутацию интеллектуала в генеральской фуражке он заработал неоднократными выступлениями в прессе с анализами политического и юридического характера. Кстати, Туати близок к оппозиционной проберберской партии светского толка – Объединению за культуру и демократию.

В начальный период внутриаалжирского конфликта Туати был соратником министра обороны генерала Халеда Неззара и в это время заслужил репутацию идеолога «терминаторов».

В мае 2005 г. Бутефлика произвел перестановки в правительстве страны. В частности впервые был учрежден пост министра-делегата при министре обороны (которым, напомним, является сам Бутефлика). На этот пост назначение получил представитель клана «дезертиров» отставной генерал Абдельмалек Гуэназия. Это назначение было воспринято как некая компенсация для «французской партии» после ухода Ламари.

К тому времени стало понятно, что многочисленные перестановки, проводившиеся в командовании ННА за предыдущие 15 лет, никоим образом не коснулись только трех человек: главы департамента развед-

ки и безопасности (бывшая служба военной разведки) генерал-майора Мохаммеда Медиена, его заместителя и главы дирекции контрразведки генерал-майора Смаила Ламари и командующего жандармерией генерал-майора Ахмеда Бустилы).

В июле 2006 г. Бутефлика присвоил очередные воинские звания ряду офицеров и генералов силовых структур. Три из них получили высшие воинские звания – «корпусной генерал». Это начальник генштаба ННА Ахмед Садах Гаид, шеф военной разведки Медиен, бывший командующий жандармерией Аббас Гезайель. До них такое звание имел только один человек – бывший начальник генштаба Ламари.

Особо обратило на себя внимание продвижение Гезайеля. По данным алжирских СМИ, он оставил пост командующего национальной жандармерией в 1997 г. по собственной просьбе (занимал его с 1988 г.). С тех пор он занимался вопросами координации между генштабом и жандармерией и «никогда не прерывал связь с кругами, принимающими решения»¹². «Его харизма, решимость бороться против терроризма и уважение, которое питают к нему как в жандармском корпусе, так и в генштабе ННА, делают его голос очень слышимым среди коллег по военному истеблишменту», – писала, в частности, газета «Либерте». Пользуется репутацией «последнего из могикан» из числа тех высших офицеров ННА, которые в начале 1992 г. принимали решение об удалении от власти Бенджедида.

Формальным отражением борьбы «французской» и «арабской» партий на более высоком уровне в период правления Бутефлика является сменяемость премьер-министров. В июне 2008 г. глава государства отправил в отставку кабинет премьер-министра Абдельазиза Бельхадема и вновь назначил на пост главы правительства Ахмеда Уяхью. Последний стал главой правительства в третий раз. Первый раз он занимал этот пост с 1996 по 1998 г., когда на посту президента АНДР находился Ламин Зеруаль, второй раз – с 2003 по 2006 г., уже при Бутефлике.

Уяхья – антипод своего предшественника. Уяхья и Бельхадем схожи только в одном: оба возглавляют пропрезидентские партии (Уяхья – НДО, Бельхадем – ФНО), которые входят в правительственную коалицию, где с ними взаимодействует исламистское Движение общества мира. В остальном Уяхья относится к «терминаторам», Бельхадем считается скрытым исламистом. Первый – бербер по происхождению, светский человек по убеждениям, второй – араб, исламо-консерватор. По взглядам на экономику Уяхья считается «рыночником», Бельхадем – сторонником командно-административной системы.

По итогам прошедших в апреле 2009 г. в Алжире президентских выборов главой АНДР в третий раз подряд стал 72-летний Бутефлика. В це-

лом персизбране Бутефлики продемонстрировало сиюминутную прочность алжирской политической системы и места в ней военных, однако оно чревато как минимум двумя проблемами как для правящей элиты, так и для всей страны. Во-первых, с учетом возраста президента страна в любой момент может оказаться перед необходимостью решать проблему преемственности власти, и пока у военных нет кандидата на замещение этой должности. Во-вторых, Теперь Бутефлике приходится выполнять сделанные перед выборами обещания в совершенно иных экономических условиях. Прошлые положительные результаты были достигнуты во многом за счет высоких цен на углеводороды на мировом рынке. А любое обострение и без того непростых социально-экономических проблем чревато притоком молодежи в ряды исламистских бандформирований.

Уже достаточно долгое время «французская» и «арабская» партии ведут борьбу за умы значительной по численности прослойки младших и старших офицеров, вынесших на себе основную тяжесть борьбы с религиозными экстремистами и не желающих, чтобы политики украли у них военную победу. Эта прослойка наиболее уважаема рядовым и унтер-офицерским составом армии и наиболее непредсказуема в своих возможных действиях.

На самосознание офицерского корпуса ННА в части, касающейся расширения состава «французской партии», в последние два десятилетия сильно повлиял знаменитый алжирский писатель Мохаммед Мулесехуль. Бывший подполковник спецназа ННА долгое время из-за военной карьеры скрывался под женским псевдонимом Ясмينا Хадра. По мнению автора более чем 10 бестселлеров, «интегризм является проблемой сугубо мусульманской». «Только имамы, одним словом – мечеть, в состоянии сделать что-либо. Однако настоящая проблема заключается в том, что мечеть уже давно не отвечает своему призванию. Имамы превратились в куртизанов власти, – полагает он. – Только сами мусульмане могут решить эту проблему. Именно мусульманам надо показать, насколько в крови у них оказались руки. Этот интегризм был создан и поощрялся самими мусульманами. Размышления, духовность и рассудок угрожают монархиям, роскоши и тоталитаризму»¹³.

Говоря о своих отношениях с французскими СМИ, Мулесехуль отмечает, что они испортились сразу после того, как он выступил с утверждениями о том, что за массовыми расправами над мирным населением стоят исламисты. «Когда вы говорите, что в Алжире убивают именно интегралы, эта истина не очень-то интересует прессу, – писал он. – Кто-то хочет заставить людей поверить, что Вооруженная исламская группа являлась детищем армии. Я не могу молчать. Я потерял моих лучших друзей. Я терял в этой войне моих солдат». При этом он подчеркивает,

что никоим образом не защищает тех людей в погонах, которые, возможно, были замешаны в делах, связанных с деньгами. «Я никогда не говорил, что армия составлена из ангелов, – подчеркнул он, – однако я всегда говорил, что все массовые убийства без какого-либо исключения являются делом рук исламистов».

С другой стороны, отдельные сторонники «арабской партии» перешли на сторону радикальных исламистов (например, один из полевых командиров Салафистской группы проповеди и джихада (СПИД) Амари Сайфи¹⁴, муфтий СПИД Иссам Лауар). Некоторые сторонники «арабской партии» выехали из страны и сформировали Алжирское движение свободных офицеров (АДСО).

И алжирские генералы, и политики имеют, судя по всему, особую позицию по отношению к атомному оружию. Как известно, Алжир достаточно поздно (в 1994 г.) присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Это обстоятельство позволило некоторым западным СМИ периодически выступать с обвинениями в адрес Алжира в том, что он якобы сначала создал ядерное взрывное устройство, а только затем присоединился к договору. Чтобы опровергнуть сторонников этой точки зрения, Алжир подписал дополнительный протокол к ДНЯО, который дал право МАГАТЭ проводить внезапные инспекции алжирских атомных объектов.

Командование ННА за время нахождения у власти Бутефлики четко выполнило его установку на сближение с НАТО. Алжир стал участником программы Средиземноморского диалога НАТО (другими участниками являются Египет, Израиль, Иордания, Мавритания, Марокко и Тунис), присоединился к антитеррористической операции НАТО в Средиземном море «Активные усилия». В порт Алжира на регулярной основе стали заходить боевые корабли НАТО. Ежегодно проводятся совместные учения ВМС. С 2005 г. Алжир регулярно принимает участие в ежегодно проводимых под эгидой США антитеррористических учениях типа «Флинтлок».

Военная верхушка и бизнес

Стихийная и абсолютно непрозрачная кампания первого этапа приватизации, осуществленная в конце 1980-х – 1990-х гг. по рекомендации МВФ, привела к тому, что из имевшихся в середине 1980-х гг. 460 предприятий центрального подчинения и 1600 – регионального государства к 2002 г. потеряло практически все. Большинство предприятий просто прекратило свое существование. В этом процессе выжили главным образом те из них, в советы директоров которых генералы ввели своих родственников. Еще одной «фирменной» сферой приложения интересов генералитета стали бесчисленные экспортно-импортные фирмы, кото-

рые ничего не производили, а настоящие хозяева которых наживались на спекулятивных операциях.

Данные о многомиллионных банковских вкладах и номерах счетов генералов Ларби Бельхейра, Мохаммеда Туати, Мохаммеда Медиена, Смаила Ламари в банках Швейцарии, Люксембурга, Монако, Лихтенштейна, а также о возможных источниках происхождения хранящихся на них средств (в том числе «откаты» по сделкам, связанным с закупками вооружений) содержатся на сайте АДСО¹⁵. Понятно, что проверить достоверность этой информации не представляется возможным.

Экономическая активность генералитета во многом облегчалась тем, что кадровые и привлеченные сотрудники службы военной разведки работали под прикрытием на всех ступеньках бюрократической иерархии министерств и ведомств, провинций, на всех крупных государственных предприятиях, в банках, страховых компаниях, СМИ. Более того, существовавший на рубеже XX–XXI вв. порядок вещей (возможно, он существует и сейчас) требовал, чтобы каждое новое назначение госчиновника на пост или его продвижение по госслужбе визировалось службой военной разведки.

С появлением относительно независимой прессы алжирская военная верхушка быстро осознала важность СМИ и приспособилась к новым правилам игры на информационном пространстве. Считается, что ее интересы в той или иной мере отражает газета «Аль-Ватан».

Армия и другие силовые структуры

С приходом на пост начальника генштаба ННА генерала Салаха Ахмеда Гаида началась кардинальная реформа армии, основные принципы которой заключались в постепенном отказе от «советской» структуры соединений и воинских частей, модернизации и закупке новых вооружений и военной техники, переходе на частично контрактный принцип комплектования, укреплении связей с НАТО. Однако в последние годы начальник генштаба утратил ряд прерогатив, которыми сейчас занимаются министр-делегат при министерстве обороны генерал Абдельмалек Гуэназия (в частности он курирует жандармерию) и генеральный секретарь министерства обороны генерал-майор Ахмед Сенхаджи.

Развитие ННА нельзя рассматривать в отрыве от неразрывно связанных с военной верхушкой алжирских спецслужб, в частности национальной жандармерии, службы военной разведки и генеральной дирекцией службы национальной безопасности (DGSN – полиция), поскольку постоянно проходила ротация генералов и старших офицеров между этими четырьмя структурами. Так, в высшем командном составе жандармерии всегда были сильны позиции «французской партии» – сме-

нявшие друг друга за 35 лет существования жандармерии три командующих этой структуры были когда-то «дезертирами».

Службу военной разведки в разное время возглавляли (возглавляет) известные сторонники «французской партии» генералы Мохаммед Меддиен (Тауфик) и Смаил Ламари (скончался в августе 2007 г.). Дважды эту службу возглавляли бывшие муджахидины Лахаль Айят и Мохаммед Бетчин, но они, как считается, были связаны с «французской партией» по ряду причин, в том числе и материального свойства.

DGSN обрела удивительную стабильность руководства после переворота 1965 г. – за 22 года у ее руля были всего два «капитана». С 1965 по 1977 г. службу возглавлял бывший офицер АНО Ахмед Драа, с 1977 по 1987 г. – Хеди Хедейри. Последний фактически повторил путь «дезертиров» – примкнул к освободительному движению в 1961 г. после возвращения из Франции, где он учился в одном из университетов. Хотя DGSN формально входит в структуру МВД, ее генеральный директор с 1965 г. представляет доклады непосредственно главе государства, а значит, и может в определенной степени влиять на него. С 1994 г. и вплоть до 2010 г. этой службой руководил назначенец Ламина Зеруаля Али Тунси – выходец из службы военной разведки. Назначение Тунси означало фактический перевод под контроль военных этой некогда достаточно автономной спецслужбы. Сейчас ее численность составляет 200 тыс. человек¹⁶.

Таким образом, с 1994 г. под контролем военной верхушки находились три основных спецслужбы страны. «Под президентом» остались лишь так называемые параллельные спецслужбы, но они не имели тех масштабов работы, которые были характерны для указанной тройки.

Военная доктрина Алжира и борьба с терроризмом

Алжирская военная доктрина определяет в качестве наиболее вероятного противника Марокко. Она также не исключает возможности участия в военном конфликте с Израилем. Не исключается и возможность вооруженного конфликта с Ливией, у которой есть территориальные претензии к Алжиру. В качестве союзников рассматриваются прежде всего некоторые арабские страны. Предусматривается поддержка национально-освободительных движений, к каковым АНДР относит в частности базирующийся на территории страны Фронт ПОЛИСАРИО.

Основная группировка войск ННА находится на западе страны близ границы с Марокко. Боевые части ННА регулярно привлекаются к участию в антитеррористических операциях. По взглядам военно-политического руководства Алжира, ННА имеет две функции: внешнюю и внутреннюю.

При реализации внешней функции военная доктрина обязывает ННА быть готовой отразить нападение с запада. При этом об особенно-

стях оперативной и боевой подготовки ННА можно судить по типовому учению, проведенному в апреле 2007 г. с 8-й танковой дивизией, дислоцированной на западе Алжира у границы с Марокко. Согласно замыслу учения (маневры подобного рода проводятся ежегодно) условный противник нарушил границу Алжира, атаковал позиции алжирских войск и потеснил их. Чтобы восстановить положение и отбросить противника, командование ННА бросило в контратаку части танковой дивизии, на вооружении которой находились танки советского производства Т-72. Учение проводилось с боевыми стрельбами¹⁷.

Внутренняя функция выполнялась последние два десятилетия главным образом путем участия ННА в борьбе с терроризмом. Именно благодаря алжирским военным властям АНДР удалось одержать фактически военную победу над исламистскими бандформированиями¹⁸.

Во внутриалжирском противостоянии можно выделить три этапа. На первом (1992–1994 гг.) армия и спецслужбы находились на положении обороняющихся. В этот период исламисты пользовались определенной поддержкой некоторых категорий населения, что придавало внутриалжирскому противостоянию оттенок гражданской войны и предопределило в конечном итоге длительность конфликта по времени. Главной задачей силовиков в первые годы конфликта была защита жизненно важных объектов и элементов инфраструктуры.

Для координации действий силовых структур был создан специальный межведомственный комитет во главе с начальником генштаба ННА генералом Ламари. Решения комитета были обязательны для исполнения всеми силовыми структурами. Постепенно произошло своеобразное «разделение труда» между силовыми структурами: в городах в основном действовали полицейские подразделения, в пригородных зонах и сельской местности – национальная жандармерия, а в горах и лесных массивах – подразделения ННА. Приобретенный опыт и проведенные организационно-технические мероприятия позволили ННА и другим силовым структурам перейти в контрнаступление.

На втором этапе (1995–1997 гг.) упор был сделан на проведение широкомасштабных войсковых операций по вытеснению исламистских бандформирований из зон, в которых они «окопались». В итоге алжирским силовикам удалось вырвать из-под контроля исламистов ряд районов, оказавшихся к тому времени под их влиянием, и локализовать очаги сопротивления противника. В значительной мере этому способствовало то, что военные стали все более широко использовать так называемые отряды местной самообороны, бойцы которых хорошо знали особенности своих районов и местность в районе боев. С 1996 г. действия вооруженных формирований исламистов стали носить ограниченный характер.

С 1998 г. начался третий этап подавления исламского экстремизма, который продолжается по настоящее время. Его основной чертой является уничтожение небольших по численности исламистских бандформирований, укрывающихся, как правило, в труднодоступных местах. В начале этого этапа в ННА была введена упрощенная процедура принятия решений на применение силы, что сыграло важную роль в деле борьбы против небольших мобильных группировок. Однако с приходом к власти в 1999 г. Бутефлики самостоятельность военных в части принятия решений на применение силы была ограничена.

С конца 1990-х гг. войсковые операции стали проводиться, как правило, при совпадении разведывательных данных, полученных от различных источников, включая допросы пленных и перебежчиков. Широкое применение нашли средства воздушной разведки, в том числе беспилотные летательные аппараты.

Руководство войсковыми операциями во многих случаях осуществлялось не с земли, а со специальных воздушных командных пунктов. Нередко боевые действия организовывались в ночных условиях. Кроме войсковых операций, алжирские силовики проводили многочисленные специальные мероприятия. Причем наиболее часто устраивались засады. Одной из главных целей спецопераций было физическое устранение «эмиров» – полевых командиров исламистских бандформирований.

Примерно с февраля 2004 г. проявились первые положительные результаты налаживания взаимодействия между Алжиром и США в борьбе с терроризмом. Так, алжирские военные стали пользоваться разведданными, получавшимися с американских разведывательных спутников¹⁹. Они также получили большую партию американского оружия и спецсредств, включая приборы ночного видения. До этого США долгое время фактически придерживались эмбарго на поставки оружия Алжиру.

В августе 2007 г. в связи с перегруппировкой формирований «Аль-Каиды» в странах исламского Магриба» (АКМ) командование ННА приняло ряд решений, касавшихся повышения уровня координации между командованиями военных округов. В частности с 5 августа начало функционировать «координационное командование», призванное согласовывать действия войск 4-го и 5-го военных округов на территории провинций Тебесса, Хеншелла, Батна, Бискра и Эль-Уэд. До этого командиры войсковых частей одного округа не стремились к преследованию бандформирований в случае, если они в ходе антитеррористических операций «перебежали» на территорию другого округа²⁰.

С сентября 2008 г. поступление новых видов вооружений и боевой техники позволило ННА впервые прибегнуть к новой для нее форме ведения боевых действий против формирований АКМ. Это выразилось

в массированном применении в ночных условиях боевых вертолетов, оснащенных управляемыми ракетами класса «воздух-земля». В течение месяца ночные удары с воздуха были нанесены по семи предполагаемым районам базирования исламистских бандформирований в труднодоступных зонах центра и на востоке страны²¹.

О военно-техническом сотрудничестве России и Алжира

Алжир традиционно был крупнейшим покупателем оружия и военной техники в СССР. Несмотря на неоднократные заявления о намерении диверсифицировать источники получения оружия, Алжир так и остался одним из основных партнеров России по линии ВТС. Это произошло, во-первых, потому, что с началом внутриалжирского конфликта и вплоть до терактов 11 сентября 2001 г. в США ряд западных стран установил негласное эмбарго на поставки оружия в АНДР. Во-вторых, в клане «терминаторов» всегда заметную роль играли генералы-выпускники советских военных вузов, которые отдавали предпочтение советским и российским вооружениям.

Тем не менее с 1992 по 2000 г. Алжир заключил со странами Европы контракты на поставки вооружений и военной техники на сумму 1,4 млрд долл. За этот же период в страну из Европы поступили вооружения на сумму 1,3 млрд долл.²² При этом в связи с эмбарго нередко использовалось посредничество третьих стран.

В марте 1999 г. было подписано российско-алжирское соглашение о ВТС. Заметный импульс развитию двусторонних связей придали визиты в Москву в ноябре 2000 г. и в мае 2002 г. начальника генштаба ННА корпусного генерала Ламари. В ноябре 2001 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между военными ведомствами РФ и Алжира. Наиболее крупные поставки российских вооружений пошли с начала 2000-х гг. В этот период были закуплены 22 фронтовых бомбардировщика Су-24МК, четыре самолета-заправщика Ил-78, 42 транспортных вертолета Ми-171Ш, другая техника.

Самый мощный импульс развитию ВТС между двумя странами придал состоявшийся в марте 2006 г. визит в АНДР президента РФ Владимира Путина. Незадолго до визита, а также во время пребывания российского президента в Алжире были подписаны контракты на общую сумму в 7,5 млрд долл. Они касались в частности поставок истребителей Су-30МКИ(А) (28 единиц) и МиГ-29СМТ/УБТ (34), учебно-тренировочных самолетов Як-130 (16), ЗРС С-300ПМУ (четыре дивизиона), ЗРПК «Панцирь-С1» (38), танков Т-90СА (185), модернизации имевшейся у Алжира военной техники.

С поставкой истребителей МиГ-29 возник скандал, поскольку в начале 2008 г. Алжир денонсировал сделку, хотя 15 машин были уже по-

ставлены. Алжирские военные были недовольны тем, что при сборке самолетов использовались бывшие в употреблении комплектующие. В 2010 г. Алжир принял решение закупить дополнительно 16 истребителей Су-30МКИ(А).

«Американская партия»

За время, прошедшее после достижения Алжиром независимости, первоначально командование ННА имело решающее влияние на принятие решений в сфере политики и экономики. Однако в последнее десятилетие степень этого влияния на дела в стране постепенно уменьшалась. Этот процесс ускорился с приходом к власти в 1999 г. Бутефлики. Тем не менее пока нет признаков того, что этот процесс стал необратимым.

Дальнейшее развитие ННА как военной организации, а также то, в какой степени военная верхушка будет участвовать в формировании внутренней и внешней политики Алжира, во многом зависит от трех обстоятельств:

- кто будет преемником Бутефлики на посту главы государства;
- кто сменит 75-летнего генерала Гаида на посту начальника генштаба ННА;
- в какой мерс Бутефлика и его возможный преемник будут реализовывать курс на превращение Алжира в региональную военную державу.

Что касается ВТС между Россией и Алжиром (в этой сфере достаточно много будет зависеть от мнения алжирских военных), можно констатировать, что за последние годы АНДР стала вторым партнером РФ после Индии. Похоже, что тенденция на расширение этого сотрудничества сохранится и на ближайшую перспективу. Теперь, как представляется, настало время и для развития военного сотрудничества. Тем более что и у России, и у Алжира есть чем поделиться, особенно в части опыта проведения антитеррористических операций.

Можно констатировать, что в подтверждение выдвинутого выше тезиса о неоднородности «французской партии» из нее выделилась и оформилась «американская партия», которая, равно как и Вашингтон, тут же сделала крен в сторону «умеренных» исламистов. Судя по всему, новую партию негласно возглавил Бельхейр, но она пока не достигла уровня «французской партии» по степени влияния. Как писала в этой связи алжирская газета «Матэн», внутренняя «политическая турбулентность огромной амплитуды» и «ужасающий» терроризм в 1990-е гг. не только «практически поставили нашу страну на колени», но и значительно

уменьшили степень влияния Франции и России на алжирские власти, одновременно увеличив американское влияние на принимающие решения центры. При этом «франко-русская ось потеряла большинство из своих прежних ставленников в пользу англо-американской оси»²³.

²³ *Куделев В.В.* О роли военных в политической жизни Марокко и Алжира. Сборник статей «Офицерский корпус ближневосточных государств» – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004 г.

²⁴ *Natoutou M.* Et ils sont devenus harkis – Fayard, Paris, 1993, p. 119.

²⁵ *Brahimi A.* Aux origines de la tragedie algerienne (1958–2000) // www.anp.org.

²⁶ Абдельхамид Брахими – автор книги «К истокам алжирской трагедии». См.: *Brahimi A.* Aux origines de la tragedie algerienne (1958–2000) // www.anp.org.

²⁷ *Brahimi A.* Aux origines de la tragedie algerienne (1958–2000) // www.anp.org.

²⁸ *Ланда Р.Г.* История Алжира. XX век. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999 г., С. 131.

²⁹ *Бабкин С.Э.* Алжир: время подводить итоги // www.iimes.ru, 02.08.2002 г.

³⁰ *Бабкин С.Э.* К формированию нового кабинета министров в Алжире, 05.07.2002 // www.iimes.ru.

³¹ *Бабкин С.Э.* К формированию нового правительства Алжира // www.iimes.ru, 28.05.2003 г.

³² Эту позицию озвучил начальник штаба ННА генерал Ламари. Отвечая на вопрос газеты «Матэн», что будет делать армия в случае, если по результатам президентских выборов будет поставлена под угрозу стабильность государства, он предупредил, что ННА «никогда не была и никогда не будет нейтральной в делах, касающихся будущего Алжира». См.: *Куделев В.В.* Алжир: кризис вокруг ФНО углубляется // www.iimes.ru, 18.02.2004 г.

³³ *Куделев В.В.* О ситуации в Алжире (ноябрь – декабрь 2004 г.) // www.iimes.ru, 13.01.2005 г.

³⁴ *Куделев В.В.* Ситуация в Алжире: июль 2006 г. // www.iimes.ru, 08.08.2006 г.

³⁵ *Куделев В.В.* Ситуация в Алжире: декабрь 2009 г. // www.iimes.ru, 13.01.2010 г.

³⁶ Боевой псевдоним Амари Сайфи – Абдерразак Пара. Использование слова «Пара» в боевых псевдонимах ряда полковых командиров в алжирских реалиях говорит о том, что посетитель этой клички ранее проходил службу в парашютно-десантных войсках.

³⁷ www.anp.org.

³⁸ *Куделев В.В.* Ситуация в Алжире: май 2006 г. // www.iimes.ru, 07.06.2006 г.

³⁹ *Куделев В.В.* Ситуация в Алжире: апрель 2007 г. // www.iimes.ru, 05.05.2007 г.

⁴⁰ Если в начале внутриапжирского конфликта по состоянию на середину 1992 г. в бандформированиях Исламской армии спасения (вооруженное крыло Исламского фронта спасения), Вооруженной исламской группы и других насчитывалось до 2000 человек, к 1994 г. их численность возросла до 20 тыс. человек. Благодаря действиям алжирских силовиков за период с 1992 по 2001 г. были уничтожены до 17 тыс. боевиков. См.: *Куделев В.В.* Ситуация в Алжире: ноябрь 2006 г. // www.iimes.ru, 07.12.2006 г.

⁴¹ *Куделев В.В.* О политической ситуации в Алжире: февраль 2004 г. // www.iimes.ru, 17.03.2004 г.

⁴² *Libette, Alger.* 06.08.2007 г.

⁴³ *Куделев В.В.* Ситуация в Алжире: сентябрь 2008 г. // www.iimes.ru, 18.10.2008 г.

⁴⁴ *Юрченко В.П.* О военно-техническом сотрудничестве арабских стран с европейскими государствами // www.iimes.ru, 17.06.2003 г.

⁴⁵ *Бабкин С.Э.* Религиозный экстремизм в Алжире – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001 г.

Военные в политике и экономике Гвинеи

Вадим Зайцев

Общая характеристика

Гвинея – государство в Западной Африке, вытянутое в широтном направлении с запада на юго-восток. Площадь – 245,8 тыс. км². Граничит с Гвинеей Бисау, Сенегалом, Мали, Кот-д’Ивуаром, Либерией и Сьерра-Леоном. Столица и крупнейший город – Конакри (1,59 млн¹). Население – 10,33 млн человек². При этом 43,9 % жителей моложе 15 лет³ и лишь 35,4 % живут в городах⁴, 30 % не имеют доступа к чистой питьевой воде, 87 % живут менее чем на 2 долл. в день⁵. С 1990 г. население страны удвоилось, в то время как ВВП в реальном выражении на душу населения за тот же период сократился с 433 долл. (1990 г.) до 420 долл. в 2010 г.⁶ Это примерно в три раза меньше, чем в среднем для Африки к югу от Сахары (далее – АЮС)⁷. В регулярно публикуемом Foreign Policy «Индексе провалившихся государств» (The Failed State Index 2010⁸) американского «Фонда за мир» (Fond for Peace) страна занимает 9-е место из 177⁹.

Практически все население Гвинеи относится к нигеро-конголезской языковой макросемье, представленной двумя языковыми семьями – атлантической и манде. В стране существуют консолидированные, четко

очерченные доминирующие этнические (этнолингвистические/этносоциальные) общности – фульбе (приблизительно 40 % от всего населения), малинке (30 %) и сусу (20 %). Языки этих групп играют на региональном и общенациональном уровне роль лингва-франка, официальным языком выступает французский. Группа этносов региона Лесная Гвинея – кпелле (район г. Нзерекоре), тома (г. Масента), киси (г. Киссидугу) и другие – представляют собой этнорегиональную общность, которую обычно собирательно называют «лесные» (*forestier*). Более 3/4 населения исповедует ислам, остальные – христиане и приверженцы местных традиционных культов.

В Гвинее живет лишь малая часть фульбе (пель, фулани), расселенных по всей Западной Африке, но сохраняющих общий язык и представления о коллективной общности. Малинке, помимо севера Гвинеи, также живут в Мали. Между представителями этих этнических групп шла борьба за пост президента на выборах 2010 г. Фульбе Селлу Дален Диалло (*Cellou Dalein Diallo*), победивший в первом туре, во втором уступил малинке Альфе Конде (*Alpha Condé*), который получил 52,5 %. К малинке принадлежал первый президент Гвинеи Ахмед Сску Туре (*Ahmed Sékou Touré*).

Основная часть сусу проживает на юге Гвинеи, составляя значительную долю населения Конакри. Также сусу расселены в Гвинее Бисау, Сенегале, Либерии. Второй президент страны Лансана Конте (*Lansana Conté*) представлял сусу. К «лесным» относят проживающих в пограничных с Либерией и Сьерра-Леоне юго-восточных районах киси (гии, асси), кпелле (герзе), ману, коно, тома и другие группы. Влияние «лесных», несмотря на их относительную малочисленность, довольно высоко в армии. Именно они инициировали военный переворот после смерти Конте, выдвинув в лидеры хунты представителя кпелле Мусу Дадиса Камара (*Moussa Dadis Camara*).

Ключевую роль в экономике играет сырьевой экспорт, его доля в ВВП – около 30 %. Отрицательный торговый баланс находится на уровне 10 % ВВП и, по прогнозам МВФ, будет только увеличиваться¹⁰. В 2009 г. экспорт составил чуть более 1 млрд долл., из них 950 млн долл. пришлось на первичное минеральное сырье, в том числе 491 млн долл. на бокситы и глинозем¹¹. Неформальная, «серая» экономическая активность оценивалась в 2007 г. в 40 % ВВП (среднемировое значение – 35,5 %¹²). Значительная часть гвинейского «теневого сектора» приходится на трафик наркотиков – в отчете госдепа США за 2009 г. страна была названа «ключевым перевалочным пунктом трафика кокаина в Европу, большая часть которого имеет венесуэльское происхождение»¹³.

Гвинея занимает первое место в мире по запасам (около 30 %) и обеспечивает порядка 10 % текущей (оценка на 2009 г.) добычи бокси-

тов¹⁴. Бокситы являются основным сырьем для алюминиевой промышленности, этим, по сути, исчерпывается значение страны для мировой экономики. По данным за 2005–2008 гг., Гвинея обеспечивала 22 % потребностей США в импорте бокситов. Кроме того, в стране добываются алмазы (3,098 млн карат в 2008 г.), золото (19,9 т без учета нелегальной добычи), производится глинозем (527 тыс. т)¹⁵.

Таблица 1. Основные показатели развития экономики Гвинеи, 2004–2010 гг.

Показатель	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010*
Рост ВВП (%)	2,3	3,0	2,5	1,8	4,9	-0,3	3,0
Рост ВВП на душу населения (%)	-0,9	-0,2	-0,7	-1,4	1,7	-3,4	0,2
ВВП на душу населения (долл., в ценах 2000 года)	385	384	381	376	382	369	368
Экспорт товаров и услуг (% от ВВП)	23,5	33,8	39,3	30,1	33,2	25,8	28,0
Импорт товаров и услуг (% от ВВП)	25,8	35,1	42,6	38,5	43,1	36	38,2

* – оценка.

Источник: Regional Economic Outlook. Sub-Saharan Africa: Back to High Growth? // International Monetary Fund, April 2010.

Геополитическая ситуация

Практически все соседи Гвинеи по региону в недалеком прошлом переживали масштабные внутренние кризисы (Сьерра-Леоне, Либерия, Кот-д'Ивуар, Гвинея Бисау), и Конакри активно участвовал в этих локальных конфликтах. Армия Гвинеи в кризисной внешнеполитической среде играла роль инструмента предотвращения распространения нестабильности на территорию страны, где внешние вызовы могли бы прийти в резонанс с внутренней напряженностью, и успешно справилась с этой задачей.

Неудачные попытки перенести военные действия в Гвинею предпринимались повстанцами Либерии и Кот-д'Ивуара. Объективными факторами втягивания страны в региональные конфликты является дисперс-

ное расселение крупнейших этнических групп Гвинеи на территории, которую обычно называют «регионом бассейна реки Мано»¹⁶, поэтому внешние угрозы для Гвинеи будут оставаться актуальными, по крайней мере, в среднесрочной перспективе.

Ключевые позиции в экономике страны занимают международные ТНК (Rio Tinto, Alcoa, Total) а также российский «Русал». Компании Олега Дерипаски принадлежат крупнейшие активы по производству глинозема – завод «Фриа» (Friguia) и бокситов – «Компания бокситов Киндии» (Compagnie des Bauxites de Kindia). Французский капитал исторически доминирует в финансово-банковской сфере. В последнее время в Гвинее активизировались китайские инвесторы.

Вооруженные силы

Численность и оснащение

По данным The Military Balance, численность вооруженных сил Гвинеи оценивается в 12,3 тыс. человек. Из них 8,5 тыс. проходят службу в сухопутных войсках, 400 человек – в ВМФ, 800 – в ВВС. Еще 1 тыс. служит в жандармерии, 1,6 тыс. – в национальной гвардии¹⁷. Еще порядка 7 тыс. человек приходится на paramilitary, полувоенные, неформальные структуры. Таким образом, общая численность людей, отвечающих за обеспечение безопасности в Гвинее, приближается к 20 тыс. человек. По другим оценкам, численность ВС достигла к настоящему времени 45 тыс. человек, увеличившись в 4 раза по сравнению с 2001 г. Согласно International Crisis Group (ICG) из них 26 762 человека служат в армии, 2806 – в ВМС, 2703 – в ВВС, 13 058 – в жандармерии¹⁸. На вооружении гвинейской армии, за редким исключением, состоит физически и морально устаревшая советская техника.

Особенности комплектования

В колониальный период язык малинке был официальным в войсках Французской Западной Африки¹⁹, и именно из малинке преимущественно формировались вооруженные силы. Комплектация армии независимой Гвинеи прошла через «африканизацию» кадров, что было связано с массовым оттоком французов, отозванных из Гвинеи на службу в бывшую метрополию. Из 22 тыс. человек, находившихся на военной службе в Гвинее, около 10 тыс. вернулись во Францию. Остальные 12 тыс. были демобилизованы и остались в Гвинее.

ВС Гвинеи исторически фрагментированы на ряд группировок по этническим, «сетевым» и иерархическим основаниям. Карьерный рост практически напрямую зависит от степени кооптированности в дифференцированные по вышеуказанным признакам патронажные сети. Низ-

кая вертикальная мобильность внутри ВС, обусловленная этим, является ключевым фактором недовольства в войсках, которое неоднократно выливалось в вооруженные выступления.

Секу Туре использовал этнические патронажные сети для усиления своего влияния на войска, опираясь на представителей собственной этнической группы – малинке. Так, по состоянию на март 1984 г., в состав высшего командования ВС входило 13 представителей малинке и 4 сусу. Всего через 9 лет, к 1993 г., малинке сохранили за собой 8 ключевых постов, сусу занимали 20, фульбе – 1²⁰. В ходе переворота 2008 г. ключевую роль сыграли «лесные» народы, разделенные по своим субклановым границам. Глава хунты Дадис Камара принадлежал к кпелле, лидер радикального крыла военных Клод «Коплан» Пиви (Claude «Coplan» Pivi) – к тома. В ближнем окружении Дадиса Камара, за исключением малинке Тумба Диаките (Toumba Diakité), практически все были выходцами из городов Нзерекоре и Масента²¹.

Характерной особенностью ВС Гвинеи является привлечение иррегулярных формирований для участия во внутриармейских конфликтах и в общевойсковых операциях. По данным ICG, к отражению нападения повстанцев с территории Либерии в 2000 и 2001 г. привлекалось до 10 тыс. добровольцев, преимущественно молодежи, которых обучили и вооружили, но после завершения операций не расформировали. Теперь эти группировки общей численностью до 7 тыс. человек, сосредоточенные в Лесной Гвинее (прежде всего – в Нзерекоре), с одной стороны, являются одним из источников социальной нестабильности, а с другой – периодически используются как мобилизационный ресурс.

Помимо этнических линий, фракционность ВС проявляется в оппозициях по возрасту и уровню образования. Существуют определенные трения между старшим поколением, проходившим подготовку в странах соцлагеря, и более молодыми офицерами, которые учились во Франции или Марокко. В частности, выделяется группа выпускников Королевской военной академии марокканского Мекнеса (l'Académie royale militaire de Meknès), где учились преемник Дадиса Камара бригадный генерал Секуба Конате (Sékouba Konaté), экс-начальник генерального штаба подполковник Умар Сано (Oumar Sanoh), сменивший его на этом посту в апреле 2010 г. полковник Нуу Тиам (Nouhou Thiam), нынешний начальник штаба сухопутных войск генерал Бундука Конде (Boundouka Condé) и другие²².

Массовое продвижение по службе в последние годы правления Лансаны Конте и во время хунты привело к возникновению структуры с непропорционально большим числом офицеров, компетенция которых оставляет желать лучшего. По некоторым оценкам, на двух офицеров

в гвинейской армии приходится один рядовой солдат²³. При этом для подавляющего большинства солдат и младших командиров условия службы остались весьма незавидными, а формальное повышение в статусе не сопровождалось обеспечением соответствующим довольствием и функционалом. В результате лейтенанты в гвинейской армии зачастую служат в качестве водителей²⁴.

Структура ВС

В состав вооруженных сил Гвинеи входят сухопутные войска (СВ), военно-морской флот (ВМФ), военно-воздушные силы (ВВС), а также национальная жандармерия (National Gendarmerie). Включение полицейских сил в структуру ВС является типичным для стран с «французской» системой организации силовых ведомств. Последние подчиняются непосредственно министру обороны страны.

На деле функциональная структура вооруженных сил Гвинеи не отвечает задачам оперативного управления и координации взаимодействия различных родов войск для обеспечения национальной безопасности. Никакой выстроенной и упорядоченной системы, которая бы распределяла компетенции, сферы и уровни ответственности, в гвинейских ВС, по сути, не существует²⁵. Хаотичную структуру ВС приобрели еще при Секу Туре, который в пик войскам делегировал военные функции «народным массам» и различным группам «личной охраны».

Для наблюдателей и экспертов рабочей является классификация, согласно которой ВС Гвинеи включают элитные подразделения («красные береты»), жандармерию («зеленые береты»), спецсилы по борьбе с уличными беспорядками, так называемую «милицию» и всех прочих. К «красным беретам» обычно относят президентскую гвардию (охрану) – Bataillon Autonome de Sécurité Présidentielle (BASP). Элитными частями также считаются парашютно-десантный батальон – Bataillon Autonome des Troupes Aéroportées (БАТА), прошедшие американскую подготовку между 2000 и 2002 гг. рейнджеры²⁶ и подготовленный китайцами спецбатальон, размещенный в Киндии (Commandos Chinois)²⁷. В январе 2009 г. Ладис Камара попытался создать из четырех элитных батальонов сводное соединение для обеспечения собственной безопасности.

«Зеленые береты» представляют собой полицейские силы, жандармерию. При Лансане Конте особое внимание уделялось оснащению и экипировке специальных сил по борьбе с уличными беспорядками (Compagnie mobile d'intervention et de sécurité, CMIS). «Милиция» представляет собой аморфное объединение формально не являющихся военнослужащими лиц. Сюда входят как гражданские сторонники того или иного командира, так и бывшие солдаты, извлекающие ренту из обла-

дания силовым ресурсом. Эти формирования, как правило, принимали активное участие в подавлении беспорядков.

Функции вооруженных сил

Теоретически главной функцией вооруженных сил должно быть обеспечение национальной безопасности. Однако и Секу Туре, и Лансана Конте использовали войска в качестве инструмента борьбы с политической оппозицией. В 2006 г. армия подавляла студенческие волнения, в 2007 г. – акции протеста гражданских активистов и профсоюзов, что сопровождалось значительными человеческими жертвами²⁸. По данным Human Rights Watch (HRW), военнослужащие регулярно принимали участие во внесудебных казнях и арестах, пытках, грабежах, жертвами которых становились оппоненты властей²⁹.

С момента получения независимости Гвинея активно поддерживала национально-освободительное движение в Западной Африке, предоставляя свою территорию для повстанцев. В частности, в Конакри располагались вооруженные части и политическая штаб-квартира Партии освобождения Гвинеи и Кабо-Верде (Partido Africano da Independência da Guiné e Cabo Verde, PAIGC) Амилькара Кабрала. Контингенты вооруженных сил Гвинеи отправлялись в Сьерра-Леоне (1971), Бенин (1977) и Либерию (1979) для поддержки союзников Секу Туре.

С 1990 по 1998 г. гвинейские солдаты в составе контингентов ECOWAS присутствовали в Сьерра-Леоне и Либерии. В 1998–1999 гг. принимали участие в гражданской войне в Гвинее Бисау. Правительство Лансана Конте открыто поддерживало коалицию противостоящих президенту Либерии Чарльзу Тэйлору сил ULIMO (позже – LURD), предоставив им базы на юго-востоке Гвинеи, снабжая оружием и оказывая военную поддержку. В 2000–2001 гг. в приграничных районах Лесной Гвинеи шли операции против либерийских повстанцев. Попытки переноса боевых действий на территорию страны предпринимала и вооруженная оппозиция Кот-д’Ивуара (2002–2003).

Финансирование

Структура и объем военных расходов в Гвинеи являются непрозрачными. Существуют лишь приблизительные экспертные оценки бюджета вооруженных сил, официальные данные перестали публиковаться с 2004 г. До этого фиксировался стремительный рост расходов на оборону: только с 2000 по 2002 гг. они удвоились, увеличившись с 1,5 % до 3,1 % от ВВП. В этот период Гвинея была третьей страной Западной Африки по размеру военного бюджета³⁰, что было связано с ведением активных боевых действий и плачевно сказалось на государственных финансах.

Таблица 2. Военные расходы Гвинеи в 2000–2009 гг. (млн долл.)

Год	SIPRI	IISS	WMEAT	Оценка
2000	62,3	-	36	49
2001	126	67	76	89
2002	139	61	85	95
2003	108	70	67	81
2004	99,8	71	62	77
2005	н/д	55	55	55
2006	н/д	36	н/д	46
2007	н/д	52	н/д	67
2008	н/д	51	н/д	65
2009	н/д	55	н/д	70

Источник: составлено автором на основе данных SIPRI (Stockholm International Peace Research Institute), IISS (International Institute for Strategic Studies), WMEAT (World Military Expenditures and Arms Transfers).

Финансирование ВС всегда оставалось вне гражданского контроля, как и снабжение войск. Именно из-за доступа к финансовым потокам и распределению материальных средств возникали самые серьезные внутриармейские конфликты. Центром распределения финансовых ресурсов для армии до начала армейской реформы служила Главная дирекция военного снабжения (Direction Generale de l'Intendance Militaire, DGIM). Эта структура отвечала и за планирование расходов, и за финансирование, кроме того, сама же исполняла контрольные функции.

Международное сотрудничество

С момента своего создания гвинейская армия получала помощь от социалистического лагеря. Основу материально-технической базы составили ВВТ производства стран Варшавского договора, гвинейские офицеры проходили обучение в СССР и на Кубе. Кубинские инструкторы

работали и в самой стране³¹. По данным SIPRI, Советский Союз поставил в ценах 1990 г. ВВТ на сумму 246 млн долл. из общего объема в 375 млн долл. за 1958–2010-е гг.³²

При Лансане Конте страна диверсифицировала свое военнотехническое сотрудничество за счет США, Франции, Германии. Офицеры стали отправляться на стажировки в такие престижные военные академии как французский Saint-Суг. В 1984 г. между Францией и Гвинеей было заключено соглашение о военном сотрудничестве, в одностороннем порядке приостановленное Парижем после расстрела демонстрации 28 сентября 2009 г. и возобновленное в 2010 г.³³

Важную роль в финансовом обеспечении деятельности ВС до переворота играла зарубежная военная помощь, прежде всего американская. В начале 2000-х гг. в Гвинее работали американские военные инструкторы³⁴. США резко осудили захват власти хунтой, свернув планы по выделению 100 млн долл. для совместных программ в области безопасности (развитие системы морской охраны, обучение миротворцев).

Реформа вооруженных сил

Одним из условий создания в январе 2010 г. правительства национального согласия стала реформа вооруженных сил. Так называемая Security Sector Reform (SSR) проходит под эгидой ECOWAS, Африканского союза и ООН. Ответственным со стороны международных посредников за ее реализацию назначен сенегальский генерал Ламин Сиссе (Lamine Cissé). Тогда же вышел первый независимый доклад о реформе ВС – *Etude portant sur les Perspectives de Revalorisation des Forces de Défense et de Sécurité de la Guinée*³⁵. В мае 2010 г. опубликован базовый документ для проведения преобразований – *Rapport d'évaluation du secteur de la sécurité en République de Guinée*³⁶. Примечательно, что в соседней Гвинее Бисау аналогичные усилия по линии ЕС и ООН окончились провалом³⁷. Возможно, участие собственно африканского наднационального института приведет к другим результатам. Избранный президентом Альфа Конде в декабре 2010 г. создал Высший совет ВС (Supreme Armed Forces Council), в сферу ответственности которого было передано проведение реформы, однако о практических полномочиях и работе нового органа пока судить рано.

Роль военных в политике

Гвинея была единственной французской колонией, которая на всеобщем референдуме в 1958 г. высказалась в пользу полной независимости от Парижа. Первым президентом страны стал профсоюзный активист Ахмед Секу Туре, избравший просоветскую ориентацию и создавший однопартийный авторитарный режим, который периодически подвер-

гал репрессиям целые этнические группы («лесных» в 1960-е гг., фульбе в конце 1970-х). В результате во время правления первого президента страну покинуло около трети населения.

Благодаря помощи социалистических стран ВС Гвинеи на некоторое время стали самыми современными и наиболее оснащенными в регионе. При этом Секу Туре отводил войскам роль «революционной армии» с экономическими функциями вроде развития гражданской и инфраструктуры. Подразделение *Génie Route* вплоть до конца 1990-х гг. занималась строительством дорог и мостов, *Génie Bâtiment* – военным строительством, в том числе оборонных предприятий³⁸. *Génie Rural* было собственным агропромышленным подразделением армии с батальонами в каждом из четырех военных округов. Производимая сельскохозяйственная продукция реализовалась на рынке и шла на обеспечение войск.

Отношение к армии поменялось после того как в результате военных переворотов от власти были отстранены лидеры соседних стран с социалистической ориентацией – Кваме Нкрума в Гане (1966 г.) и Модибо Кейта в Мали (1968)³⁹. С целью исключить возможность переворота в Гвинее Секу Туре усилил контроль над ВС. В казармах были созданы ячейки (так называемые военные комитеты – *Comités d'Unité Militaire, CUM*) правящей партии, которые должны были пресекать «контрреволюционные настроения». От CUM зависело продвижение по службе и получение привилегий, что закономерно привело к снижению боевых качеств ВС.

Условия службы сознательно поддерживались на низком уровне, чтобы поставить военнослужащих в зависимость от волюнтаристски предоставляемых государством привилегий. Те, кто не мог рассчитывать на специальные дотации, были вынуждены помимо основной работы заниматься подработками. Видная часть офицерского корпуса рассматривалась как потенциальные заговорщики и подвергалась репрессиям. На рубеже 1960–1970-х гг. часть высшего командования была физически уничтожена, часть оказалась в заключении.

Не доверяя армии, Секу Туре провозгласил доктрину «вооруженного народа». В противовес армейским частям укреплялась гражданская «милиция», которая считалась боевым крылом правящей партии. Во время нападения португальцев на Конакри в 1970 г. власти массово раздавали на улицах оружие. «Вооруженный народ» должен был в теории развернуть партизанскую войну как против иностранного агрессора, так и против внутренней контрреволюции, с которой ассоциировались в том числе и ВС. Таким образом, наряду с депрофессионализацией армии шел процесс милитаризации общества и, в конечном итоге армия оказалась всего лишь одним из силовых институтов, причем сознательно маргинализированным⁴⁰.

После смерти Секу Туре в марте 1984 г. в результате военного переворота к власти пришел полковник Лансана Конте. Конте возглавил Военный комитет национального возрождения (Comité Militaire de Redressement National – CMRN), сформировавший новое правительство преимущественно из числа военных, приостановивший действие конституции и распустивший правящую партию. Выдвижение руководителем не малинке объяснялось преференциями, оказываемыми этой группе в период правления Туре, и возможностью монополизации ими власти из-за того, что малинке занимали большинство ключевых постов в силовых структурах на тот момент.

После прихода к власти Конте была предпринята попытка консолидировать вооруженные силы. Продвинувшийся по линии СУМ, он ликвидировал партийные ячейки в войсках, распустил национальную милицию, упразднил *Génie Rural*, направил средства на улучшение условий службы. Более того, Конте стремился к политизации ВС, видя в них свою главную опору – высшие офицеры стали получать посты министров, губернаторов и префектов, были созданы специальные структуры для доступа генералитета к распределению госсредств. В обмен на политическую поддержку военная верхушка использовала административный ресурс для извлечения коррупционной ренты или ведения бизнеса.

В июле 1985 г. Конте столкнулся с попыткой переворота, организованного вторым человеком в хунте, малинке Диаррой Траоре (*Diarra Traoré*). После подавления путча лояльными частями в армии прошла чистка военнослужащих малинке, пострадали также и гражданские лица, принадлежащие к этой этнической группе⁴¹. Влияние малинке в армии и госаппарате в результате существенно снизилось, но проблема межэтнических отношений, заретушированная социалистической фразеологией во времена Секу Туре, приобрела практическую актуальность. Привилегированное положение в доступе к ресурсам и продвижению по службе получили представители сусу. Кроме того, для снижения влияния малинке в офицерский корпус стали активно привлекать военнослужащих из Лесной Гвинеи.

В начале 1990-х гг., когда Лансана Конте формально стал гражданским президентом, армия – точнее, отдельные представители командования сохранили свое влияние на политику и экономику страны. Президент и довольно узкий «ближний круг» офицеров сосредоточили в своих руках все ключевые компетенции управления ВС – присвоение званий, кадровые решения, финансирование, подменив собой Национальный совет обороны (*Conseil National de Défense, CND*) и парламентскую комиссию по обороне (*Commission de Défense parlementaire*).

В дальнейшем Конте регулярно сталкивался с волнениями в войсках. В феврале 1996 г. военные заговорщики временно заняли президентский дворец и объявили о низложении главы государства, однако не сумели

договориться между собой, кто его сменит. 19 января 2005 г. на Конте было совершено покушение. Выступления военных, сопровождавшиеся насилием, происходили также в 2006, 2007 и 2008 гг.⁴²

В заслугу Конте, несмотря на коррупцию и системные проблемы управления, а также то, что Гвинея при нем стала важным перевалочным пунктом для трафика кокаина из Латинской Америки в Европу (вместе с Гвинеей Бисау), всегда ставилось предотвращение внутренних вооруженных конфликтов и расползание нестабильности с территории охваченных гражданскими войнами соседей. В этом смысле страна сохраняет важное значение для международного сообщества и США как региональный актер, способный смягчить гуманитарную ситуацию в Западной Африке (принять беженцев и не допустить интернационализации насилия).

В последние годы правления Лансана Конте явно выпускал ситуацию из-под контроля, что было связано с его ухудшающимся здоровьем. При этом главной причиной повышения конфликтности политической среды в Гвинее стал рост гражданского активизма на фоне структурных экономических трудностей, которые усугубил мировой финансовый кризис. За период 2004–2008 гг. реальный ВВП страны в среднем рос всего на 2,9 %⁴³ (аналогичный показатель для АЮС – 6,5 %, для так называемых *fragile states* – 3,4 %⁴⁴). Такие темпы, не отвечающие опережающему увеличению численности населения, объективно не могли обеспечить поддержание минимально требуемого уровня социальной стабильности. Не считая Зимбабве, за тот же период времени Гвинея стала худшей страной Африки по уровню потребительской инфляции – в среднем цены росли на 25 % в год⁴⁵ (в АЮС на 8,5 %, в *fragile states*⁴⁶ – на 9,1 %).

Перед смертью второго президента, личное влияние которого на принятие решений стремительно сокращалось, практически все государственные институты пережили процесс фрагментации, распада на отдельные группы влияния. Таким образом, сложилась ситуация, при которой часть институтов потеряла легитимность (парламент), а часть в силу гонений (партии, профсоюзы, СМИ) маргинализировалась. В этой ситуации на первый план вышла армия. По некоторым данным, Конте не удалось согласовать с армейской верхушкой кандидатуру своего сына в качестве преемника⁴⁷, что и послужило причиной переворота в условиях вакуума власти и критически высокой степени неопределенности.

Военный переворот 2008 г.

После кончины Лансана Конте 22 декабря 2008 г., согласно конституции, и. о. президента становился спикер парламента Абубакар Сомпаре (Aboubacar Somparé), о чем тот и заявил по телевидению. Спустя несколько часов после выступления Национальный совет за демократию и разви-

тие (Conseil National de la Démocratie et du Développement – CNDD) объявил о том, что берет власть в свои руки, распускает парламент, прекращает действие конституции и запрещает всякую политическую активность.

В силу того что переворот в целом приветствовался населением, не желавшим перехода власти в руки окружения Конте, уже 25 декабря Сомпаре заявил о своей поддержке хунты, куда вошли 26 военных и 6 гражданских лиц. Возглавил совет ранее не известный широкой публике капитан Муса Дадис Камара. Камара служил в элитном парашютно-десантном батальоне ВАТА (Bataillon Autopome des Troupes Aéroportées) и занимал пост начальника по снабжению армии горюче-смазочными материалами⁴⁸ – одну из важнейших позиций, которая помогла ему получить широкую базу поддержки среди младших офицеров. Другими ключевыми участниками переворота стали экс-командующий ВАТА генерал Секуба Конате, ставший министром обороны, и самый высокопоставленный военный в войсках – Мамадуба «Тото» Камара (Mamadouba «Toto» Camara), назначенный главой министерства безопасности. Состав CNDD был сформирован на мультиэтнической основе, но важнейшие посты разделили представители малинке и «лесных».

Спустя некоторое время внутри Совета возник конфликт по поводу желания Дадиса Камара баллотироваться на президентских выборах, который усугубился кровавым разгоном гражданской демонстрации 28 сентября 2009 г., расколовшим высшее командование ВС. 28 сентября, в день объявления независимости Гвинеи, в районе стадиона Конакри собралось до 50 тыс. протестующих против переноса обещанных хунтой выборов. В результате разгона погибло не менее 157 человек, более тысячи получили ранения. В течение нескольких дней после событий происходили грабежи и спорадические столкновения солдат и оппозиционеров. Власти отказались признать ответственность за события, комиссия ООН пришла к противоположным выводам⁴⁹.

Остроты ситуации добавила и начатая хунтой чистка армейских кругов – всего своих постов лишилось свыше 20 высших офицеров ВС Гвинеи, многих из них позже арестовали по обвинению в подготовке заговора. Наблюдатели отмечали привлечение отдельными фракциями внутри хунты добровольцев из числа собственных этнических групп⁵⁰ и иностранных наемников⁵¹. В октябре в Конакри произошел ряд политических убийств⁵². В конечном итоге 3 декабря 2009 г. на Дадиса Камара было совершено покушение, после чего он был эвакуирован для лечения в Марокко.

Правительство национального согласия

Правительство «национального согласия» было сформировано в Гвинеи 15 января 2010 г. как результат соглашения, подписанного в Уагадугу (Буркина-

Фасо) при посредничестве регионального объединения ECOWAS. 12 января «Совместную декларацию Уагадугу» подписали специально прибывший для этого Муса Дадис Камара и министр обороны Секуба Конате, ставший временным главой государства. Соглашение предусматривало назначение премьер-министра, представляющего оппозиционную коалицию *Forces Vives*, создание переходного законодательного органа – Национального переходного совета (*Conseil National de Transition, CNT*), организацию президентских выборов в течение полугода, запрет на принятие в них участия для членов CNDD, CNT, временного правительства, президента Конате и представителей военных, а также реформу силовых структур страны.

В переходном правительстве военные получили 10 из 34 портфелей, в CNT – 10 мандатов из 155. При этом CNDD не был распущен, а действие конституции осталось приостановленным. В то же время ограничения на политическую и общественную деятельность утратили силу. Определенным знаком сохранения преемственности курса CNDD и новой администрации стало включение в состав «президентского кабинета» Секубы Конате нескольких человек, которые ассоциировались с радикальным крылом сторонников Камара.

Сам Дадис Камара остался в Буркино-Фасо, видимо, прислушавшись к настоятельной рекомендации США не возвращаться в Гвинею. Фактором, который мог этому поспособствовать, стало расследование Международного уголовного суда (*International Criminal Court, ICC*) – в октябре 2009 г. было сделано заявление о возможности привлечения Дадиса Камара к персональной ответственности за события 28 сентября.

Секуба Конате предпринял ряд шагов для нормализации ситуации в стране. Так, был ликвидирован тренировочный лагерь Калиа (*Kaliah*), где проходили под отовку полувоенные части, сформированные по этническому принципу⁵³. Кроме того, Конате произвел кадровые перестановки, чтобы снизить влияние связанных с Дадисом Камара выдвиженцев, и попытался вернуть в орбиту официальных ВС отстраненных ранее военных⁵⁴.

Переходная конструкция организации власти в Гвинее выглядела следующим образом. Представитель малинке генерал Конате стал временным президентом, пост премьер-министра получил известный оппозиционер Жан-Мари Доре (христианин и представитель кпелле, как и Дадис Камара), а футбольский профсоюзный активист Рабияту Сера Диалло возглавила CNT. Таким образом, ключевые компетенции были разделены между всеми главными этническими группами и политическими силами Гвинеи за исключением сусу.

В мае 2010 г. возобновлено действие конституции 1990 г., в которую было внесено несколько важных поправок. В частности, срок президентской legislatury сократился с семи до пяти лет.

По итогам первого тура президентских выборов, состоявшихся 27 июня, бывший премьер-министр Селу Дален Диалло получил 43,69 %, а один из самых известных гвинейских оппозиционеров – Альфа Конде – 18,25%. Проведение второго тура, изначально намеченного на 19 сентября, трижды откладывалось, формально – по техническим причинам, что спровоцировало локальные столкновения между сторонниками двух кандидатов. Несмотря на опасения, что военные используют повышение степени конфликтности политического процесса в качестве предлога для того чтобы остаться у власти, второй тур все-таки состоялся. По итогам голосования, прошедшего 7 ноября, довольно неожиданно победу одержал Альфа Конде, которого поддержали 52,52 %.

Текущая ситуация

21 декабря 2010 г. 73-летний Конде официально вступил в должность президента, став всего лишь третьим президентом Гвинеи за всю ее историю. Полноценным переход к гражданскому правлению станет только после проведения парламентских выборов, которые оппозиционные партии ранее бойкотировали. Последний раз выборы проводились в 2002 г., прежний состав парламента был распущен в 2008 г. Ожидается, что они пройдут не позднее ноября 2011 г.⁵⁵, поэтому текущая конфигурация политической системы не воспринимается основными игроками как данность.

Относительно мирное проведение президентских выборов не должно вводить в заблуждение. Конфликтный потенциал, заложенный в межэтнической поляризации, чрезвычайно высок, что выборы и продемонстрировали, а единственным гарантом предотвращения насилия и сохранения стабильности остается армия.

Фаворитами парламентских выборов являются партии президента Конде *Rassemblement du Peuple Guinéen (RPG)* и его бывшего соперника Диалло *Union des Forces Démocratiques de la Guinée (UFDG)*. Обе партии имеют прежде всего этническую базу электоральной поддержки – малинке и фульбе соответственно. Из общенациональных партий выделяется *Union des Forces Républicaines (UFR)* бывшего премьер-министра Сидья Туре (*Sidya Touré*), который занял третье место в президентской гонке. *UFR* не опирается на какую-либо этническую группу, рассчитывая на голоса горожан и жителей сравнительно более развитого побережья страны.

Учитывая, что среди фульбе, крупнейшего этноса страны, которому «по справедливости» полагался пост президента после правления малинке (Секу Туре), сусу (Лансана Конте), «лесных» (Дадис Камара) и снова малинке (Секуба Конате), распространены представления об их несправедливом, ущемленном положении, избирательная кампания может сравнительно легко перейти в насилие на межэтнической почве⁵⁶.

Эти настроения подпитывает и персональный состав сформированного в январе 2011 г. правительства, больше половины членов которого составили малинке⁵⁷. Пост премьер-министра получил сусу Мохаммед Саид Фофана (Mohamed Saïd Fofana)⁵⁸, а важнейшее министерство горной добычи возглавил малинке – Мохаммед Ламин Фофана (Mohamed Lamine Fofana)⁵⁹.

В кабинет из 43 человек вошли всего трое военных-генералов, бывших членов CNDD – Матурен Бангура (Mathurin Bangoura) возглавил министерство регионального развития и строительства, Мамаду Корка Диалло (Mamadou Korka Diallo) – министерство животноводства, Мамадуба Тото Камара – министерство безопасности и гражданской обороны. Считается, что они получили портфели по протекции Секубы Конате⁶⁰. Определенное влияние на внутривосточные расклады сохраняет и Дадис Камара. В апреле 2011 г. президент Конде встречался с ним в Буркина-Фасо⁶¹, часть близких к нему людей сохраняют свои позиции в госаппарате.

Министром обороны является сам президент Конде, свои полномочия он делегировал т. н. министру по поручению (ministre délégué) Абдулу Кабеле Камара (Abdoul Kabèlè Camara), который считается номинальной фигурой. Реальное управление силовыми структурами лежит на бригадном генерале Абубакаре Сидики Камара (Aboubacar Sidiki Camara) по прозвищу «Иди Амин», возглавляющем аппарат минобороны, начальнике генштаба сухопутный войск Бундука Конде и генерале Бурема Конде (Bourema Conde) из администрации президента.

Роль военных в экономике

Давление на иностранных инвесторов

Сразу после переворота было объявлено об аудите всех действующих концессионных соглашений, лицензий на геологоразведку и добычу и совершенствовании Кодекса горной добычи. В течение 2009 г. администрация Дадиса Камара предпринимала беспрецедентные усилия по пересмотру действующих соглашений или национализации части добывающих проектов. Это вызвало закономерную озабоченность иностранных инвесторов.

В августе 2009 г. Rio Tinto объявил о возможности своего ухода из проекта в Симанду, который оценивается в 6 млрд долл., из-за выросших политических рисков и намерения передать половину доли ТНК в пользу компании BSG Resources Guinea израильского бизнесмена Бенни Штейнмеца. Тем не менее в марте 2010 г. Rio Tinto и Chinalco заключили соглашение о разработке железорудного месторождения в Симанду за 1,35 млрд долл.; китайцы получили 47 % в СП.

Столкнулся с давлением и российский «Русал». 8 мая 2009 г. правительство Гвинеи подало иск против компании с требованием признать

ничтожной сделку по приватизации завода «Фриа» и выплатить компенсацию в размере 1 млрд долл. В сентябре 2009 г. министр энергетики страны Махмуд Тиам сообщил, что «Русалу» направлено письмо с просьбой вернуть этот актив государству, поскольку объединенная компания приобрела комплекс по заниженной цене в 19 млн долл. вместо 257 млн долл. Даже после того как Дадис Камара был отстранен от власти, российской стороне не удалось урегулировать ситуацию.

Бизнес-активность

Высшие офицеры ВС, как правило, курируют определенные территории и/или предприятия, получая ренту за обеспечение безопасности. Иными словами, армия в данном случае выступает как институт коррупции и патронажа, а не как инструмент национальной обороны. Доступ к вооружениям и право на насилие – привилегии, из которых военные извлекают экономическую выгоду. Оружие используется как для сведения личных счетов на уровне рядового состава, так и для участия в криминальном переделе собственности или оказании платных услуг при решении конфликтов гражданским лицам⁶².

Значительная часть генералитета помимо своих основных обязанностей занята в коммерческих предприятиях. Самого Секубу Конате чаще называли бизнесменом из CNDD⁶³. Его обвиняли в выделении подрядов доверенным бизнесменам за определенную комиссию и предоставлении им политического покровительства. Представление о масштабах злоупотреблений может дать тот факт, что по требованию президента Конде было отменено 617 госконтрактов, заключенных при Конате и Дадисе Камара в 2009 и 2010 гг. на общую сумму 1,5 млрд евро⁶⁴.

Условия службы военных, не включенных в патронажные сети и не пользующихся политическими привилегиями, остаются тяжелыми. Единственным моментом, привлекательным в службе для рядового состава, является рисовый паек. Мешки с рисом продаются военнослужащим за 40–60 % от рыночной цены, причем количество, отпускаемое в одни руки, зависит от положения военного. Высшие офицеры имеют возможность перепродавать значительные объемы риса на «черном» рынке. То же самое относится и к перепродаже выделяемых армии горюче-смазочных материалов.

Считается, что военные в Гвинее контролируют импорт риса и бензина. По некоторым данным, армейские чины участвовали в личном качестве в конфликтах в Либерии и Сьерра-Леоне, занимаясь грабежами и незаконной торговлей ресурсами. Крупные армейские начальники, по всей видимости, вовлечены в наркотрафик⁶⁵. Кроме того, в Гвинее расположены крупные мощности по переработке кокаина и героина и

производству экстази. Расследование Дадиса Камара показало, что сын Конте – Усман – и множество видных чинов сил безопасности были замешаны в трафике кокаина, используя для этого служебные (в частности, дипломатические) возможности⁶⁶.

Снабжение – бесконечно широкое поле для коррупции. По некоторым данным, военнослужащих заставляют за собственные деньги покупать форменную одежду, которая импортируется из Мали избранными бизнесменами⁶⁷. За отправку на курсы или в зарубежные военные миссии приходится давать взятки. Институализированная коррупция выражается в создании возможностей по вымогательству при исполнении своих обязанностей по патрулированию, охране объектов. Часть такого заработка идет «наверх». Изучение армейских финансов, предпринятое администрацией Конде, показало, что как минимум 8 тыс. военнослужащих незаконно получали двойное жалование⁶⁸.

Перспективы ВТС

Гвинея не предоставляет данные в Регистр обычных вооружений ООН, однако, по данным SIPRI, совокупный объем импорта ВВТ с 1991 по 2010 гг. составил всего лишь 31 млн долл.⁶⁹ Из них 21 млн долл. было потрачено на авиационную технику в 1998–2001 гг.

Как видно из таблицы 3, закупки ВВТ носили ситуативный характер, то есть производились для решения конкретной задачи – борьбы с повстанцами на юго-востоке страны на границе с Либерией, то есть Гвинею можно отнести к окказиональному типу рынка. При этом вопрос цены был довольно чувствительным, что обусловило внимание к подержанной советской технике из стран – бывших членов Организации Варшавского договора. По некоторым данным, вместе с купленной авиационной техникой на Украине Конакри пришлось нанимать украинский персонал для ее эксплуатации⁷⁰.

В октябре 2009 г. эмбарго на поставки ВВТ в Гвинею ввели ECOWAS, Африканский союз и ЕС. В среднесрочной перспективе в связи с военной реформой можно ожидать, что выделенные военным средства пойдут прежде всего на организационные мероприятия, подготовку войск, улучшение условий службы, а не на закупки новых вооружений.

В практическом плане ВС Гвинеи в связи с довольно острой проблемой морского пиратства и перспективой изысканий нефтегазовых ресурсов на шельфе нуждаются в патрульных катерах и создании инфраструктуры радиозлектронного контроля за своей исключительной экономической зоной. Помимо этого, существует объективная потребность в модернизации/обновлении парка боевых и военно-транспортных вертолетов и приобретении современных БТР и БМП.

Таблица 3. Закупки Гвинеей вооружений в постсоветский период

Год поставок	Тип	Количество	Страна происхождения	Сумма (млн. долл.)
1998	БДРМ-2	4	Украина	4
1998	Ми-24V/Ми-35/Hind-E	1	Украина	4
2000	Гаубицы UBM-52 (120 мм)	40	Хорватия	2
2000	M113 «Конкурс» (AT-5 Spandrel)	60	Молдова	3
2000	БМ-27/9П140 «Ураган»	3	Молдова	3
2000	M-46 (130 мм)	12	Румыния (поставка через Израиль)	3
2000	Ми-24V/Ми-35/Hind-E	3	Украина	11
2001	Ми-8/Ми-17/Hip-H	2	Украина	4
2001	Вертолет MD-500MD Defender	2	Израиль	1
2003	БТР APC/ISV Mamba	10	ЮАР	1
2005	БМП-1	2	Неизвестно	1
2007	РСЗО Type-63 (107 мм)	4	Вероятно, Китай	0,5

Источник: данные SIPRI.

Основные выводы

- Гвинейские вооруженные силы в настоящее время являются наиболее дееспособным из существующих в стране властных институтов, так как все прочие – парламент, суды, политические партии, профсоюзы – были сознательно маргинализированы в предшествующий период;
- военным Гвинеи удалось перевести политический процесс после переворота 2008 г. из насильственной плоскости, грозившей полномасштабным внутренним конфликтом и международной изоляцией, в институциональные рамки и начать с помощью электоральных процедур передачу власти гражданскому правительству;
- армия выступает не только как определяющий фактор внутренней политики, но и как гарантия предотвращения распространения локальной нестабильности на территорию страны;
- для обеспечения долгосрочной внутривнутриполитической стабильности необходимо провести военную реформу, которая, с одной стороны, нужна для оптимального встраивания ВС в формирующуюся политическую систему, а с другой – способна нарушить сложившийся баланс сил и привести к попыткам узурпации власти со стороны некоторых групп армейской элиты;
- вряд ли в среднесрочной перспективе Гвинея решится на значительные закупки ВВТ, за исключением стрелкового оружия, боеприпасов и экипировки, так как перед властями стоит задача оптимизации расходов на войска. Определенный спрос может быть на ремонт, модернизацию и сервисное обслуживание имеющейся в наличии техники, а также на программы подготовки военнослужащих, которые, вероятно, будут финансировать международные доноры.

---

¹ World Urbanization Prospects: The 2009 Revision // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division.

² Оценка МВФ на 2010 г.

³ Guinée: le Pays en chiffres – Jeune Afrique // <http://www.jeuneafrique.com>.

⁴ World Population Prospects: The 2008 Revision and World Urbanization Prospects: The 2009 Revision // <http://esa.un.org/wup2009/unup/>.

⁵ <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2009/>.

⁶ World Economic Outlook Database // International Monetary Fund, October 2010. Guinea at a glance // World Bank, P. 1.

⁷ Чем выше место страны в этом рейтинге, тем хуже ее оценка. Первое место занимает Сомали, последнее – Норвегия.

⁸ http://www.fundforpeace.org/web/index.php?option=com_content&task=view&id=99&Itemid=140.

⁹ Regional Economic Outlook. Sub-Saharan Africa: Back to High Growth? // International Monetary Fund, April 2010, P. 82.

- ¹¹ База данных UNCTAD: <http://unctadstat.unctad.org/UnctadStatMetadata/Documentation/UNCTADstatContent.html>.
- ¹² *Friedrich Schneider, Andreas Buehn, Claudio F. Montenegro*. Shadow Economies all over the World: New Estimates for 162 Countries from 1999 to 2007 // Policy Research Working Paper Series 5356, The World Bank, July 2010.
- ¹³ International Narcotics Control Strategy Report. Volume I: Drug and Chemical Control // United States Department of State. Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Affairs. March 2009. P. 293.
- ¹⁴ Mineral Commodity Summaries // U.S. Geological Survey, January 2010. P. 26.
- ¹⁵ *Omayra Bermúdez-Lugo*. The Mineral Industry of Guinea // U.S. Geological Survey, Minerals Yearbook 2008.
- ¹⁶ *Magnus Jörgel, Mats Utas*. The Mano River Basin Area: Formal and Informal Security Providers in Liberia, Guinea and Sierra Leone // Swedish Defense Research Agency, December 2007.
- ¹⁷ The Military Balance 2010 // International Institute for Security Studies. P. 310.
- ¹⁸ Guinea: Reforming the Army // International Crisis Group. Africa Report N°164, 23.09.2010. P. 14.
- ¹⁹ Гвинея: Справочник. – М.: 1980. С. 23.
- ²⁰ *Mamadou Kaly Bah*. Regard Rétrospectif sur l'Armée Guinéenne // WebGuinée, 01.11.1993 – <http://www.webguinee.net/etat/postcolonial/institutions/armees/kaly/retrospectif.html>.
- ²¹ *Antoine Glaser*. Un chef, une armée, des clans! // La Lettre du Continent, 08.10.2009.
- ²² Guinée: Rififi entre frères d'armes de Meknès // Guineeweb, 29.04.2010.
- ²³ Guinea: Reforming the Army... P. 8.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Alexis Arieff*. Guinea's New Transitional Government: Emerging Issues for U. S. Policy // Congressional Research Service, 23.04.2010. P. 9.
- ²⁶ Stopping Guinea's Slide // International Crisis Group. Africa Report № 94, 14.06.2005. P. 8.
- ²⁷ Guinea: "You did not want the military, so now we are going to teach you a lesson" // Amnesty International, February 2010. P. 30.
- ²⁸ Dying for Change: Brutality and Repression by Guinean Security Forces in Response to a Nationwide Strike // Human Rights Watch, 24.04.2007.
- ²⁹ Guinea: Reforming the Army... P. 11.
- ³⁰ Defense Budget, Guinea // Jane's Sentinel Security Assessment – West Africa, 11.04.2011.
- ³¹ Guinea: Reforming the Army... P. 5.
- ³² База данных SIPRI: http://armstrade.sipri.org/armstrade/html/export_values.php
- ³³ La France et la Guinée relancent leur coopération militaire opérationnelle: Déclaration // Guineenews, 15.06.2010.
- ³⁴ Army, Guinea // Jane's Sentinel Security Assessment – West Africa, 11.04.2011.
- ³⁵ Текст доступен по адресу: http://beforeproject.org/site/wp-content/uploads/2010/02/etude-sur-la-revalorisation-de-la-fds-de-la-guinee_final-20042010.pdf.
- ³⁶ Текст доступен по адресу: http://www.gn.undp.org/Docs/Reforme%20Defense/Rap_cdeao-na-onu_eval_rss_guinee-fr.pdf.
- ³⁷ Guinea: Reforming the Army... P. 1.
- ³⁸ Там же. P. 3.
- ³⁹ Там же. P. 4.
- ⁴⁰ Там же. P. 5.
- ⁴¹ *Alexis Arieff, Nicolas Cook*. Guinea: Background and Relations with the United States // Congressional Research Service, 23.03.2010. P. 26.
- ⁴² Guinea: Reforming the Army... P. 7.
- ⁴³ Regional Economic Outlook. Sub-Saharan Africa: Back to High Growth? // International Monetary Fund, April 2010. P. 66.
- ⁴⁴ По классификации МВФ, fragile states – это наименее устойчивые в политическом смысле государства, в Африке в эту группу включают Бурунди, Гамбию, Гвинею, Гвинею Бисау, Демократическую Республику Конго, Зимбабве, Коморские острова, Кот-д'Ивуар, Либерию, Сан-Томе и Принсипи, Сьерра-Леоне, Того, Центральноафриканскую Республику, Эритрею.
- ⁴⁵ Regional Economic Outlook. Sub-Saharan Africa: Back to High Growth? // International Monetary Fund, April 2010. P. 70.
- ⁴⁶ Без Зимбабве.
- ⁴⁷ Guinea: Reforming the Army... P. 8.

- ⁴⁸ *Alexis Arieff, Nicolas Cook*. Guinea: Background and Relations with the United States... P. 7.
- ⁴⁹ Report of the International Commission of Inquiry Mandated to Establish the Facts and Circumstances of the Events of 29 September 2009 in Guinea, 29.12.2009.
- ⁵⁰ Guinea: Caravans and Kola Nuts—Keeping a Lid on Communal Tensions // IRIN, 30.10.2009.
- ⁵¹ *Erika Gibson*. Secretive Mails Sent to Recruits // Beeld (South Africa), 18.10.2009.
- ⁵² Guinea Sees New Violence After Protest Crackdown // Reuters, 23.10.2009; Twelve Opposition Supporters Said Killed in Guinea's «Targeted Killings» // BBC, 23.10.2009.
- ⁵³ Guinea: Reforming the Army... P. 1.
- ⁵⁴ Guinea gives soldiers boost after peaceful election // Reuters, 04.07.2010.
- ⁵⁵ *Vincent Foucher, Gilles Olakounlé Yabi*. En Guinée, la transition n'est pas terminée // Jeune Afrique, 17.06.2011.
- ⁵⁶ *Ana Larcher Carvalho*. Republic of Guinea: an analyses of current drivers of change // Norwegian Peacebuilding Centre, Noref Working Paper, March 2011. P. 7.
- ⁵⁷ Alpha Condé: le prophète de la division ethnique en Guinée? Un tract qui circule dans le pays // Guineeweb, 28.02.2011.
- ⁵⁸ Guinée: deux anciens avocats d'Alpha Condé à la Justice et la Défense // Jeune Afrique, 04.01.2011.
- ⁵⁹ Minding the Mines // Africa-Asia Confidential. Vol. 4, №4, February 2011.
- ⁶⁰ L'ouverture en Guinée selon Alpha Condé // Guineeweb, 19.01.2011.
- ⁶¹ Alpha Condé: "Qui serait me donner des leçons de démocratie?" // Jeune Afrique, 31.05.2011.
- ⁶² *Alexis Arieff, Nicolas Cook*. Guinea: Background and Relations with the United States... P. 31.
- ⁶³ Guinea: Reforming the Army... P. 10.
- ⁶⁴ Marchés publics sous Dadis et Konaté: la boîte de Pandore guinéenne // Jeune Afrique, 31.05.2011.
- ⁶⁵ *Alexis Arieff*. Guinea's New Transitional Government: Emerging Issues for U. S. Policy // Congressional Research Service, 23.04.2010. P. 8.
- ⁶⁶ *Liana Sun Wylar, Nicolas Cook*. Illegal Drug Trade in Africa: Trends and U.S. Policy // Congressional Research Service, 30.09.2009. P. 25.
- ⁶⁷ Guinea: Reforming the Army... P. 15.
- ⁶⁸ Alpha Condé: "Qui serait me donner des leçons de démocratie?" // Jeune Afrique, 31.05.2011.
- ⁶⁹ База данных SIPRI: http://armstrade.sipri.org/armstrade/html/export_values.php.
- ⁷⁰ Procurement, Guinea // Jane's Sentinel Security Assessment – West Africa, 22.12.2010.

Организационные и функциональные особенности вооруженных сил Индонезии

Алексей Кириченко

Специфика развития и высокий уровень конфликтности в Индонезии создали условия для широкой роли вооруженных сил. Формирование ВС, по сути, представляло собой самоорганизацию, а их становление шло параллельно со становлением государства. Республике Индонезия необходимо было состояться как институту, способному устанавливать правила игры и обладающему механизмами осуществления и передачи власти. Сходные задачи решали и ВС. Их лидеры с большой долей самостоятельности определяли, как будет организована армия, как она будет управляться и финансироваться, какие функции она будет выполнять, как будут строиться ее отношения с гражданскими властями. С момента создания и до сих пор ВС в значительной мере самоуправяемы, а их эволюция в основном повлияла на степень интеграции и участия в функционировании власти и бизнеса.

Кроме того, организационно и функционально ВС существуют как бы в двух измерениях. На низовом уровне они всегда выступали в первую очередь как структура власти, диктующая правила игры, претендующая на долю в прибылях и т.д. На национальном и региональном

уровнях ролевой набор ВС был более широким: они могли выступать как силовая структура (единственная или одна из нескольких), официальный участник политического процесса и администратор, теневой игрок с широкими корпоративными интересами и т.д. Исторические и организационные трансформации затрагивали главным образом национальный и региональный уровень, а на низовом уровне менялись условия деятельности ВС, но не их роль и место.

Формирование и общая эволюция ВС Индонезии

ВС в 1945–1965 гг.

Вооруженные силы Индонезии, современное название – Национальная армия Индонезии (*Tentara Nasional Indonesia*, TNI)¹, возникли на основе полувоенных формирований «защитников родины» (*Pembela Tanah Air*, PETA), созданных японской оккупационной администрацией в 1943 г. ВС были официально учреждены в октябре 1945 г., вслед за провозглашением Республики Индонезия и началом борьбы против восстановления голландского колониального присутствия. По сути ВС представляли собой коалицию местных отрядов, действовавших партизанскими методами. Международное признание РИ и интеграция в состав вооруженных сил части военнослужащих бывшей колониальной армии принципиально не изменили организационных особенностей индонезийских ВС. Еще порядка 10 лет они оставались альянсом региональных формирований, почти не интегрированных выше уровня отдельных дивизий и достаточно слабо интегрированных внутри этого уровня².

До 1970-х гг. эффективного государства и экономической системы в РИ, де-факто, не было. В ряде провинций шла гражданская война с участием сепаратистских и исламистских движений. Даже там, где легитимность республики не оспаривалась, центральное правительство почти не имело эффективных механизмов контроля. До 1957 г. в РИ действовали десятки партий и движений, и каждая влиятельная партия стремилась наполнить госаппарат своими сторонниками. В результате тот превращался в арену фракционной борьбы, а должности – в средство обогащения, обмениваемое на политическую лояльность. В этих условиях любые ресурсы, формально находившиеся под контролем государства, становились объектом эксплуатации для тех, кто ими распоряжался, а госсектор (в широком смысле) выступал «дойной коровой» национального масштаба. Политики стремились и к манипулированию ВС, при этом лишь в незначительной степени удовлетворяя их финансовые и материально-технические потребности.

Со времен антиколониальной борьбы части и подразделения ВС находились практически на самофинансировании, поскольку правительство

РИ не располагало ни средствами, ни инфраструктурой для того, чтобы наладить снабжение. Свое существование подразделения обеспечивали, занимаясь контрабандной торговлей (оптимальные возможности для этого были в районах, производящих экспортную продукцию), сбором налогов, присвоением государственных ресурсов, «крышеванием» бизнеса (как легального, так и нелегального), а также создавая коммерческие компании, кооперативы, благотворительные фонды и ассоциации помощи ВС. Функционирование подобных организаций в значительной мере зависело от сотрудничества с бизнесменами китайского происхождения, которые были главной силой на среднем и низовом уровнях индонезийской экономики и служили «денежными мешками» для влиятельных людей³.

Революционное происхождение, регионализм и отсутствие централизованного снабжения порождали особый тип лидерства, характерный для ВС в первые 10–15 лет их существования. Эффективными командирами в этих условиях были люди, обладающие харизмой и умеющие защитить интересы своих подчиненных⁴. В то же время за пределами района базирования командный и личный состав подразделений лишались значительной доли связей и возможностей извлечения прибыли. Это крайне затрудняло передислокацию частей для выполнения заданий за пределами основной зоны ответственности и обуславливало жесточайшее сопротивление командного состава переводу на должности за пределами территории дивизии.

В период 1949–1957 гг. слабая управляемость подразделениями также обуславливалась отсутствием выраженного лидера среди руководства ВС: после смерти в 1950 г. генерала Судирмана, командовавшего ВС в период борьбы за независимость, остальные старшие офицеры обладали примерно равным «весом» и активно конкурировали друг с другом. Победителем в этой борьбе вышел генерал-майор Насутион, в 1955 г. повторно занявший пост начальника сухопутных войск⁵ и к началу 1960-х добившийся реального контроля над командной вертикалью в ВС. В этом ему помогли чистка командного состава на Яве и подавление мятежей на Суматре и в Восточной Индонезии, где против него выступили командиры местных дивизий. С начала 1960-х гг. территория т.н. внешних островов⁶ была фактически оккупирована лояльными Насутиону частями яванских дивизий. Централизация контроля открыла возможности для дальнейшего реформирования ВС.

В итоге к середине 1960-х гг. руководство ВС смогло решить следующие задачи:

- укрепление формальных командных механизмов и контроля центра за пепяванскими дивизиями (1955–1962);

- создание механизмов обновления и ротации личного состава и повышение общей боеспособности ВС (1957–1965);
- ограничение влияния политических сил и обеспечение организационной автономии ВС в РИ (1957–1966)⁷.

Хотя эти шаги выглядят как движение в сторону профессионализации, на самом деле происходил совершенно иной процесс: как и другие управленцы в РИ, командование ВС присвоило некий ресурс (в данном случае – право на насилие), выработало определенный механизм контроля над ним и предотвратило его использование конкурентами. Необходимость самостоятельно обеспечивать финансирование, создать возможность ротации командного состава и ослабить противников (главным образом Коммунистическую партию Индонезии (КПИ)) привела к тому, что ВС постепенно присвоили и другие ресурсы – экономические и политические.

В 1957 г. армейское руководство взяло под свой контроль голландские добывающие предприятия и плантации, только что «национализированные» КПИ. В 1964 г. к ним добавились национализированные британские активы, а в 1965 г. – американские. Назначение офицеров топ-менеджерами не только создало возможности для обогащения и укрепления экономического влияния, но и открыло путь к безболезненному освобождению высокопоставленных военных от должностей в структуре ВС.

Введение в апреле 1957 г. чрезвычайного положения привело к формированию по всей РИ сети территориальных командований, в результате чего возникла дублирующая гражданскую административная структура, а военнослужащие стали ключевым элементом местного управления. В этих условиях дальнейшее укрепление ВС в 1960-е гг. и нарастание противоречий между руководством сухопутных войск и КПИ объективно подталкивало армию к официальному оформлению сложившегося доминирования, что и произошло в результате событий 1965–1967-х гг., когда КПИ была разгромлена, президент Сукарно отстранен от власти, а его место занял экс-командующий стратегическим резервом сухопутных войск генерал-майор Сухарто.

ВС в условиях «нового порядка»

Провозглашенный Сухарто режим «нового порядка» (в противоположность старому, сукарновскому) представлял собой разновидность корпоративистского государства при доминировании президента и его окружения, опиравшихся на ВС (в первую очередь на сухопутные войска). Фактическое управление страной осуществляли действующие и отставные военные, контролировавшие госаппарат, систему местного управления и представленные собственной фракцией в парламенте.

Лидирующее положение ВС в политической системе было оформлено в виде концепции «двойной функции», согласно которой армия выполняла не только военную, но и социально-политическую роль, решая практически все вопросы национального развития.

Режим «нового порядка» и формулировка «двойной функции» обеспечили ВС контроль над основными ресурсами РИ. В парламенте за назначаемыми президентом представителями ВС резервировалось порядка 20 % мест, соответствующие квоты существовали и во всех региональных советах народных представителей, выходцы из ВС контролировали не менее трети министерских портфелей, доминировали в госаппарате и занимали ведущие позиции в руководстве «Голкар»⁸. Большинство губернаторских должностей также заполнялись военными, аналогичная ситуация была и на нижестоящих уровнях административной системы.

Позиции представителей ВС в экономической сфере также заметно укрепились, как формально (путем управления госпредприятиями), так и неформально. Делегированные в госаппарат офицеры распределяли лицензии, квоты, контракты, кредиты и т.п., обеспечивая режим наибольшего благоприятствования компаниям своих родственников и партнеров. Активно развернулись СИ, созданные частным бизнесом и военными под крышей благотворительных фондов при штабах верховного командования, видов ВС, стратегического резерва, спецназа, Минобороны и внедрившиеся в различные сферы бизнеса (строительство, транспортные услуги, розничная торговля, гостиничный бизнес и т.д.). Иностранные инвестиции, пошедшие в РИ с конца 1960-х гг., как правило, также вкладывались в СИ, где индонезийскую сторону представляли структуры, патронируемые высокопоставленными военными и управляемые их бизнес-партнерами⁹.

При этом перетекание военных во власть и бизнес создало еще большие препятствия профессионализации, так как карьера в ВС окончательно превратилась в трамплин к доле в госресурсах. В то же время преобладание неформальных механизмов и отпошений над формальными в политике и экономике РИ ограничивало возможности дальнейшей интеграции и организационного укрепления ВС. Практически все операции выполнялись не напрямую, а через посредников, везде в структуру закладывались конкурирующие центры, призванные нейтрализовать друг друга и предотвратить чрезмерное усиление одного из них. В частности, финансирование ВС в период «нового порядка» так и не было централизовано и переведено на бюджетную основу. Вместо этого оно и к 1998 г. складывалось из таких источников, как оборонный бюджет (покрывавший примерно треть расходов), доходы от подконтрольных госпредприятий, доходы от военных кооперативов и благотворительных ассоциаций (*yayasan*) и доходы, извлекавшиеся отдельными офицерами¹⁰.

В экономике контроль стал скорее «внешним», «виртуальным» – на практике всем управляли бизнес-партнеры. Они требовались даже там, где офицеры были официальными начальниками, поскольку и в конце 1950-х (в случае с национализированными предприятиями), и в начале 1970-х (в случае с государственными активами вроде нефтяной компании Pertamina и агентства снабжения BULOG) злоупотребления принимали такой размах, что деятельность предприятий оказалась практически парализована, и, чтобы вернуть им рентабельность, приходилось передавать управление представителям бизнеса, превращая официальную администрацию в своеобразный «фасад»¹¹.

Положение усугублялось и общей динамикой развития режима, существенно ослабившей влияние действующих военных к началу 1990-х гг. Во-первых, смена поколений в ВС, увеличение возрастного разрыва между Сухарто и командованием уменьшили доверие президента и его окружения к армии. Утрату контакта с основной массой армейских лидеров Сухарто компенсировал, ослабляя политическое влияние ВС, поощряя конкуренцию в их руководстве и продвигая на высшие позиции своих адъютантов и родственников¹².

Во-вторых, лидерство ВС также ослаблялось в силу структурных причин, так как резкое расширение набора в военное училище в конце 1960-х – начале 1970-х гг. обеспечило к началу 1990-х значительный пул кандидатов на командные должности. В результате произошло не только сокращение карьерных возможностей, но и резко ускорилась ротация командного состава: к концу 1990-х гг. руководители основных структурных единиц, как правило, возглавляли их от нескольких месяцев до полутора лет и куда хуже контролировали личный состав¹³. Вкупе с фактической автономией стратегического резерва и спецназа это снизило управляемость ВС для регионального и центрального командования.

В-третьих, уменьшились доходы ВС от участия в бизнесе: например, в таких сферах, как заготовка леса, транспорт, легкая промышленность, банковское дело, позиции военных оказались поколеблены подъемом финансово-промышленных групп, складывавшихся вокруг бизнесменов китайского происхождения и предприятий, контролируемых родственниками высшего руководства. Расширению их доли в экономике особенно способствовали политика приватизации, проводившаяся с 1980-х гг. для стимулирования экономического роста, и приток прямых иностранных инвестиций в 1990-е гг. Напротив, госпредприятия и ассоциации, подконтрольные ВС, играли все меньшую роль.

Таким образом, открытость экономики, гарантия частной собственности и сохранение парламентской модели обеспечили формирование в РИ олигархии и управленческих элит, постепенно подчинивших ВС

своим интересам. Руководство ВС, естественно, стало частью этой прослойки, а сами ВС – одним из инструментов рекрутирования и воспроизводства элит, однако отнюдь не единственным. Институционально ВС занимали все меньшее место в этой системе и могли воздействовать на нее главным образом неформально (например, пытаясь манипулировать исламскими организациями, студенческими активистами, криминальными группировками и т.д.). Сухарто и его окружение отвечали на это также неформально, например, с помощью просектов в области ислама¹⁴ или защиты прав человека (санкционируя расследование нарушений, допущенных в горячих точках РИ отдельными представителями командования)¹⁵. В конечном итоге отчуждение президента от руководства ВС проявилось в мае 1998 г., когда последнее отказалось защищать Сухарто и нейтрализовало его зятя генерал-лейтенанта Прабово Субьянто, претендовавшего на роль начальника сухопутных войск.

ВС на современном этапе

В первые годы после падения Сухарто формальное политическое влияние ВС было существенно ограничено. В 1998 г. произошел отказ от назначения военных на должности в госаппарате, а «совместители» должны были сделать выбор – продолжить службу в ВС или сохранить административный пост. В 1999 г. военным было запрещено состоять в политических партиях и оказывать им поддержку. Количество мест, зарезервированных в парламенте за представителями ВС, было сокращено с 75 до 38, в региональных парламентах доля их мест сократилась с 20 % до 10 %. В правительстве, сформированном после выборов 1999 г., министром обороны стало гражданское лицо (впервые после 1958 г.). Было объявлено о начале широкой военной реформы, причем президент Абдуррахман Вахид (1999–2001) пытался использовать процесс реформирования и обострившуюся борьбу в среде генералитета, чтобы установить контроль над ВС.

Параллельно с этим ВС пережили кризис, спровоцированный ухудшением их материального положения и ограничением их функций. Коллапс индонезийской экономики подорвал финансирование армии, поскольку резко сократились поступления из бюджета и доходы от предприятий и партнерства с местным бизнесом. Основным источником средств в этих условиях стала криминальная экономика, рэкет населения и международных компаний (Exxon Mobil, Freeport и других), вынужденных платить военным за обеспечение безопасности своей деятельности в Индонезии.

Поскольку полиция была выведена из ВС и приобрела статус самостоятельной силы в государственной системе¹⁶, она также начала претендовать на упомянутые категории доходов. Результатом конкуренции

и криминализации армейского финансирования стали резкий рост правонарушений среди личного состава ВС, столкновения между военнослужащими и полицией и военнослужащими и населением в 1998–2001 гг. Показательным примером также может служить история с подделкой денег, организованной в 1999 г. начальником армейской разведки и управляющим Банком Индонезии для выплат армейским частям и военизированным формированиям в Восточном Тиморе¹⁷.

Политическая стабилизация после 2001 г., лояльность сменивших Вахида президентов Мегавати и Юдхойоно по отношению к военным, а также стабилизация руководства ВС – все это способствовало признанию интересов ВС и возвращению им части ранее подконтрольных ресурсов. Хотя формальная роль армии в политическом процессе продолжала сокращаться (так, с 2004 г. ВС лишились представительства в парламенте), это компенсировалось расширением хозяйственных полномочий на местах.

Поскольку госаппарат и полиция не справились с межэтническим и межконфессиональным насилием, охватившим Индонезию с конца 1990-х гг., ВС вновь вынуждены были заниматься обеспечением внутренней безопасности. Так, в 2002 г. ВС был передан полный контроль над разрешением конфликта на Молуккских островах, а с 2003 г. введено военное положение в провинции Аче и начата военная кампания по пресечению сепаратизма и восстановлению конституционного порядка. Еще одним фактором, обусловившим усиление ВС, стали новый глобальный контекст «войны против терроризма» и серия террористических актов, совершенных в Индонезии радикальными исламистами (на Бали в 2002 и 2005 гг., в Джакарте в 2004 г.). После взрывов на Бали в 2005 г. территориальная система командования получила контртеррористические функции.

Таким образом, можно выделить следующие основные этапы исторической эволюции ВС:

- 1945–1957 гг. – становление индонезийской армии, борьба сторонников «революционного» и «профессионального» путей развития ВС, победа последних;
- 1957–1967 гг. – реорганизация сухопутных войск и централизация командования, выход СВ на ведущие позиции в экономике и политике страны;
- 1967–1983 гг. – доминирование армии во всех сферах жизни, сохранение на ведущих позициях в ВС представителей «революционного» поколения, то есть лиц, начавших служить еще в годы антиколониальной борьбы;

- 1983–1998 гг. – смена поколений в ВС, оформление разрыва между ВС и президентом и его окружением, ослабление реального участия военных в политике и экономике;
- 1998–2001 гг. – отказ ВС от ряда функций в условиях политического и экономического кризиса, попытка радикальной военной реформы;
- 2001 г. – по наст. время – адаптация ВС к современному формату, сосредоточение на обеспечении обороноспособности, противодействии терроризму, пресечении незаконной деятельности в исключительной экономической зоне и защите своих институциональных интересов.

Функции и миссия ВС

Формирование ВС Индонезии в условиях антиколониального сопротивления и особенности развития страны наложили большой отпечаток на военную доктрину и понимание функций ВС. В 1950-е гг. индонезийские военные стратеги (в первую очередь Насутион) исходили из того, что экономическое положение не позволяет обеспечить материально-техническое оснащение и подготовку ВС на уровне, достаточном для отражения внешней агрессии¹⁸. В этих условиях ставка была сделана на «тотальную народную оборону». Данная концепция предусматривала, что на первом этапе регулярные части ВС будут обречены на поражение. На втором этапе, в условиях оккупации, будет развернута широкая партизанская война, которая в конечном итоге приведет к поражению агрессора (третий этап).

Соответственно, основная роль в обеспечении обороноспособности страны отводилась не модернизации и повышению боеспособности ВС, а закладке базы народного сопротивления. Личный состав ВС рассматривался как организующая и направляющая сила сопротивления, для чего он должен был установить тесные связи с населением. Этот постулат лег в основу «территориальной организации» ВС Индонезии, предусматривавшей размещение личного состава до уровня каждой деревни. На всех территориальных уровнях представители ВС должны были координировать любые вопросы, имеющие стратегическое значение, начиная с контроля над людскими ресурсами и заканчивая производством и развитием инфраструктуры. Кроме того, они отвечали за подготовку подразделений «народного сопротивления» на деревенском уровне. Для обеспечения контакта ВС с населением также предусматривалось развертывание социальных программ (строительство объектов инфраструктуры, оказание медицинской помощи в отдаленных районах, содействие проектам развития, инициированным местными жителями)¹⁹.

Описанная стратегия также должна была позволить ВС решать другую стоявшую перед ними задачу – обеспечение внутренней безопасности. Повсеместное присутствие военных должно было стать фактором, цементирующим национальное единство и препятствующим активности повстанческих или антиправительственных сил. Самообеспечивающийся характер ВС, их участие в экономике также трактовались как инструмент укрепления внутренней безопасности и обороноспособности. С 1958 г. ВС также стали, по сути, самоуправляемы, поскольку Насутигон, помимо должности начштаба сухопутных войск, занял и должность министра обороны.

Изменения политической ситуации с конца 1950-х по конец 1960-х гг. лишь способствовали укоренению упомянутой ориентации ВС. С 1961 г. полиция была интегрирована в структуру ВС. Таким образом, военные получили монополию на обеспечение безопасности и правопорядка. С установлением режима Сухарто за ВС официально была закреплена двойная функция, сочетавшая национальную оборону и внутреннюю безопасность с социально-экономической и политической ролью. Помимо делегирования части личного состава в органы исполнительной и законодательной власти, на уровне военных округов (*daerah militer*) был создан штат офицеров, отвечавших за связи с гражданской администрацией, осуществление контроля, разведработу и т.д. Большую роль также играли структуры, подчиненные Командованию по восстановлению безопасности и правопорядка (*Kor-kamtib*), созданному в 1965 г. для борьбы со сторонниками КПИ.

Таким образом, миссия ВС трактовалась максимально широко, командный состав боевых частей составлял лишь часть офицерского корпуса, а возможность перемещения ЛС со «строевых» должностей на «нестроевые» и обратно стала одним из инструментов управления ВС. Все эти функциональные особенности ВС сохранялись в практически неизменном виде вплоть до 1998 г.

Падение Сухарто и сопутствовавший этому острый кризис вынудили ВС к формулировке «новой парадигмы». Согласно ей ВС отказывались от социально-политической функции и ответственности за поддержание внутренней безопасности (передавая эту роль полиции), а сосредотачивались на отражении внешних угроз. Кроме того, было обещано начать реформу, включающую изменение юридических основ функционирования ВС и реорганизацию их структуры. Этот процесс во многих аспектах незавершен до сих пор. В конечном итоге ВС перестали формально участвовать в политике, управлении и обеспечении правопорядка, лояльны выборной исполнительной власти в лице президента, однако сохранили ведущую роль в обеспечении внутренней безопасности, тер-

риториальную организацию, часть аффилированных бизнес-структур и возможность участвовать в неформальной экономике.

В то же время ситуация в РИ, а значит, и условия, в которых действуют ВС, постепенно меняются. После отделения Восточного Тимора в 1999 г., предоставления автономии Папуа в 2001 г. и заключения в 2005 г. соглашения о мире с Движением «Свободный Аче» сепаратистская активность в Индонезии значительно сократилась. Вызовы безопасности теперь в основном связаны с глобальным терроризмом и пресечением незаконной деятельности в исключительной экономической зоне, что требует от ВС иных навыков и возможностей, нежели борьба с повстанческими движениями. В основных документах последних пяти лет, определяющих военную доктрину и стратегию Индонезии, эти задачи трактуются в рамках «операций, проводимых вне условий войны», и рассматриваются как один из приоритетов ВС.

В политическом отношении Индонезия после 2002 г. превратилась в наиболее стабильную и открытую демократическую систему в Юго-Восточной Азии. Этот фактор также способствует рационализации облика и роли ВС, в связи с чем можно прогнозировать, что приоритетами военной политики Индонезии в будущем будут именно модернизация ВС и наращивание их потенциала в области решения современных задач. Территориальная организация, армейские кооперативы и «крышевание» бизнеса в этих условиях – рудименты, которые правительство допускает на низовом уровне, вероятно, рассчитывая, что они уйдут в прошлое при достижении страной достаточной степени экономического развития.

Структура и организационные особенности ВС

Структура ВС

ВС Индонезии состоят из сухопутных войск (Tentara National Indonesia – Angkatan Darat, TNI-AD), ВМС (Tentara National Indonesia – Angkatan Laut, TNI-AL) и ВВС (Tentara National Indonesia – Angkatan Udara, TNI-AU). Со времен антиколониальной борьбы доминирующим видом являются сухопутные войска. До 1960-х гг. Индонезия фактически не имела средств для надлежащего оснащения ВМС и ВВС. Укрепление этих видов ВС с советской помощью в начале 1960-х и ориентация их командования на Сукарно обусловили жесткую чистку и ослабление после прихода к власти Сухарто. До 1998 г. ВМС и ВВС, по сути, оставались в роли своеобразных «пасынков», а официальная линия сводилась к тому, что в Юго-Восточной Азии масштабная война с применением обычных видов вооружения маловероятна, основной задачей военных является поддержание внутренней безопасности, а значит, приоритет должен отдаваться

СВ, а не ВМС и ВВС. С уходом Сухарто позиции ВМС и ВВС укрепились, проявлениями чего стало занятие их представителями ключевых должностей в руководстве ВС и учет их интересов в бюджете закупок.

Тактико-административная структура видов ВС, номинальные и фактические центры контроля и влияния в Национальной армии Индонезии весьма пластичны. В частности, структура СВ пережила как минимум четыре существенные трансформации. Что естественно с учетом функциональной специфики индонезийских ВС, эти реорганизации диктовалась не соображениями повышения боеготовности или оперативной управляемости, а политической ситуацией, логикой борьбы за власть (в целом в стране и внутри ВС) и служили в первую очередь интересам конкретных руководителей.

Сухопутные войска (численность – 328 тыс. человек) включают территориальные подразделения (организованы в региональные военные командования (Kodam) и нижестоящие уровни территориальной системы) и тактические, подчиняющиеся командованию стратегического резерва СВ (Kostrad) и командованию войск специального назначения (Kopassus). В состав СВ также входят армейская авиация (Disnerbad) и командование морских перевозок (Kolinlamil).

Руководство сухопутными войсками осуществляет начальник штаба СВ, следующий уровень штабной иерархии представлен замначштаба, генеральным инспектором и помощниками по безопасности, операциям, ЛС, тылу, планированию и бюджету, военно-территориальным вопросам. Начштаба СВ отвечает за организацию подготовки личного состава, обеспечение боевой и повседневной деятельности СВ, другие административные аспекты, однако не имеет оперативного контроля над командующими военными округами (Kodam), подчиняющимся главному ВС. Командующие округами, в настоящее время носящие звание генерал-майора, отвечают за аналогичный круг вопросов на уровне подразделений, входящих в их зону ответственности. Округа, в свою очередь, делятся на военные области (*resort militer*), руководимые полковниками, районы (*distrik militer*), возглавляемые подполковниками, и подрайоны (*gauon militer*), за которые отвечают младшие офицеры или старшие сержанты.

Тактико-административная структура СВ неоднократно перекраивалась. Исходно в июле 1950 г. было введено деление на семь «военных территорий» (*Territorium dan Tentara, T & T*): первая, соответствующая дислокации дивизии Bukit Barisan, охватывала Аче, Северную и Западную Суматру, а также о-ва Риау; вторая, соответствующая дислокации дивизии Sriwijaya, охватывала Южную Суматру и Джамби; третья, соответствующая дислокации дивизии Siliwangi, охватывала Западную Яву;

четвертая, соответствующая дислокации дивизии *Diponegoro*, охватывала Центральную Яву; пятая, соответствующая дислокации дивизии *Brawijaya*, охватывала Восточную Яву; шестая, соответствующая дислокации дивизии *Tanjungsringa*, охватывала Калимантан; седьмая, соответствующая дислокации дивизии *Wirabucana*, охватывала Восточную Индонезию (Макаassar, Сулавеси, Молуккские о-ва, Бали, Малые Зондские о-ва).

С 1955 по 1962 г. «военные территории» были преобразованы в 17 региональных военных командований, или округов (*Komando Daerah Militer, KDM*, позднее *Kodam*)²⁰. Основным мотивом нового деления выступало дробление территории внешних островов, ранее контролирувавшейся выступившими против центрального правительства дивизиями, на более мелкие единицы. Для ослабления автономии командиров дивизий и укрепления влияния центра также были учреждены межрегиональные командования (*Koanda*), охватывавшие несколько округов и обладавшие операционным контролем над лучшими подразделениями. Командующие *Koanda* получили статус заместителей начштаба СВ.

В результате реорганизации, осуществленной в 1969–1970 гг., после прихода к власти Сухарто, межрегиональные командования СВ были упразднены и заменены шестью региональными оборонными командованиями (*Kowilhan*), подчинявшимся напрямую главному ВС и министерству обороны²¹. Каждое такое командование располагало штабом, составленным из представителей всех видов ВС, и должно было обеспечивать координацию их действий при решении различных задач.

Региональные оборонные командования, в свою очередь, были упразднены в ходе новой реорганизации в 1984 г., а ключевым уровнем стратегической, тактической и территориальной организации вновь стали военные округа. Одновременно с этим округа опять были перекроены, вместо 16 их стало 10, причем большинство совпадало с «военными территориями» 1950-х гг.²² Эта трансформация потребовалась для создания более централизованной структуры, четко контролируемой главнокомандующим ВС²³.

В марте 1999 г., в разгар кризиса, было объявлено, что число военных округов постепенно будет опять расширено до 17. По мнению аналитиков, это должно было позволить обеспечить «собственные» кодамы всем основным этническим группам (что было актуально в условиях нарастающих межэтнических столкновений), а также расширить пул офицерских должностей среднего и нижнего звена (что было актуально в связи с отказом от делегирования действующих офицеров в госаппарат и усложнения задачи ротации раздутого офицерского корпуса)²⁴. На практике военные округа пока возрождены только в провинции Аче (*Iskandarmuda*) и на Молуккских о-вах (*Pattimura*), то есть на тех территориях, где активность ВС в начале нового века реально возросла. В

2009–2010 гг. также заявлялось о создании дополнительных округов на Калимантане и Папуа.

ВМС численностью 75 тыс. человек включают два флота (Западный и Восточный), авиацию ВМС и корпус морской пехоты; подчиняются штабу ВМС во главе с начштаба. ВВС численностью 35 тыс. человек разделены на два оперативных командования (Коор-AU) и подчиняются штабу ВВС.

Руководство ВС

Структура руководства ВС достаточно специфична и отражает особый статус индонезийских военных в политической системе. Верховным главнокомандующим ВС Индонезии является президент. Он отвечает за определение общей политики страны в области обороны (закон о национальной обороне 2002 г. проводит разграничение между «общей политикой в области обороны», являющейся прерогативой президента, а также «политикой обеспечения обороноспособности» и «политикой использования подразделений ВС», которые относятся к компетенции министерства обороны). При этом он может опираться на рекомендации министерства обороны, Института национальной обороны и Института национальной стабильности. Президент контролирует высший уровень командования ВС, определяя кандидатуру главкома ВС и предлагая ее на утверждение парламента (освобождение главкома ВС от должности также требует одобрения парламентом), назначая и увольняя ключевых руководителей в штабе верховного командования, командующих видов ВС (выбирая из кандидатов, представленных главкомом ВС), а также министров силового блока (министра-координатора по вопросам политики, права и безопасности, министра обороны и т.д.) и их помощников из числа действующих военных.

Оперативное управление ВС осуществляют штаб верховного командования и главком ВС. Главком отвечает за подготовку личного состава ВС, систему военного образования, планирование стратегических и военных операций, обеспечение боеготовности ВС, формулировку военной доктрины и стратегии (с учетом политики, определенной президентом). Главком ВС подчиняется напрямую президенту, входит в состав правительства в качестве министра и в этом отношении равен по статусу министру обороны. Главкомом ВС может быть назначен только кандидат, занимающий или ранее занимавший должность командующего одним из видов ВС. Ключевыми фигурами в верховном командовании являются начальник общевойскового штаба, генеральный инспектор, помощник главкома по вопросам планирования и помощники начальника общевойскового штаба по разведке, операциям, военно-территориальным

вопросам, личному составу, тылу и связям с общественностью. В подчинении штаба верховного командования находятся штабы видов ВС.

Министерство обороны обладает лишь формальным контролем над вооруженными силами в таких аспектах, как определение оборонной политики и стратегии, а фактически занимается административным и логистическим обеспечением деятельности ВС. По закону 2002 г. министерство определяет «политику обеспечения обороноспособности» в соответствии с общими принципами, формулируемыми президентом; готовит программные документы в этой области; устанавливает принципы регионального и международного сотрудничества в военной сфере; определяет «политику использования подразделений ВС», политику бюджетирования, закупок, набора ЛС, развития военных технологий и производств, необходимых для нужд ВС. Как орган, помогающий президенту в разработке оборонной политики, министерство делит эту прерогативу с рядом других организаций. Несмотря на то, что с 1999 г. министром обороны является гражданское лицо, гражданский контроль над министерством является неполным, так как в его структуре преобладают отставные и действующие офицеры. На протяжении последних лет министерство регулярно выступало с инициативой постепенного перевода ВС в свое подчинение, но в ближайшем будущем перспектив этого нет.

Подобная конфигурация руководства является следствием ряда обстоятельств:

- осуществленной Сухарто в 1969–1970 гг. реорганизации, направленной на концентрацию контроля над ВС в руках главкома ВС и министра обороны (он лично занимал эти должности до 1973 г., а их совмещение сохранялось до 1983 г.), а также президента. При этом было покончено с автономией видов ВС, их руководители из командующих были превращены в начальников штабов, выведены из состава правительства и лишены оперативного контроля над подразделениями, а ключевые функции штабов видов ВС были переданы министерству обороны;
- разделения функций министра обороны и главкома ВС по закону 1982 г. и обособления министерства обороны от штаба верховного командования, осуществленного в 1985 г. Мурдани. При этом министерство обороны лишилось контроля над ключевыми с точки зрения влияния вопросами (операции, разведка, тыловое обеспечение, военно-территориальное управление, интересы военнослужащих как функциональной группы), превратившись в своеобразный «заповедник» для отставных офицеров;

- сохранения ВС большей части автономии от гражданских структур (за исключением президента) в результате реформирования после 1998 г. и принятия таких нормативных актов, как закон о национальной обороне 2002 г., закон о ВС 2004 г. и ряда президентских указов, регламентировавших деятельность ВС.

Организационные особенности ВС

- **Доминирование СВ.** Как уже отмечалось, сухопутные войска исторически являются ведущим видом ВС, хотя степень доминирования и ключевые центры влияния периодически менялись. По своему статусу ВМС и ВВС существенно уступали СВ в 1945–1962 и 1965–1998 гг. Представитель ВМС занимал должность главкома ВС только с 1999 по 2002 г., ВВС – с 2006 по 2007 г. Соответственно, и доля офицеров из этих видов ВС на ключевых позициях в штабе верховного командования выросла лишь в последнее время²⁵. В структуре СВ до 1957–1958 гг. доминировали отдельные дивизии, а с 1958 по 1965 г. влияние было сконцентрировано в руках офицеров трех яванских дивизий Siliwangi, Diponegoro и Brawijaya. В конце 1950-х – начале 1960-х максимальным влиянием обладали представители Siliwangi (поскольку в их ведении находилась столица страны Джакарта, а также в силу приближенности к Насутиону). После 1965 г. настал черед выходцев из Diponegoro, так как в 1957–1959 гг. этой дивизией командовал Сухарто. С середины 1970-х гг. Сухарто стал меньше опираться на стратегический резерв и командующих военными округами, предпочитая продвигать на руководящие должности представителей разведструктур (Мурдани), спецназа (Прабово Субьянто) и офицеров, выполнявших политико-административные функции. После 1998 г. влияние командующих военными округами вновь выросло, а офицеров, связанных с разведкой и спецназом, упало. Значимыми в карьерном отношении должностями сейчас являются командование стратегическим резервом, столичным военным округом и округами Папуа и Аче, а также должности адъютантов президента и вице-президента.
- **Ведущие позиции Явы и яванцев.** Эта особенность обуславливается как тем, что яванцы составляют большинство населения Индонезии, так и длительным административным и экономическим доминированием Явы. Превышение статистической доли яванцев в руководстве ВС наблюдается с конца 1950-х. Оно усилилось в годы нахождения у власти Сухарто, к середине 1980-х доля яванцев в штабе верховного командования и на высших уровнях территориальной системы составила около 80 %. К 2001 г. процент яванцев среди

командующих коремов и на более высоких должностях упал до 35, затем начал вновь расти, добравшись к 2008 г. до 59²⁶. Эти колебания отчасти были вызваны сменой поколений в ВС, усилившей этническую гетерогенность состава, отчасти – политикой «позднего» Сухарто по размыванию армейского руководства²⁷. В настоящее время доля яванцев стабилизировалась и вряд ли существенно изменится²⁸. На Яве сконцентрированы все основные управленческие, образовательные и технические центры ВС, флоты ВМС и большая часть баз ВВС. До реорганизации 1980-х гг. командующие яванскими военными округами также имели более высокий статус по сравнению с другими кодами, как правило, они носят звание не генерал-майора, а генерал-лейтенанта.

- **Достаточно слабая степень идеологизации ВС.** По сути, единственной идеологией ВС Индонезии был и остается секулярный национализм. Влияние политических партий или исламских движений в ВС всегда было достаточно слабым, что, впрочем, не исключало тактических альянсов между этими движениями и отдельными представителями руководства ВС. Слабое влияние ислама, доминирующей религии Индонезии, объясняется тем, что с 1940-х гг. ВС приходилось вести вооруженную борьбу с исламистскими группировками.
- **Отсутствие четкой политики ротации кадров.** Как уже отмечалось, с момента создания вооруженные силы сталкивались с трудностями при рационализации управления ЛС. Передислокация, смена должности и т.п. были весьма нежелательны для типичного индонезийского офицера 1940–1950-х гг. Политизация ВС и превращение их в структуру власти при Сухарто, напротив, привели к тому, что ротация на одних (потенциально опасных) должностях заметно ускорилась, а на других (критически важных и требующих максимальной лояльности) – застыла на годы²⁹. Раздувание офицерского корпуса в 1960–1970-е гг. также потребовало активизации сменяемости с начала 1990-х по начало 2000-х, сделав обеспечение карьерного роста одной из ключевых детерминант кадровой политики. По сути, единственное четко соблюдаемое правило в управлении командным составом – это возраст выхода в отставку. С начала 1950-х и по 2004 г. индонезийские генералы слагали полномочия по достижении 55 лет. С 2004 г. возраст выхода в отставку был наконец увеличен до 58 лет (соответствующие планы существовали еще с 1987 г.).
- **Неравномерность процесса смены поколений в ВС.** Специфика формирования ВС обусловила то, что вплоть до 1983 г. на руководящих позициях оставались представители практически одного поколения – того, что начинало службу в условиях антиколониальной

борьбы. Поскольку в 1940–1950-е гг. все они были очень молоды, притока новых офицеров в ВС не было почти до конца 1950-х, а военное училище, созданное в 1945 г., ликвидировали в 1949 г. Оно было возрождено только в 1957 г., начав выпуск молодых офицерских кадров с 1960 г. Смена революционного поколения в руководстве ВС на выпускников этого училища, произошедшая к середине 1980-х, ознаменовала окончание периода, когда в армейской среде преобладали «вертикальные» связи, задававшие принадлежность к определенной дивизии/округу. С этого времени ведущую роль стали играть «горизонтальные» связи, определяемые кадетским выпуском. Иными словами, для укрепления своих позиций в ВС руководитель активнее назначает на ключевые должности не тех, с кем вместе служил, а тех, с кем вместе учился. В настоящее время высший уровень руководства представлен выпускниками середины-конца 1970-х, а на позиции командующих округами и областями выходят выпускники начала 1980-х.

- **Важность внебюджетных источников финансирования.** Структура финансирования ВС отличается крайней запутанностью, по сути, даже руководство ВС никогда не контролировало этот процесс полностью, так как значительный процент средств изыскивался и осваивался на местном уровне. Практика финансирования подразделений их командованием продолжается вплоть до настоящего времени, затрагивая даже элитные части³⁰. Общий объем средств, самостоятельно привлекаемых ВС, оценивается примерно в 2 млрд долл. в год³¹. Кроме того, для закупки ВВТ ВС используют кредиты из различных источников – от провинциальных властей до иностранных государств.

Подготовка кадров и карьерный рост

Потребность сухопутных войск в младшем офицерском составе в основном удовлетворяется за счет производства в офицеры старших сержантов, которые для этого должны пройти обучение в специальной школе в Бандунге. Основой системы подготовки кадрового офицерского состава выступает училище ВС (*Akademi Militer, Akmil*) в Магеланге (Ява)³². Первый выпуск возрожденного *Akmil* состоялся в 1960 г., после чего училище ежегодно заканчивали до 200–400 кадетов (набор варьировался год от года). Срок обучения в училище после 1965 г. составляет четыре года. Аналогичные училища также действуют у ВВС (в Йогьякарте) и ВМС (в Сурабае), при этом все кадеты, поступающие в военные училища, в течение первого года обучаются в Магеланге (подготовка собственно в училищах ВВС и ВМС начинается со второго курса).

В 1960–1970-е гг. училище ВС было одним из самых престижных учебных заведений страны, поступление туда было прерогативой элит или требовало существенных финансовых затрат. Развитие экономики и эволюция режима к середине 1980-х изменили социальную базу рекрутирования кадетского корпуса – с этого времени большинство учащихся составляют выходцы из обеспеченных семей из провинции и деревень³³.

После выпуска из училища и до поступления в командно-штабной колледж для офицеров сухопутных войск предусмотрено окончание ряда курсов при специализированных военных образовательных центрах (например, учебном центре мотострелковых войск в Чимахи). Типовая офицерская карьера включает службу как в тактических, так и в территориальных подразделениях, а также на штабных должностях, что обеспечивает понимание базовых механизмов функционирования ВС. Командно-штабной колледж СВ (Sesko AD), действующий с 1951 г. в Бандунге, является важнейшим из командно-штабных колледжей видов ВС. К обучению в колледже допускаются офицеры, прослужившие как минимум два года в звании майора, отобранные «случайным» образом из кандидатских списков. Списки кандидатов формируются на основе рекомендаций командующих округами, успешного прохождения аттестаций и сдачи экзаменов по военно-техническим предметам (проводятся ежегодно). Карьерный путь до поступления в командно-штабной колледж занимает примерно 15 лет. Ежегодно колледж оканчивает примерно 150 учащихся (число обучающихся в командно-штабных колледжах ВМС и ВВС в Джакарте и Лембанге вдвое меньше). В период правления Сухарто программа обучения на 50 % состояла из собственно военных курсов (теоретических и практических), остальное время распределялось между такими дисциплинами, как управление, социальные науки, национальное строительство, роль СВ в социальном развитии³⁴. На современном этапе доля «политических» дисциплин несколько сократилась, однако индоктринация в духе официальной индонезийской идеологии «Панчасила», солидарности и преданности ВС все равно занимает значительное место. Выпускники командно-штабного колледжа, как правило, дослуживаются минимум до бригадных генералов.

Высший уровень военной образовательной системы представлен Объединенным штабным колледжем (Sesko TNI) в Бандунге и Национальным институтом обороны (Lemhanas), расположенным в Джакарте. Обучение в штабном колледже проходят офицеры в звании полковника. Lemhanas был создан в 1965 г. в качестве «мозгового центра» ВС для изучения вопросов оборонной политики и ориентирован на подготовку как военных, так и гражданских лиц. Обучающиеся здесь офицеры имеют звания полковников и бригадных генералов.

Основными зарубежными странами, в образовательных центрах которых проходит подготовку часть индонезийских офицеров, можно назвать США и Австралию³⁵. Существенно меньшая доля приходится на такие страны, как Филиппины, Пакистан, Индия, а до 1965 г. – Югославия и СССР.

Назначение на командные должности нижнего звена происходит по представлению помощника начальника штаба соответствующего уровня по личному составу, которое визируется начштаба и направляется на утверждение в штаб СВ. При переводе на новую должность офицер, как правило, рекомендует кандидата себе на замену, обычно выбирая одного из представителей своего кадетского выпуска. На более высоком уровне решения принимаются советами по назначениям и утверждаются командующими соответствующего уровня. Ключевым из таких органов является совет по званиям и должностям высшего звена (*Dewan Kerangkatan dan Jabatan Tinggi – Wanjakti*), созданный в 1963 г. и рекомендующий кандидатов на генерал-майорские, генерал-лейтенантские и генеральские должности. Комитет, готовящий рекомендации для *Wanjakti*, возглавляет заместитель начштаба СВ. За включение в список кандидатов соискатели должности, как правило, выплачивают определенное вознаграждение помощникам начштабов по личному составу³⁶.

Реформирование и перспективы развития ВС

Вопрос о реформировании ВС остается актуальным с 1998 г., что обуславливается как динамикой демократизации Индонезии, так и потребностями развития самих ВС. Хотя реформа охватывает широкий спектр вопросов, основными для заинтересованных сторон остаются три: 1) будущее территориальной системы базирования; 2) схема финансирования и статус принадлежащих ВС предприятий; 3) повышение боеспособности и упорядочение системы закупок ВВТ.

Вопрос об упразднении территориальной системы базирования, укрупнении структурных единиц и повышении их мобильности стоит с 2000 г. Большое внимание этому аспекту уделяют правозащитные и неправительственные организации, видящие в нем один из механизмов профессионализации ВС. Тем не менее с 2001–2002 гг. реального прогресса в этом направлении не достигнуто. Поскольку данная структура обеспечивает существование личного состава ВС на низовом уровне, ее демонтаж возможен только очень постепенно и при условии кардинальной перестройки системы финансирования.

В вопросе финансирования президент Юдхойоно также проявляет осторожность и избегает шагов, способных спровоцировать конфликт. Обеспечивая мирное разрешение конфликта в Аче, правительство вы-

делило ВС порядка 50 млн долл. для вывода войск (а также в качестве фактической компенсации за выход из местной экономики). В отношении неформального бизнеса военных на местном и региональном уровнях никаких инициатив не предпринималось. Что касается формального участия в экономике, то закон о ВС, принятый в 2004 г., установил пятилетний срок для передачи государству компаний, находящихся под контролем ВС. Инвентаризация, проведенная Минобороны в 2005 г., выявила 219 предприятий, под эгидой которых действовали еще 1520. 194 из них были классифицированы как кооперативы и объявлены не попадающими под действие закона. В 2007 г. было определено, что при ВС действуют 23 фонда и более 1000 кооперативов, через которые осуществляются владение долями в 55 компаниях и сдача в аренду госнедвижимости¹⁷.

Часть активов, попадавших под действие закона (например, доля в Artha Graha Bank, авиакомпания Mandala), была продана, а выручка оставлена ВС на том основании, что эти активы были приобретены без использования государственных средств. Остальные предприятия и активы избежали реформирования благодаря тому, что ВС не контролирует их напрямую. Изданные в октябре – ноябре 2009 г. президентский указ и распоряжение министерства обороны просто декларировали переход бизнеса, принадлежащего или управляемого ВС, под контроль правительства и продлили фактический процесс перехода без указания конкретных сроков.

Таким образом, основным приоритетом государственной политики в области финансирования ВС является постепенное ограничение участия ВС в бизнесе на национальном уровне и увеличение финансирования ВС на бюджетной основе. В последние годы оборонный бюджет стабильно увеличивался (2,8 млрд долл. США в 2006 г., 3,5 млрд в 2007 г., 3,8 млрд в 2008 г., 3,6 млрд в 2009 г., 4,5 млрд в 2010 г., 6,3 млрд в 2011 г.), но все равно составляет около 1 % ВВП (что по меркам ЮВА довольно скромно¹⁸) и, по оценкам Минобороны, покрывает примерно треть потребностей ВС. Эти средства идут на обеспечение и выплаты денежного содержания личного состава (50 % в 2010 г.), административные расходы и т.д. Потребности в техническом обслуживании и ремонте военной техники покрываются лишь частично¹⁹, а закупки ВВТ обычно финансировались из внебюджетных источников (как правило, за счет кредитов и бартерных расчетов).

При этом ВС РИ испытывают острую необходимость в модернизации ВВТ, значительная часть которых используется с 1960-х или 1970-х гг. Особенно это касается ВВС и ВМС, где в последние годы участились случаи аварий и катастроф военной техники, сопровождавшиеся человеческими жертвами. По существующим оценкам, только треть оборудования и техники, срок службы которых составляет более 30 лет,

находится в эксплуатационном состоянии⁴⁰. Сложившееся положение объясняется рядом факторов: нехваткой средств, коррумпированностью и неэффективностью процесса закупок, ограничениями на поставку ВВТ со стороны США в период 1992–2005 г.⁴¹, а также слабостью собственной оборонной промышленности (по существующим оценкам, удовлетворяет потребности ВС в ВВТ только на 5 %)⁴².

Поскольку радикального увеличения бюджетных средств не предвидится, основное внимание уделяется поиску вариантов апгрейда существующих мощностей и налаживанию партнерских отношений с зарубежными странами, позволяющих развивать индонезийский ВПК. Также постепенно происходит упорядочение организации закупок, в которых в 1990–2000-е гг. огромную роль играли неформальные механизмы. Президентский указ 2003 г. и закон о вооруженных силах 2004 г. предусматривают, что все закупки ВВТ должны осуществляться через минобороны. В 2006 г. также были подписаны два распоряжения министра обороны, лишавшие штаб верховного командования и командование видов ВС права самостоятельно осуществлять закупки ВВТ. С 2007 г. вокруг закупок не было громких скандалов⁴³, контроль над этим процессом сконцентрирован в руках президента и министра обороны, однако действующие и бывшие военнослужащие продолжают играть роль посредников при сделках.

Все это говорит о стремлении теснее интегрировать армейское руководство с другими категориями элит современной Индонезии и добиться большей «профессионализации» на национальном уровне. Движение в этом направлении идет и со стороны самих ВС, так как неизбежный процесс смены поколений привел к выдвижению на руководящие должности офицеров, карьера которых развивалась в период, когда действующие военные уже не были доминирующей силой и возникла сложная система взаимоотношений военных и гражданских элит. В современных условиях перспективы взятия ВС власти на национальном уровне или сокращения существующего контроля политических институтов (президента, министерства обороны, парламента) над ВС выглядят крайне маловероятными. Напротив, можно прогнозировать постепенное повышение роли формальных механизмов и культуры юридического соответствия на верхних уровнях деятельности ВС. Принципы функционирования вооруженных сил на низовом уровне при этом практически не изменяются, что означает сохранение специфики индонезийской армии (большая роль самофинансирования, территориальная система и вовлеченность в местные патронажные структуры) и в дальнейшем.

Приложение 1. Вооруженные конфликты на территории Индонезии

Период	Территория	Характер конфликта
1945-1950	Ява, Суматра, некоторые из «внешних» островов	Война за освобождение от колониальной зависимости
1948	Медиун (Центральная Ява)	«Медиунские события» – выступление части народных милиций и левых сил против правительства республики
1948-1963	Западная Ява, Суматра, Сулавеси	Движение «Обитель ислама» (Darul Islam) – попытка создания исламского государства
1950	Западная Ява, Амбон (Молукские острова), Сулавеси	Выступления бывших военнослужащих голландской колониальной армии против создания унитарной Республики Индонезия вместо федерации Соединенные Штаты Индонезии
1956-1961	Суматра, Сулавеси, Калимантан	Движения «Всеобщая борьба» (Pigam Perjuangan Semesta, Permesta) и Революционное правительство Республики Индонезия (Permerintah Revolusioner Republik Indonesia, PRRI) – сепаратистские выступления местных элит и борьба региональных командующих за сохранение автономии своих дивизий
1962-1963	Западный Ириан (о. Новая Гвинея)	Вытеснение голландцев с западной части о. Новая Гвинея и образование там индонезийской провинции Ириан Джая
1963-1966	Калимантан	Конфронтация с Малайзией – рейды индонезийских «добровольцев» на территорию Северного Калимантана с целью воспрепятствовать его включению в Малайзию, «марионетку» британского империализма
1965-1968	Индонезия	Преследование предполагаемых членов КПИ и аффилированных организаций
1968-1978	Западный Калимантан	Операции против повстанцев-коммунистов, действовавших на малайско-индонезийской границе
1969 – по наст. время	Ириан Джая / Папуа (о. Новая Гвинея)	Антиповстанческие операции против Движения «Свободное Папуа» (Free Papua Movement, Organisasi Papua Merdeka), выступающего за независимость западной части о. Новая Гвинея

Период	Территория	Характер конфликта
1975–1999	Восточный Тимор	Оккупация Восточного Тимора и операции против Революционного фронта независимости Восточного Тимора (Frente Revolucionária de Timor-Leste Independente, FReTiLin) и вооруженных сил национального освобождения Восточного Тимора (Forças Armadas da Libertação Nacional de Timor-Leste, FALINTIL)
1976–1979, 1989–1996, 1999–2005	Аче (о. Суматра)	Антиповстанческие операции против Движения «Свободный Аче» (Gerakan Aceh Merdeka, GAM)
1999–2002	Молуккские острова	Предотвращение межконфессиональных столкновений между мусульманами и христианами

¹ С 1950-х по 1999 г. использовалось другое название - вооруженные силы Республики Индонезия (Angkatan Bersenjata Republik Indonesia, ABRI). В 1999 г. в связи с выводом полиции из состава ВС им было возвращено одно из названий, использовавшихся на начальном этапе их истории (с 1947 г.).

² Единственными достижениями в области рационализации облика ВС в период 1947–1952 гг. стали расформирование многочисленных милиций, возникших в 1945 г. и конкурировавших с регулярными подразделениями за контроль над ресурсами и влиянием на местах, и некоторое сокращение численности ВС.

³ *Vickers A. History of Modern Indonesia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005, P. 137, 160–161; Penders C. L. M. The West New Guinea Debacle: Dutch Decolonisation and Indonesia, 1945–1962. – Adelaide: Crawford House, 2002, P. 200–205; Сумский В. В. «Индонезия: государство, финансово-промышленные группы и кризис» // Общественные науки и современность. 1998, № 6, С. 65.*

⁴ *McVey R. "The Post-Revolutionary Transformation of the Indonesian Army. Part I" // Indonesia. Vol. 11, 1971, P. 141.*

⁵ Насутион уже занимал эту должность в 1950–1952 гг., но был отправлен в отставку, проиграв в борьбе за освобождение ВС от контроля гражданских политиков и централизацию командного контроля.

⁶ Одно из возможных географических делений территории Индонезии построчно на различии Явы и соседнего о. Мадуро (самой густонаселенной части республики) и т.н. «внешних островов», к которым относятся все остальные территории.

⁷ До 1960-х годов состав ВС практически не обновлялся: для всех военнослужащих, вне зависимости от звания и должности, увольнение было нежелательно и означало ухудшение благосостояния. Возраст всех военнослужащих также был примерно одинаков. Введение сроков пребывания в должности, установление возраста выхода в отставку и другие меры по рационализации облика ВС были осуществлены только в начале 1960-х гг.

⁸ «Голкар» – объединение т.н. функциональных групп – организаций госслужащих, молодежи, ветеранов, женщин, крестьян и т.д. в условиях «нового порядка» выполнявшее роль правящей партии.

⁹ *Crouch H. "Patrimonialism and Military Rule in Indonesia" // World Politics, vol. 31, no. 4 (1979), P. 577.*

¹⁰ *Rabasa A., Huseman J. The Military and Democracy in Indonesia. – Santa Monica: RAND, 2002, P. 72.*

¹¹ *McVey R. "The Post-Revolutionary Transformation of the Indonesian Army. Part II" // Indonesia. Vol. 12, 1971, P. 161; Crouch H. "Patrimonialism and Military Rule in Indonesia" // World Politics, vol. 31, no. 4 (1979), P. 581–582.*

- ¹² В 1977 г. на гражданские должности было делегировано 21 тыс. военнослужащих, в 1980 г. – 16 тыс., в 1992 г. – около 14 тыс. В 1973 г. из действующих или отставных офицеров рекрутировались треть министров, две трети губернаторов и половина послов; к 1995 г. их доли упали до 24 %, 40 % и 17 % соответственно. В кабинете министров, сформированном в 1993 г. (в период максимального охлаждения отношений между Сухарто и генералитетом), действующих военных практически не было. См. McFarling I. *The Dual Function of the Indonesian Armed Forces: Military Politics in Indonesia*. – Canberra: Australian Defence Studies Centre, 1996, P. 145; Loury R. *The Armed Forces of Indonesia*. – Sydney: Allen & Unwin, 1996, P. 188. Неуверенность Сухарто в лояльности элит проявилась и в составе последнего сформированного им правительства (март 1998 г.), где присутствовали его старшая дочь, ближайший бизнес-партнер и ряд фаворитов из числа управленцев.
- ¹³ Kammen D., Chandra S. *A Tour of Duty: Changing Patterns of Military Politics in Indonesia in the 1990s*. – Ithaca: Cornell Modern Indonesia Project, 1999; “The Indonesian Military in the Mid-1990s: Political Maneuvering or Structural Change?” // *Indonesia*. Vol. 63 (1997), P. 91–105.
- ¹⁴ В частности, в 1990 г. была создана Индонезийская ассоциация мусульманских ученых, призванная сформировать сеть клериков режима в исламской среде.
- ¹⁵ Aspinal E. “Students and the Military: Regime Friction and Civilian Dissent in the Late Suharto Period” // *Indonesia*. Vol. 59 (1995), P. 21–44.
- ¹⁶ С 1961 по 1999 г. полиция была интегрирована в структуру ВС.
- ¹⁷ “Current Data on the Indonesian Military Elite: January 1, 1999 – January 31, 2001” // *Indonesia*, vol. 71 (2001), P. 135–156.
- ¹⁸ Будучи одним из лидеров движения неприсоединения, Индонезия также не считала возможным решать задачи строительства и подготовки ВС с иностранной помощью.
- ¹⁹ Крупнейшая подобная программа была инициирована в 1983 г. под лозунгом «ВС приходят в деревню» (ABRI Masuk Desa), причем, она должна была продолжаться бесконечно.
- ²⁰ Список командований включал Kodam I Iskandarmuda (Аче), Kodam II Bukit Barisan (северная часть Суматры), Kodam III 17 Agustus (западная часть Суматры) Kodam IV Sriwijaya (Южная Суматра и Джамби), Kodam V Jaya (Джакарта), Kodam VI Siliwangi (Западная Ява), Kodam VII Diponegoro (Центральная Ява), Kodam VIII Brawijaya (Восточная Ява), Kodam IX Mulawarman (Восточный Калимантан), Kodam X Lambung Mangkurat (Южный Калимантан), Kodam XI Tambun Bungai (Центральный Калимантан), Kodam XII Tanjungpura (Западный Калимантан), Kodam XIII Merdeka (север и центральная часть Сулавеси), Kodam XIV Hasanuddin (юг и юго-восток Сулавеси), Kodam XV Pattimura (Молуккские о-ва и Западный Ириан), Kodam XVI Udayana (Малые Зондские о-ва), Kodam XVII Cendrawasih (Ириан Джая). В 1974 г., с упразднением одиннадцатого командования, их количество сократилось до 16.
- ²¹ К 1974 г. количество Kowilhan было сокращено до четырех.
- ²² Список командований выглядел следующим образом: Kodam I Bukit Barisan (северная часть Суматры), Kodam II Sriwijaya (южная часть Суматры), Kodam III Siliwangi (Западная Ява), Kodam IV Diponegoro (Центральная Ява), Kodam V Brawijaya (Восточная Ява), Kodam VI Tanjungpura (Калимантан), Kodam VII Wirabwana (Сулавеси), Kodam VIII Trikora (Ириан Джая и Молуккские о-ва), Kodam IX Udayana (Малые Зондские о-ва), и Kodam X Jaya (Джакарта).
- ²³ Им к тому времени стал генерал Л.Б. Мурдани, прежде возглавлявший армейскую разведку. В 1980-е гг. Мурдани был фактическим «вторым лицом» режима, выстроил разветвленную патружную сеть и установил эффективный контроль над ВС (большого ему добиться не удалось: Сухарто не сделал его вице-президентом, и карьера Мурдани закончилась по достижении возраста выхода в отставку).
- ²⁴ “Current Data on the Indonesian Military Elite: January 1, 1998 – January 31, 1999” // *Indonesia*, vol. 67 (1999), P. 196.
- ²⁵ При этом значимость ВМС и ВВС в перспективе будет увеличиваться.
- ²⁶ Anderson B. “Current Data on the Indonesian Military Elite” // *Indonesia*, vol. 40 (1985), P. 140; “Current Data on the Indonesian Military Elite: January 1, 1999 – January 31, 2001” // *Indonesia*, vol. 71 (2001), P. 136; “Current Data on the Indonesian Military Elite: September 2005 – March 2008” // *Indonesia*, vol. 85 (2008), P. 80.
- ²⁷ Помимо пелвацев, Сухарто также достаточно активно назначал на ключевые позиции христиан, составляющих конфессиональное меньшинство.
- ²⁸ Следующими по численности группами в руководстве ВС являются сунданцы и батаки, но их доля никогда не превышала 10 %.

- ²⁹ В частности, с 1966 по 1983 г. сменилось лишь три министра обороны и 11 командующих стратегическим резервом СВ.
- ³⁰ В частности, считается, что в бытность командующим Корпусом зять Сухарто Прабово Сублинто выплачивал личному составу спецназа значительные суммы за счет средств, предоставленных ему бизнес-партнерами.
- ³¹ Strengthening U.S. Relations with Indonesia: Toward a Partnership for Human Resource Development // Report of the National Commission on US-Indonesian Relations, P. 29 (<http://www.nhr.org/publications/specialreport/pdf/USICR.pdf>).
- ³² С 1965 по 1999 г. в соответствии с тогдашним названием ВС училище называлось Akademi Angkatan Bersenjata (Akabri).
- ³³ Rabasa A., Haseman J. The Military and Democracy in Indonesia. – Santa Monica: RAND, 2002, P. 55.
- ³⁴ McFetridge D.C. “SESKOAD – Training the Elite” // Indonesia. Vol. 36 (1983), P. 93–94.
- ³⁵ Австралия на протяжении последних 30 лет является важнейшим военным партнером Индонезии. Отношения с США носят более сложный характер: несмотря на длительное сотрудничество (еще до 1965 г. подготовку в США прошли более 4 тыс. индонезийских офицеров), ислам и национализм обуславливают антиамериканизм многих индонезийских военных. Антиамериканским настроениям также способствовали введенные США с 1992 по 2005 г. ограничения на ВТС с Индонезией, обусловленные систематическими нарушениями прав человека со стороны индонезийских ВС.
- ³⁶ Rabasa A., Haseman J. The Military and Democracy in Indonesia. Santa Monica: RAND, 2002, P. 61.
- ³⁷ Mietzner M. The Politics of Military Reform in Post-Suharto Indonesia: Elite Conflict, Nationalism, and Institutional Resistance. Washington: East West Center Washington, 2006. P. 51–52, 55–56; Interview – Juwono Sudarsono: The Koesmayadi case happened because the system doesn't work // Tempo Magazine No. 45/VI (July 11 – 17, 2006) (<http://www.kabar-irian.com/pipermail/kabar-indonesia/2006-July/008337.html>); Unkept Promise: Failure to End Military Business Activity in Indonesia // Human Right Watch 2010, P. 6.
- ³⁸ Меньше выделяют только Филиппины и Лаос (0,7 и 0,4 % соответственно). В абсолютных цифрах оборонный бюджет Индонезии с 2011 г. стал вторым в ЮВА после Сингапура (ранее был четвертым).
- ³⁹ В частности, в 2000–2005 гг. бюджетные средства на ремонт и техобслуживание покрывали 20,22 % нужд, см. Indonesia to revise budget for arms procurement, maintenance (http://english.peopledaily.com.cn/200512/02/eng20051202_225025.html).
- ⁴⁰ Indonesia to revise budget for arms procurement, maintenance (http://english.peopledaily.com.cn/200512/02/eng20051202_225025.html); Indonesia calls a halt to use of ageing equipment // Jane's Defence Weekly 13.02.2008.
- ⁴¹ В 1999 г. США ввели эмбарго на поставку ВВТ в Индонезию (в связи с грубыми нарушениями прав человека со стороны индонезийских военных в Восточном Тиморе), оставшееся в силе до конца 2005 г.
- ⁴² The Indonesia Defence and Security Report 2008 // Business Monitor (<http://www.businessmonitor.com/defence/indonesia.html>).
- ⁴³ Самыми громкими случаями в 1990–2000 гг. были закупки 39 боевых кораблей из состава флота бывшей ГДР в 1994 г., значительная часть которых вскоре оказалась небоеспособной, а реальная стоимость сделки оценивалась в 12 млн долл. при заплаченных 1,1 млрд; приобретение в 1996 г. при посредничестве старшей дочери Сухарто 100 единиц бронетехники, включая 20 легких танков Scorpion 90, у британской фирмы Alvis, за что Alvis, по данным Guardian, заплатила той комиссионные в размере 32 млн долл.; закупка четырех вертолетов МИ-17 у «Рособоронэкспорта» в 2002 г., приостановленная из-за того, что сингапурский посредник предоставил поддельные банковские гарантии, а 3,2 млн долл., выделенные минфином министерству обороны, исчезли (при этом сумма сделки составила 21 млн долл., тогда как индонезийские парламентарии считали, что реальная стоимость вертолетов менее 18 млн). Большой резонанс имело нарушение официального порядка закупки ВВТ при заключении в 2003 г. контракта на поставку самолетов СУ-27СК и СУ-30МК, так как сделка была осуществлена без участия министерства обороны. Sutarto Takes Aim at Defense Ministry // Laksmana.net. 05.03.2004 (<http://www.kabar-irian.com/pipermail/kabar-indonesia/2004-March/007231.html>); Sebastian L. Realpolitik Ideology: Indonesia's Use of Military Force. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2005, pp. 256–258.

Роль вооруженных сил во внутриполитической жизни Мьянмы

Алексей Кириченко

Вооруженные силы представляют собой ведущую политическую силу в Мьянме (Бирме) с 60-х гг. XX в. В настоящее время бирманская армия находится на пике своего организационного развития и является крупнейшим корпоративным игроком на внутриполитической арене. В то же время такая концентрация власти и влияния имеет и отрицательные стороны (ограничение инициативы и социальных возможностей населения, давление со стороны части международного сообщества), что вынуждает лидеров Мьянмы искать более сбалансированную и адекватную современным реалиям модель.

Политическое развитие Мьянмы в последние десятилетия

После провозглашения независимости Мьянмы от Великобритании в январе 1948 г. казалось, что у страны есть все предпосылки, чтобы стать одной из самых успешных экс-колоний. Государство обладало богатыми природными ресурсами, неплохой инфраструктурой и сравнительно развитой системой образования. Англичанами были заложены основы правовой и политической системы. Однако в реальности все оказалось иначе: амби-

ции разнородных в этническом отношении элит, их неспособность договориться друг с другом, увлечение борьбой за личную власть, а также отсутствие адекватной стратегии развития страны, стремление решать проблемы «с наскака» – все это привело к началу гражданской войны (в которой правительству противостояли коммунисты и формирования национальных меньшинств) и постепенной деградации государственной системы.

Одновременно с борьбой с повстанцами перед ВС Мьянмы встала задача отражения гоминьдановской агрессии в северных и северо-восточных районах страны¹. Все это требовало стабильного финансирования, повышения боевого и организационного потенциала ВС, но вместо этого бирманские военные оказались в положении, близком к их индонезийским коллегам – по сути, обеспечивать и кормить себя они были вынуждены сами. Положение усугубилось тем, что за 1950-е гг. Мьянма не добилась сколь-нибудь серьезных успехов в экономическом и государственном развитии. Напротив, выросший госаппарат «продал» средства, находившиеся в его распоряжении, происходила деградация административных и партийных структур, росла коррупция, а тогдашний премьер У Ну (U Nu) маневрировал, стремясь удержаться у власти, и пытался опередить то на политиков нового толка, то на настаивавших на расширении своих полномочий представителей национальных меньшинств.

В этих условиях армия осуществила переворот (март 1962 г.), и к власти пришел Революционный совет (РС) во главе с генералом Не Вином (Ne Win). В отличие от Индонезии 1965 г. или Таиланда в 1949 и 1967 гг. установление военного режима в Мьянме не диктовалось напрямую логикой политической борьбы. Ничего, что напрямую угрожало институциональным интересам армейского руководства, в марте 1962 г. не произошло, скорее, речь шла о неприятии стиля руководства и подхода У Ну².

Было прекращено действие всех основных органов власти, верховная законодательная, исполнительная и судебная власти передавались председателю РС. В сжатые сроки была создана многоуровневая сеть комитетов безопасности и управления, ставших главным административным инструментом. Совет объявил о намерении следовать социалистическому пути развития. Было объявлено о создании новой партии, Партии бирманской социалистической программы (ПБСП), вскоре ставшей единственной легальной. Также были национализированы практически все производственные и торговые предприятия, и госсектор (где теперь распоряжались военные) превратился в доминирующий сегмент экономики страны.

С начала 1970-х гг. начался процесс демилитаризации режима, главной вехой которого стало принятие Конституции 1974 г. и переход к выборной модели формирования органов власти при руководящей роли ПБСП, превращенной в массовую организацию.

Нестабильная ситуация в регионе, сотрясаемом войной в Индокитае и борьбой держав за влияние, провоцировала правительство Не Вина проводить изоляционистскую политику. Геополитически этот курс был вполне удачным, поскольку положение в стране в 1960–1970-е гг. в целом было стабильнее, чем во Вьетнаме, Камбодже или Лаосе. При этом в экономическом отношении проект «бирманского пути к социализму» оказался нежизнеспособен. Не добившись внушительного роста сельского хозяйства и промышленности социалистическими методами, с 1970-х гг. Мьянма в основном финансировала себя за счет экспорта сравнительно небольших объемов сельхозпродукции и минеральных ресурсов. При этом страна проигнорировала освоенную ее соседями (Таиланд, Малайзия) нишу экспортно-ориентированного роста и не извлекла никаких выгод из научно-технической революции, набирающей обороты глобализации и связанных с ними сдвигов в мировой экономике.

Дополнительные проблемы создавало излишнее огосударствление экономики в условиях слабого экономического роста. Регулирование цен привело к процветанию «черного» рынка, объем которого, по неофициальным оценкам Всемирного банка, к 1988 г. достигал 3 млрд долл. (40 % ВВП, или в пять раз больше официальной внешней торговли страны)³. Значительную долю контрабандной торговли контролировали повстанцы, некоторые из которых с конца 1970-х гг. также включились в производство и транспортировку наркотиков.

В 1980-е гг. к перечисленным проблемам добавились снижение экспортной выручки в связи с падением цен на мировом рынке и быстрый рост внешней задолженности⁴. Одновременно росли цены на импортируемую промышленную продукцию. В 1987 г. Мьянма была включена ООН в число наименее развитых стран мира (среди которых остается до сих пор). В то же время Не Вин попытался осуществить ряд радикальных мер по борьбе с «черным» рынком, вызвавших выступления протеста.

Правительство не смогло оценить реальный масштаб недовольства и понять, что одних репрессивных мер недостаточно. Уход в отставку Не Вина в июле 1988 г. и неудачный подбор его преемников только обострили обстановку. Выступления и забастовки охватили крупные города, оппозиция требовала ликвидации режима ПБСП, передачи власти временному правительству и проведения новых выборов.

18 сентября руководство ВС под командованием генерала Со Маунга (Saw Maung, член ЦИК ПБСП и начальник генштаба с 1985 г.) объявило о создании Государственного совета по восстановлению законности и правопорядка (ГСВЗП, State Law and Order Restoration Council). Армия жестко подавила оппозиционные выступления.

ГСВЗП объявил, что взял власть для организации и проведения многопартийных выборов, по итогам которых передаст полномочия законно избранному правительству. В стране началось формирование политических партий и движений (всего их было зарегистрировано 233). Ведущей оппозиционной силой стала Национальная лига за демократию (National League for Democracy). У руля НЛД встали бывшие генералы Аун Чжи (Aung Gyi) и Тин У (Tin U), отстраненные Не Вином в 1963 и 1976 гг., а также До Аун Сан Су Чжи (Daw Aung San Suu Kyi), дочь генерала Аун Сана, убитого в 1947 г.

В условиях краха режима ПБСП активизировалось вмешательство иностранных государств, в первую очередь США. Последние оказывали политическую и экономическую поддержку оппозиции, обещали значительную помощь в случае установления «подлинно демократического правительства». В мае 1990 г. состоялись выборы, на которых порядка 60 % голосов и 82 % мест получила НЛД. Проправительственной Партии национального единства (National Unity Party, ПНЕ) досталось всего 2 % мест. Это стало большой неожиданностью для режима⁵.

Каждая из сторон проинтерпретировала результаты выборов по-своему: так, оппозиция посчитала, что получила безусловный мандат на законодательную и исполнительную власть⁶. При этом она предпочла игнорировать заявления, делавшиеся правительством с середины 1989 г., что передача власти должна осуществляться на основе не временной, а постоянной конституции, принятой до созыва парламента. НЛД не стала учитывать, что с конца 1950-х гг. военные были наиболее влиятельной корпоративной силой в Мьянме, что госстроительство шло главным образом через строительство ВС и через обеспечение их доминирования в госаппарате, что ограничение участия военных в политике могло быть только поэтапным. Напротив, оппозиция настаивала, что передача власти должна произойти в сжатые сроки. Наиболее радикальная часть оппозиции, не увидев соответствующих шагов со стороны военного правительства, пыталась развернуть вооруженную борьбу.

Военные предложили альтернативный вариант: признание сохраняющейся ведущей политической роли ВС, создание проекта конституции, в разработке которого представителям избранных в парламент партий отводилась роль лишь одной из «общественных сил», санкционирующих подготовленный властями проект. В дальнейшем планировалась передача власти новым органам, сформированным в соответствии с конституцией. В обоснование своего права диктовать условия режим отмечал, что управляет по законам военного времени и не связан ранее действовавшими конституционными актами, а также апеллировал к армейскому видению истории Мьянмы, в котором ВС отводилась роль спасителя страны от перманентной угрозы распада⁷.

Компромисс в позициях сторон так и не был найден. Оппозиция 20 лет настаивала, что только ее представители, получившие мандат на выборах 1990 г., являются легитимной властью и бойкотировала конституционный процесс, реализовывавшийся режимом в 1993–1996 гг. и 2004–2008 гг.⁸ Власти без спешки продавливали свой сценарий демилитаризации, одновременно стараясь маргинализировать оппозицию.

Меры, принятые ГСВЗП, вскоре продемонстрировали, что к власти пришло новое поколение военных, которое, отдавая приоритет армейским методам разрешения конфликтов и управления, проводит иную политику в сфере экономики, регионального развития, отношений с национальными меньшинствами и иностранными государствами.

Экономическая политика была призвана привлечь в страну иностранный капитал, увеличить объем торговли и инвестиций и тем самым стимулировать экономический рост. Началось активное совершенствование инфраструктуры. Мир с рядом повстанческих движений и успешные боевые действия против группировок, продолжающих сопротивление, позволили режиму увеличить присутствие на территориях проживания национальных меньшинств. Это расширило возможности эксплуатации природных ресурсов, торговли, развития туризма.

Мьянма существенно улучшила отношения с соседями по региону. В период ПБСП активные контакты поддерживались только с Японией, Сингапуром и ФРГ, тогда как отношения с соседними странами были весьма конфликтными. ГСВЗП в сжатые сроки нормализовал отношения с КНР, Таиландом, укрепил связи с Сингапуром и Японией. С 1997 г. Мьянма стала членом АСЕАН. Усиление влияния Китая вынудило к более активному сотрудничеству и Индию. Также укреплялись отношения Мьянмы с РФ.

Внешнеполитические успехи в АТР контрастируют с напряженными отношениями с США и ЕС. Обвиняя руководство страны в нарушениях прав человека, узурпации власти, связях с наркомафией, США и ЕС ввели против Мьянмы ряд экономических санкций, действующих до сих пор.

Под властью ГСВЗП и сменившего его в 1997 г. Государственного совета мира и развития (ГСМР) экономика Мьянмы претерпела существенную трансформацию, ставшую особенно заметной в 2000-е гг. С помощью иностранных инвестиций Мьянме удалось значительно поднять нефтегазовую отрасль, превратившуюся (вместе с экспортом древесины) в один из крупнейших источников валютных поступлений (в настоящее время 2–4 млрд долл.). Кроме того, Мьянма начала активно использовать свое стратегическое положение и ресурсную базу как актив, представляющий интерес для ее соседей – КНР, Таиланда, Индии.

Объектами крупных капиталовложений стали гидроэнергетические проекты (электроэнергия предназначена для экспорта в Таиланд и КНР), строительство глубоководных портов в Чаупхью и Тхаве (также в интересах КНР и Таиланда), параллельного нефте- и газопровода от побережья Бенгальского залива в китайскую провинцию Юньнань для сокращения маршрута доставки энергоносителей в КНР с Ближнего Востока и транспортировки газа с месторождения Shwe (на бирманском шельфе).

Активизация бизнеса и приток капиталов обеспечил в 2000-е гг. подъем местных конгломератов (например, группы компаний Htoo, Max Myanmar, Asia World), принадлежащих деловым партнерам руководства и занимающихся торговлей, логистикой, финансовыми услугами, строительством, телекоммуникациями, заготовкой и переработкой древесины, добычей драгоценных камней, сельским хозяйством, гостиничным и туристическим бизнесом, производством удобрений, пищевых продуктов и т.д. Все это заметно улучшило сделочные позиции военных по сравнению с концом 1990-х гг., когда валютные запасы режима составляли около 200 млн долл., а крупного бизнеса как такового в Мьянме не было вообще.

Эволюция военного правительства и процесс передачи власти

Установившийся в 1988 г. режим пережил значительную эволюцию: менялись конфигурация лидерства (см. таблицу 1), командная структура ВС и структура органов власти. Исходно ГСВЗП был коллегиальным органом, состоявшим из главкома ВС, его заместителей, командующих военными районами и командиров легких пехотных дивизий, начальников бюро специальных операций (БСО) и военной разведки. «Лицо режима» генерал Со Маун не являлся безусловным лидером, более того, на первых порах определенное влияние сохранял ушедший за кулисы Не Вин. Региональные командующие до 1992 г. были практически полновластны в пределах вверенной им территории. Определенная централизация контроля и выделение своеобразной верхушки у ГСВЗП произошли лишь к середине 1990-х гг.

В апреле 1992 г. Со Маун оставил пост председателя совета по состоянию здоровья (умер в 1996 г.), и эту должность занял его заместитель генерал Тан Шве (Than Shwe), ставший также командующим ВС и начальником генштаба. К октябрю 1992 г. большинство членов ГСВЗП были освобождены от руководства войсками, вместо этого их назначили министрами. На вторую позицию поднялся генерал Маун Эй (Maung Aye), к 1994 г. ставший зампредом госсовета, командующим сухопутными войсками и начальником их штаба. При этом Тан Шве, Маун Эй, первый секретарь ГСВЗП генерал Кхин Ньун (Khin Nyunt, начальник военной разведки) и второй секретарь генерал Тин У (Tin Oo) превратились

в своеобразных лидеров совета, что позволило им при реформировании ГСВЗП в ГСМР отстранить всех прочих экс-членов ГСВЗП от власти.

Реорганизация сделала Тан Шве безусловным «№ 1», поскольку все прочие в режиме уступали ему по старшинству и выслуге, что позволяло ему свободнее тасовать кадры. Также отчасти укрепились позиции Маун Эя, так как командующие районов, из которых был сформирован ГСМР, были ближе к нему, чем к Кхин Ньюну (возглавлявшему военную разведку, на тот момент фактически автономную структуру внутри ВС). Теперь во власти были две основные группировки – Маун Эя и Кхин Ньюна, а Тан Шве играл по отношению к ним роль третейского судьи. Сферы влияния были четко разграничены: Маун Эй координировал вопросы, связанные с обороной и бизнесом, а Кхин Ньюн – внутреннюю безопасность, образование, культуру, развитие пограничных районов и здравоохранение⁹. Впрочем, с начала 2000-х гг. Кхин Ньюн, давно раздражавший выходцев с оперативных и командных должностей своей независимостью и амбициозностью, начал постепенно терять позиции.

В октябре 2004 г. Кхин Ньюн был снят с поста премьер-министра (переведен на эту должность в 2003 г.), а затем и осужден по обвинению в коррупции. Одновременно была полностью реорганизована военная разведка: большинство ее сотрудников были уволены, а сама она была интегрирована в структуру военных районов, лишившись автономии. Новым противовесом Маун Эю к тому времени стал генерал-лейтенант Тура Швей Ман, назначенный в 2001 г. на учрежденную должность начальника Комитета начальников штабов.

Также в середине 2000-х годов на ведущие позиции выдвигаются генералы Соу Вин (премьер-министр с октября 2004 г. до своей смерти в октябре 2007 г.), Тейн Сейн (первый секретарь ГСМР с октября 2004 г. по октябрь 2007 г., затем премьер-министр по февраль 2011 г.), Тихатура Тин Аун Мьин У (генерал-квартирмейстер с 2001 г. по ноябрь 2009 г., первый секретарь ГСМР с октября 2007 г. по март 2011 г.), Тин Эй (начальник управления ВВГ по август 2010 г.). Возвышение этой группы генералов представляло собой отчасти подготовку нового поколения лидеров, отчасти – инструмент распределения ответственности и создания своеобразного буфера между Тан Шве и Маун Эйем, с одной стороны, и генералами, осуществляющими оперативное руководство войсками, с другой.

Создание ГСМР сопровождалось разделением высшего руководства и министерских функций (только старший генерал Тан Шве остался министром обороны). Последние стали поручаться старшим офицерам из военных районов и пехотных дивизий (в званиях генерал-майоров, бригадных генералов и полковников), причем ротация министров и их замов (как и командующих районами, командиров дивизий и их замов) стала происходить

активнее. В связи с реформированием структуры высшего командования командующих районами в ГСМР сменили начальники БСО, курирующие действия военных районов и пехотных дивизий. Таким образом, при повышении командующие военных оперативных командований и командиры дивизий становились командующими районами. После 3–5 лет службы в должности командующего районом или командира дивизии генерал становился министром или занимал другую должность в правительстве. «Младшее звено» членов ГСМР (начальники БСО) было обновлено в 2007–2008 гг. (до этого ряд перестановок произошел в 2001–2002 гг.).

Помимо внутренней динамики режима, важными политическими событиями 2000-х годов стали:

- начавшийся в ноябре 2005 г. перенос столицы из Янгона в построенный «с нуля» г. Нейпидо (благодаря этому власти переместились в менее уязвимый для нападений извне район и получили возможность развивать инфраструктуру административного центра без необходимости параллельно решать многочисленные проблемы крупнейшего города страны);
- волнения 2007 г., ставшие самой серьезной попыткой оппозиции развернуть кампанию ненасильственного сопротивления после 1990 г. и приведшие к рассмотрению ситуации в стране СБ ООН (впрочем, для военного режима это серьезных последствий не имело);
- завершение разработки конституции, фиксирующей особую политическую роль ВС и их право на самоуправление, и ее принятие в 2008 г.;
- проведение парламентских выборов в ноябре 2010 г., позволивших к марту 2011 г. осуществить передачу власти новому правительству.

Выборы были призваны сформировать законодательные органы национального и регионального уровней и проводились на основании закона о политических партиях, принятого в 2010 г. Большинство из зарегистрированных партий (42, из них в бюллетени попало 37) представляло национальные меньшинства и претендовало на места только в региональных парламентах. В масштабе всей страны баллотировались кандидаты лишь от трех партий: проправительственной Партии солидарности и развития Союза (Union Solidarity and Development Party, ПСРС), ПНЕ и отколовшейся от НЛД Национальной демократической силы (National Democratic Force, НДС). Сама НЛД не прошла процесс перерегистрации, была официально распущена и призвала к бойкоту выборов. По итогам выборов 86 % мест в нижней палате и 88 % мест в верхней палате национального парламента достались представителям ПСРС, возглавляемой вышедшим в отставку генералом Тейн Сейном¹⁰.

Таблица 1. Эволюция лидерства в Мьянме с 1988 г. по настоящее время

	1988- 1992 гг.	1992- 1997 гг.	1998- 2004 гг.	2004- 2011 гг.	2011 г. – ближайшие годы
Формальный лидер	Со Маун	Тан Шве	Тан Шве	Тан Шве	Тейн Сейн
Реальный лидер	нет, сохраняется неформальное влияние Не Вина	нет, влияние делится между Тан Шве, Маун Эйем и Кхин Ньюном	Тан Шве	Тан Шве	неформальное влияние Тан Шве и Маун Эя
Влиятельные лидеры «второго эшелона»	все члены ГСВЗП обладают значительной самостоятельностью	самостоятельность членов ГСВЗП	Маун Эй, Кхин Ньюн	Маун Эй, Швей Ман, Тин Аун Мьин У, Тейн Сейн, Тин Эй	Швей Ман, Тин Аун Мьин У, Тин Эй как гражданские лидеры режима, Мин Аун Хлайн, Соу Вин, Хла Тхей Вин, Коу Коу, Хла Мин, Тейн Тхей как военные лидеры

Выборы и процесс передачи власти не были признаны мировым сообществом в качестве свободных, справедливых и демократичных. В то же время ключевые партнеры Мьянмы – КНР, страны АСЕАН и Россия – приветствовали их как важный шаг к демократизации страны.

Первые сессии национального и региональных парламентов, прошедшие 31 января 2011 г., обеспечили вступление в силу конституции 2008 г. В феврале были утверждены президент и вице-президенты, новый кабинет министров, главы палат парламента. С 30 марта 2011 г. был распущен ГСМР, а исполнительная власть перешла к президенту Тейн Сейну и новому правительству. Экс-лидеры ГСМР генералы Тан Шве и Маун Эй официально отошли от управления страной, естественно, сохранив значительное неформальное влияние.

Передача власти выборному правительству усложнила структуру лидерства, увеличив количество руководящих центров и создав дополнительные возможности для ротации кадров и продвижения новых по-

колений военных лидеров. Представители «второго эшелона» лидеров, выдвинувшиеся с середины 2000-х гг., оставили службу в ВС и заняли ряд руководящих политических позиций. Помимо Тейн Сейна, ставшего президентом, генерал в отставке Швей Ман занимает пост спикера нижней палаты парламента, генерал в отставке Тин Аун Мьин У – пост вице-президента, генерал-лейтенант в отставке Тин Эй – пост председателя избирательной комиссии. «Высшее звено» военных лидеров теперь представлено главкомом ВС генералом Мин Аун Хлайном (Min Aung Hlaing), замглавкома, командующим сухопутными войсками генерал-лейтенантом Соу Вином (Soc Win), начальником Комитета начальников штабов генерал-лейтенантом Хла Тхей Вином (Hla Htay Win), министром внутренних дел генерал-лейтенантом Коу Коу (Ko Ko), министром обороны генерал-майором Хла Мином (Hla Min), министром по делам пограничных районов генерал-майором Тейн Тхеом (Thein Htay).

Такая структура создает дополнительные возможности для Тан Шве и Маун Эя, чтобы в ближайшие годы играть роли неформальных лидеров и свособразных «третьих судей», а также затрудняет процесс концентрации власти у потенциального нового лидера. Коллегиальность руководства, обеспечение регулярной ротации кадров на высших должностях (процесс, наметившийся в 2000-е гг., но пока далекий от завершения), равно как и непубличный стиль лидерства будут важнейшими характеристиками управленческой модели ВС в кратко- и среднесрочной перспективе.

Вооруженные конфликты в Мьянме 1948–1962 гг.

Гражданская война в Мьянме началась с выступлений коммунистов против правительства в 1946 г. и марте 1948 г.; летом 1948-го к ним присоединились значительная часть отрядов бывших партизан и три батальона бирманских ВС. Одновременно с этим начались выступления каренских и монских националистов, которых вскоре поддержали каренские и качинские батальоны. К началу 1949 г. в распоряжении правительства оставалось порядка 2 тыс. человек регулярных войск¹¹.

Отсутствие единства среди повстанцев, воевавших как против правительства, так и друг с другом, поддержка со стороны шанских, чинских и качинских лидеров, а также военная помощь, оказанная Индией и Великобританией, позволили режиму устоять. После 1950 г. повстанческие движения уже не представляли непосредственной угрозы национальному правительству, хотя сохраняли позиции во многих районах страны.

Помимо повстанцев, ВС приходилось воевать против гоминьдановцев, основные силы которых были разгромлены только в начале 1961 г. в рамках совместной операции с Народно-освободительной армией Китая.

1962–1988 гг.

В 1960-е гг. происходит новый подъем повстанческого движения (к началу 1970-х гг. различные группы контролировали в общей сложности около трети территории страны). В значительной степени этот успех был связан с «китайским фактором». Еще в 1950-е годы Китай начал оказывать поддержку некоторым из партизанских движений (в первую очередь КПБ), постепенно увеличивая ее объем. С обострением китайско-индийских отношений в начале 1960-х г. КНР стала поощрять сепаратистские движения народов нага и мизо (действовавшие на территории Мьянмы и Индии), снабжая их оружием и организуя обучение в специальных лагерях. Поддержкой Китая также пользовались представители качинов и коканг. Наконец, с 1967 г. КПБ начала переносить свою деятельность из центра страны на северо-восток, в район границы с КНР.

В период 1968–1971 гг. отрядам КПБ удалось установить контроль над районами проживания народностей ва, коканг, восточной частью Качинской национальной области, долиной р. Швейли и т.д. При этом коммунисты координировали свои действия с Организацией независимости качинов (Kachin Independence Organization), Армией шанского государства (Shan State Army), рядом других организаций шанов, кая, каян. Активные столкновения между КПБ и ее союзниками и правительственными войсками продолжались вплоть до 1978 г.¹²

Чтобы бороться с повстанцами, армия активно использовала опыт, накопленный британскими войсками в Малайе и США во Вьетнаме. Путем переселения мирных жителей в специально созданные населенные пункты, охранявшиеся армией и сообщавшиеся между собой при ее участии, предполагалось отсечь повстанцев от продовольствия, материальных средств, информации и людских ресурсов. Особенно активно данная тактика применялась (и применяется до сих пор) на территориях, населенных национальными меньшинствами.

Правительство также вело с повстанцами переговоры о прекращении огня (наиболее важные – в 1963 и 1981 гг.). Эта политика ощутимых результатов не принесла. Переговорный процесс тормозил отказ правительства признать оппозицию в качестве легальных партий, сохранить «освобожденные районы» и вооруженные формирования повстанцев без чего последние не соглашались прекращать боевые действия.

1988 г. – настоящее время

В 1989 г. фактически прекращает существование КПБ, где произошел раскол между бирманским руководством и основной массой рядовых членов, представленных национальными меньшинствами. Отколовши-

еся фракции КПБ быстро заключили перемирие с правительством. За ними последовали многие другие повстанческие движения.

Основой для этого стал пересмотр подхода режима к пограничным районам: ГСВЗП признал за этническими элитами право контролировать экономику и ситуацию на местах в обмен на лояльность и финансовые отчисления. В этих рамках были начаты переговоры с повстанцами, за 10 лет позволившие заключить соглашения о прекращении огня с почти 30 группировками¹³. В отличие от предшествующего периода за оппозицией признавалось право формирования партий, сохранения вооруженных формирований, создания экономических предприятий, обслуживающих их интересы. Контролируемые ими зоны получали статус «специальных районов». Все эти уступки действовали до принятия конституции, а окончательное урегулирование статуса повстанческих движений откладывалось до передачи власти избранному правительству.

Против тех движений, переговоры с которыми не увенчались успехом, были развернуты активные боевые действия. В 1992–1996 гг. ВС нанесли ряд ощутимых поражений войскам Каренского национального союза (Karen National Union), одной из старейших и влиятельнейших повстанческих группировок. В 2000-е гг., помимо КНС, ВС действовали в основном против отрядов Южной армии шанского государства (Shan State Army – South).

Укрепление экономических позиций центральной власти в последние годы вкупе с масштабной реорганизацией и усилением ВС заметно изменили баланс в отношениях правительства и повстанческих группировок. В последние годы ГСМР наращивал давление на повстанцев, настаивая на преобразовании их вооруженных формирований в отряды пограничной обороны под командованием кадровых бирманских офицеров. Несмотря на неприятие такой позиции повстанцами, норма, что ВС Мьянмы являются единственной вооруженной силой страны, была зафиксирована в конституции 2008 г., а с 2009 г. правительство предъявило большинству группировок ультиматум, потребовав принять условия реорганизации.

Все это привело к операции правительственных войск против формирований народности коканг в 2009 г. и значительному осложнению отношений с группировками качинов и ва (наиболее многочисленными и боеспособными среди современных повстанцев). Впрочем, неготовность правительства к компромиссам с нацменами, вероятность обострения межэтнической конфронтации в ближайшем будущем не создаст серьезной угрозы стабильности режима или его основным источникам дохода. При определенном раскладе существование повстанцев и конфронтация могут быть даже выгодны правительству как инструмент давления

на Китай (или защиты от китайского давления), так как КНР будет стремиться обезопасить созданные с ее участием объекты инфраструктуры.

Развитие ВС

Современные ВС Мьянмы сложились в условиях японской оккупации (1942–1945 гг.) и последующей борьбы за независимость. Межэтнический конфликт, обострившийся при становлении Мьянмы как независимого государства, привел к отказу от набора представителей национальных меньшинств в ВС, и с конца 1940-х они комплекуются в основном из бирманцев.

В период парламентской демократии ВС оказались единственным национальным институтом, где существовала относительно четкая организация и выполнялись приказы. Развитие ВС контрастирует с упадком, который к началу 1960-х гг. переживают чиновничий аппарат и партийные структуры, страдавшие от фракционности и коррупции. С 1950-х гг. осуществлялась систематическая реорганизация ВС. Участие гражданских чиновников в делах армии было резко ограничено, разорван контракт с британскими военными советниками, созданы сеть образовательных и подготовительных учреждений, дирекции психологической войны и контрразведки. Также происходит быстрое увеличение численности ВС, создаются артиллерийские, инженерные подразделения. Территория страны была поделена на военные районы. Меняется оргструктура: если на начало 1950-х годов крупнейшей боевой единицей были батальоны, то в ходе действий против гоминьдановских войск было начато создание бригад.

Армейское строительство в период РС/ПБСП касалось в основном наращивания численности ВС, формирования новых тактико-оперативных и административных структур. На базе бригад были сформированы пехотные дивизии, находившиеся в прямом подчинении главкома и игравшие роль основных наступательных сил, действовавших против повстанцев. Доля военных расходов в бюджете в период ПБСП составляла порядка 30 %, причем основная их часть шла на содержание личного состава ВС, закупки военной техники и вооружения производились в очень ограниченном объеме¹⁴. За 40 лет войны армия приобрела значительный опыт операций в джунглях и горной местности.

В период правления ГСВЗП/ГСМР была осуществлена масштабная военная реформа. В 1989 г. были созданы отдельные должности главкомов и начальников штабов сухопутных войск, ВВС и ВМС. Командиры дивизий носят звание бригадных генералов. Уровнем выше стоят командующие районами в звании генерал-майоров. Над командующими районами стоят начальники 6 армейских групп или БСО, как правило, имеющие звание генерал-лейтенанта.

До 1988 г. ВС были приспособлены главным образом для ведения антиповстанческих действий, а их возможности в отражении внешней агрессии были весьма ограничены. Благодаря резкому увеличению численности ВС (со 180 до 400–500 тыс.), закупкам ВВТ, приглашению иностранных инструкторов и подготовке собственных кадров за рубежом мьянманская армия превратилась в одну из крупнейших в Юго-Восточной Азии. Сейчас она оснащена и экипирована лучше, чем когда-либо в своей истории. Укрупнение и усложнение структуры военного командования, а также совершенствование логистики, средств связи и электронной разведки позволяют ВС осуществлять скоординированные действия в масштабе страны и ее отдельных регионов, а не только локальные операции. Увеличились возможности ВВС и ВМС, которые теперь способны взаимодействовать с сухопутными войсками.

В то же время быстрое расширение численности снизило уровень подготовки отдельных подразделений, а активное привлечение армии к задачам гражданского строительства сделало многих офицеров более компетентными в развитии инфраструктуры, чем в ведении боевых действий. ВВС и ВМС по-прежнему значительно уступают по потенциалу сухопутным войскам: ВМС, по сути, способны лишь патрулировать побережье, а ВВС в состоянии применять силу лишь на небольшом удалении от аэродромов базирования. Кроме того, в последние годы участились случаи дезертирства среди рядового и офицерского состава¹⁵. Несмотря на достигнутые результаты, ВС потребуется еще длительное время, чтобы довести до современного уровня подготовку ЛС, инфраструктуру и оснащение армии¹⁶.

Доля военных расходов в бюджете остается примерно на том же уровне, что и в период ГБСП¹⁷. Впрочем, адекватных данных об этих расходах нет в связи с низкой достоверностью официальной статистики и особенностями валютной политики (официальный курс кьята радикально отличается от фактического, тем не менее все государственные расчеты осуществляются по официальному курсу). Валютные поступления последних лет позволили ВС произвести ряд крупных закупок ВВТ, финансировать развитие военного и военно-технического образования, направлять офицеров на обучение за рубеж (главным образом, в КНР и РФ). Высокая доля военных расходов сохранится и в перспективе, так как, помимо бюджетных средств (1,49 млрд долл., или 20 % бюджета в 2011 г.), отдельный закон оговаривает создание специального фонда, который главком ВС может использовать для поддержания государственного суверенитета и предотвращения распада Союза, информируя президента лишь о затраченных суммах, но не о назначении расходов. Помимо этих источников финансирования, ВС также опираются на доходы от деятельности под-

контрольных им предприятий, спонсорскую помощь бирманского бизнеса и самообеспечение частей ВС (см. таблицу 2).

Таблица 2. Источники финансирования военных расходов Мьянмы в 1988–2011 гг.

Источники	Примерная сфера применения
Официальный военный бюджет	Содержание ЛС, операционные расходы, закупки ВВТ за рубежом
Специальный фонд средств, находящихся в распоряжении главкома ВС	Закупки ВВТ за рубежом
Деятельность предприятий, контролируемых ВС	Содержание ЛС, операционные, прочие расходы
Самофинансирование отдельных частей	Содержание ЛС, прочие расходы
Спонсорская помощь представителей бизнеса	Различные нужды и проекты ВС, эпизодически – закупки ВВТ за рубежом

Роль ВС в политической жизни

С первых дней независимости бирманские военные были важнейшей политической силой. Особое положение было следствием действующего характера ВС – того, что только военные могли обеспечить сохранение режима.

В период 1962–1988 гг. действующие или бывшие военнослужащие занимали все ключевые должности в административном аппарате, дипкорпусе и на производстве, поскольку только так можно было гарантировать четкое проведение политики РС. В правительстве РС все члены (за исключением министра иностранных дел) были военными. Комитеты безопасности и управления состояли из командиров местных военных частей, офицеров полиции и гражданских чиновников, председателями комитетов обычно являлись военнослужащие.

Все политические партии за исключением ГБСП, а также профсоюзы, крестьянские и другие массовые организации были распущены (воссозданы в 1980-е гг. на новой основе). В ГБСП длительное время преобладали военнослужащие и члены рабочих организаций, лишь к началу 1980-х гг. большинство в партии составили крестьяне. При этом в ЦК партии влияние армии оставалось доминирующим: в 1981 г. среди членов ЦК 70 % были действующими или вышедшими в отставку военными. В то же время доля действующих военнослужащих заметно упала (75,5 % – в 1972 г., 22 % – в 1981 г.).¹⁸ В 1980-е гг. высшее армейское ру-

ководство находилось на вторых ролях и заметно уступало по влиянию генералу Не Вину и его приближенным.

Период ГСВЗП и ГСМР стал временем закрепления действующего генералитета на ведущих позициях и значительного расширения полномочий военных. Вслед за созданием ГСВЗП на каждом из административных уровней были созданы местные советы восстановления законности и правопорядка (впоследствии переименованы в советы мира и развития), состоявшие обычно из военных, но действовавшие независимо от армейской субординации. Госаппарат и ВС были изолированы от политических организаций: военным на службе и гражданским служащим запретили состоять в партиях.

Фактически режим взял в качестве ориентира индонезийскую или тайскую модель времен холодной войны: легитимация через экономическое развитие плюс «контролируемая» демократия, обеспечивающая армии ведущую роль в политической жизни страны. В современной бирманской армии существует убеждение в том, что именно она сыграла главную роль в достижении страной независимости в 1948 г. и сохранении Мьянмы как единого государства в последующий период. В силу жертв, принесенных армией ради будущего страны, она обладает правом на ведущее место в ее жизни. Этот тезис постоянно подчеркивается официальной пропагандой, обосновывается в работах по истории, распространяется на занятиях по идеологической подготовке. Независимо от достоверности он, безусловно, принимается на веру представителями офицерства, что придется учитывать гражданским политикам, если они в обозримом будущем станут в Мьянме самостоятельной силой.

Особый статус ВС в государственном устройстве четко фиксируется в конституции 2008 г. 25 % делегатов в парламентах национального и региональных уровней составляют военные, назначенные главкомом ВС. Все вооруженные формирования (включая формирования национальных меньшинств) должны находиться под командованием ВС; ВС неподконтрольны гражданским властям; за ними резервируются должности министров обороны, внутренних дел и дел пограничных районов; долг армии – обеспечивать сохранение Союза, национальной солидарности и суверенитета, а также гарантировать действие конституции; армия имеет право брать на себя разрешение кризисных ситуаций в стране¹⁹.

Следует также отметить, что, несмотря на наличие определенной конкуренции между представителями генералитета, военное руководство Мьянмы отличается сплоченностью в восприятии внешних сил (в первую очередь стран Запада, в меньшей степени влиятельных соседей Мьянмы) как угрозы для страны, неприятию оппозиции и движений национальных меньшинств как легитимных участников политического

процесса. Ведя позиционную борьбу за влияние друг с другом, бирманские генералы тем не менее не станут «сдавать» своих лидеров вследствие международного нажима или исходя из конъюнктурных интересов. Неформальный стиль лидерства, характерный для генерала Тан Шве, и определенная децентрализация полномочий среди армейской верхушки, отсутствие харизматичных руководителей после генерала Не Вина – все это придает устойчивость ВС как политической силе, делает их более приспособленными к защите своих корпоративных интересов.

Эволюция военного режима в 2000-е гг. и переход к гражданской форме правления (что сопровождалось усилением ротации кадров и расширением круга руководящих позиций), появление крупного бизнеса, связанного с военными лишь неформально, – все это позволяет прогнозировать усложнение структур власти в стране и постепенное увеличение политического пространства, некоонтролируемого ВС. Однако Мьянме еще только предстоит пройти путь, по которому развивались индонезийские ВС в 1960–1990-е гг., причем отсутствие в современной Мьянме одного перспективного лидера на десятилетия («своего» Сухарто) делает невозможным сценарий, при котором политическое влияние ВС будет постепенно ослабляться в интересах сохранения власти руководителя государства. С учетом того, что с 1960-х и особенно после 1980-х гг. ВС, по сути, были единственной реальной силой в политической системе, движение Мьянмы к демилитаризации может быть только очень постепенным.

Позиции ВС в экономической сфере

Фактическое банкротство режима в конце 1940-х гг., его неспособность обеспечить базовые потребности армии в технике, боеприпасах и т.д., стремление иностранных государств, оказывавших поддержку правительству, диктовать свои условия убедили армейское руководство в необходимости опоры на собственные силы. В целях самообеспечения армии был создан Институт вооруженных сил (Defence Services' Institute). При нем был образован ряд предприятий, призванных производить дешевые потребительские товары для военнослужащих. К 1958 г. институт превратился в крупнейшее предприятие страны, обладавшее выгодными налоговыми льготами и освобождениями от уплаты таможенных пошлин. В структуру DSI входили 35 компаний и пять холдингов. Сферами их активности стали банковское дело, строительство, гостиничный бизнес, международные перевозки, транспорт, торговля, поставки угля и издательское дело. В 1960 г. DSI был преобразован в Корпорацию экономического развития Бирмы, оставшуюся под неформальным контролем армии. Корпорация активно сотрудничала с иностранным капиталом и устанавливала контроль над наиболее прибыльными пред-

приятиями госсектора²⁰. Таким образом, к началу 1960-х гг. ВС были одним из крупнейших экономических игроков в Мьянме.

В 1963–1964 гг. РС провел национализацию частных предприятий, внешней и внутренней торговли, ввел государственную монополию на торговлю важнейшими сельхозпродуктами. Деятельность иностранного капитала была запрещена. Тем самым управление большинством экономических учреждений страны находилось в руках военных. В то же время непосредственные занятия бизнесом ВС были запрещены, а их активы – раздроблены. Фактическая экономическая деятельность ВС как института ограничивалась сельхозпроизводством на уровне частей и подразделений для удовлетворения текущих нужд личного состава.

После 1988 г. происходит резкое усиление вовлеченности ВС в бизнес. Армейское командование контролирует важнейшие сферы экономической активности путем определения экономической политики, через сеть госпредприятий, регулирующих органов и за счет неформальных связей с представителями делового сообщества. ВС контролируют два крупных холдинга – Union of Myanmar Economic Holdings и Myanmar Economic Corporation. Через аффилиацию с этими предприятиями внешнеэкономическую деятельность ведут многие другие местные компании. Помимо минобороны, конгломераты создавались при некоторых министерствах.

Существенная выгода извлекается военными из разрешительной деятельности, что обуславливается контролируемым характером бирманского рынка. Среди регулирующих органов важнейшими можно назвать Комиссию Мьянмы по инвестициям (Myanmar Investment Commission), утверждающую инвестиции в экономику страны, и Совет по торговой политике (Trade Policy Council), до апреля 2011 г. лицензировавший экспортно-импортные операции и распределявший квоты (например, на ввоз автомобилей). Партнерские отношения с действующими или бывшими руководителями армии и госаппарата служат инструментом вхождения на бирманский рынок для представителей иностранного капитала. В последние годы все большую роль начинают играть бизнес-партнеры военного руководства, создавшие разветвленные холдинговые компании, вовлеченные в самые разные сферы экономики. Именно эти холдинги пользуются приоритетом при наделении правом развивать перспективные направления бизнеса и выполнять госконтракты.

ВС как ведущая социальная сила

При штатной численности личного состава ВС Мьянмы порядка 500 тыс. человек, что составляет около 1 % населения страны, военные являются не просто крупнейшим корпоративным игроком. Вместе с ближайшими родственниками, персоналом подконтрольных ВС компа-

ний и предприятий, деятельность которых построена на сотрудничестве с ВС, ветеранами ВС, вооруженные силы представляют собой огромную перераспределительную систему, охватывающую не менее 10 % населения. Эта организация, по сути, играет скрепляющую роль в экономике страны и является основным каналом вертикальной мобильности. В то же время ее руководство замыкает на себя многие наиболее доходные виды деятельности и тем самым ограничивает доступ к ним представителей других сегментов. Незрелость экономики и низкий уровень официальных зарплат создают ситуацию, когда причастность к власти становится важнейшим инструментом извлечения дохода.

Помимо власти, влияния и экономических активов, ВС поддерживают разветвленную систему высшего образования, позволяющую готовить военнотружущих не только по военным, но и по широкому кругу гражданских специальностей (главным образом – прикладных). Ведущими военными учебными заведениями, по окончании которых присваивается звание лейтенанта, являются:

- Училище вооруженных сил (Defence Service Academy), расположенное в Пьин-у-лвине;
- Школа подготовки офицерского состава сухопутных войск (Defence Services (Army) Officers' Training School), расквартированная в Батху;
- Медицинский институт ВС (Defence Services Medical Academy);
- Технологический институт ВС (Defence Services Institute of Technology).

Училище вооруженных сил является ключевым инструментом рекрутирования военных элит, за 50 с лишним лет существования его окончили примерно 20 тыс. человек. Обучение сочетает широкий спектр гражданских и военных дисциплин, особое значение придается индоктринации курсантов в духе официальной идеологии, отводящей ВС ведущую роль в истории и развитии современной Мьянмы.

Дальнейшая подготовка офицеров осуществляется на Армейских курсах боевой подготовки (Defence Services (Army) Combat Forces School, обучаются офицеры в звании от лейтенанта до майора), в Армейском командно-штабном колледже (Command and General Staff College, годовой курс для майоров и подполковников, окончание является одним из условий присвоения звания полковника) и Национальном военном колледже (National Defence College, годовой курс для полковников, охватывающий такие вопросы, как политическое устройство государства, национальные интересы, использование национальных ресурсов, стратегия народной войны и разработка национальной стратегии; окончание является одним из условий присвоения звания бригадного генерала и выше).

Большинство представителей руководства мьянманских ВС двух последних десятилетий являются выходцами из непривилегированных слоев общества, родившимися в Верхней Мьянме, весь жизненный опыт которых тесно связан с ВС. Как правило, они не проходили обучения за рубежом. Среди младших офицеров также преобладают те, чьи родители не принадлежат к элитам, хотя родственники генералов и некоторых других высокопоставленных лиц составляют значимую категорию в офицерском корпусе. Многие нынешние представители младшего офицерства имеют более широкий кругозор, нежели предыдущие поколения, однако ограниченность социального опыта, связанного с происхождением и относительной закрытостью страны, свойственна и им.

Заключение

По сравнению со своими соседями по Юго-Восточной Азии (Таиланд, Индонезия) ВС Мьянмы находятся на более раннем этапе развития и потому сохраняют гораздо более высокую степень политического влияния. В то же время в структуре бирманского государства они являются более системной силой, а их присутствие во власти в меньшей степени связано с карьерой какого-то одного лидера. Соответственно, в обозримом будущем руководство ВС будет оставаться ведущим центром принятия решений в политической и экономической сфере.

В то же время высокая степень контроля, неготовность к компромиссам с оппозицией, значительный разрыв в уровне жизни и социальных возможностях между представителями элит и основной массой населения – все это повышает риски давления и вмешательства во внутренние дела Мьянмы со стороны международного сообщества. Соответственно, стратегически ВС страны заинтересованы в выработке более сбалансированной модели развития, шагом к чему и стала осуществленная в 2010–2011 гг. демилитаризация режима.

¹ После создания в 1949 г. КНР часть гоминьдановских формирований отступила на территорию Мьянмы и развернула после отгуда действия против КНР. Не добившись успеха в Китае, гоминьдановцы создали ряд опорных баз на границе Мьянмы с Таиландом и Лаосом, на длительное время став одним из ведущих участников контрабандной торговли и наркобизнеса в регионе золотого треугольника.

² По официальной версии переполюс позволил предотвратить распад Союза, так как лидеры народностей шанов и кая якобы собирались воспользоваться конституционным правом выхода из него.

³ *Лисоняков Н. А.* Особенности внешней политики Мьянмы (Бирмы): История и геополитика. – М.: Научная книга, 1998, С. 137; *Smith M.* Burmese Politics after 1988: an Era of New and Uncertain Change // *Burma: Political Economy under Military Rule.* – London: C. Hurst, 2000, P. 16.

- ⁴ С конца 1970-х годов страна была вынуждена привлекать ипотрашнюю помощь и кредиты, использовавшиеся весьма неэффективно, при этом выплаты по процентам ложились на бюджет тяжелым бременем.
- ⁵ *Taylor R. Stifling Change: the Army Remains in Command // Burma: Political Economy under Military Rule.* – London: C. Hurst, 2000, P. 10.
- ⁶ Декларация, принятая парламентариями от оппозиции 29 июля 1990 г. в Ганди-холле в Янгоне // http://www.ibiblio.org/obl/docs/Gandhi_Hall_Declaration.htm.
- ⁷ Декларация ГСВЗП № 1/90, опубликованная 27 июля 1990 г. (http://www.ibiblio.org/obl/docs/Declaration_1-90.htm). Анализ противостояния властей и оппозиции в контексте выборов также см. в *David Steinberg. Turmoil in Burma: Contested Legitimacies in Myanmar // Norwalk: Eastbridge, 2006, P. 184–189.*
- ⁸ Для выработки основополагающих принципов конституции в 1993 г. было создано Национальное собрание, куда вошли назначенные ГСВЗП делегаты от различных социальных групп и представители повстанческих движений, заключивших соглашения о прекращении огня. Также допускалось участие представителей партий, добившихся успеха на выборах 1990 г. НЛД участвовала в работе собрания, но с декабря 1995 г. объявила о бойкоте. В 1996 г. работа Национального собрания была прервана, НЛД призвала к международному бойкоту Мьянмы, а ГСВЗП пытался склонить оппозицию к компромиссу. В мае 2004 г. заседания НС возобновились (по-прежнему без участия НЛД), и к 3 сентября 2007 г. собрание завершило свою работу, одобрив структуру и основные положения будущей конституции. Затем, в результате работы Комиссии по составлению конституции, был утвержден проект основного закона (февраль 2008 г.), впоследствии принятый на референдуме (май 2008 г.).
- ⁹ *Kyau Yin Hlaing Power and Factional Struggles in Post-independence Burmese Governments // Journal of Southeast Asian Studies, vol. 39, no. 1 (2008), P. 149–177.*
- ¹⁰ Всего в национальном парламенте оказались представители депутаты от 16 партий (еще 6 провели своих кандидатов в законодательные органы регионального уровня). См. *International Crisis Group. Myanmar's Post Election Landscape. Update Briefing no. 118, 7 March 2011* (http://www.crisisgroup.org/-/media/Files/asia/south-east-asia/burma-myanmar/B118_Myanmars_Post-Election_Landscape.ashx).
- ¹¹ *Callahan M. Building an Army: The Early Years of the Tatmadaw // Burma Debate vol. 4, no. 3 (1997).* (<http://www.burmadebate.org/archives/julaug97btm.html>).
- ¹² *Лустонадов Н.А. Особенности внешней политики Мьянмы (Бирмы): История и геополитика.* – М.: Научная книга, 1998, С. 85–86; *Yan Nyein Aye Endeavours of the Myanmar Armed Forces Government for National Reconciliation – Yangon, 2000, P. 8–9; Conflict List 1946–2004 // Centre for the Study of Civil War* (<http://www.prio.no/cwp/armedconflict/>).
- ¹³ *Smith M. Burmese Politics after 1988: an Era of New and Uncertain Change // Burma: Political Economy under Military Rule.* – London: C. Hurst, 2000, P. 34; *Yan Nyein Aye Endeavours of the Myanmar Armed Forces Government for National Reconciliation.* – Yangon, 2000.
- ¹⁴ Бирма: Справочник. – М.: Наука, 1982, С. 214–216; *Selth A. The Burmese Army // Jane's Intelligence Review, Vol. 7, no. 11 (November 1, 1995); Bo Gyaw Nyein Understanding Burma's Generals // http://www.mizzima.com/mizzima/Solidarity/2006/January/26-Jan-06-02.htm.*
- ¹⁵ *Maung Aung Myoe Building the Tatmadaw: Myanmar Armed Forces since 1948.* – Singapore: ISEAS, 2009, P. 201.
- ¹⁶ *Selth A. The Burmese Army // Jane's Intelligence Review, vol. 7, no. 11 (November 1, 1995); Ashton W. Burma's Armed Forces: – Preparing for the 21st Century // Jane's Intelligence Review, vol. 10, no. 11 (November 1, 1998); Ball D. Signal Strengths Form a Vital Part of Burma's Military Muscle // Jane's Intelligence Review, vol. 10, no. 3 (March 1, 1998); Aung Zaw A Growing Tatmadaw // The Irrawaddy (2006) www.irrawaddy.org/viewer.asp?a=5537&cz=102.*
- ¹⁷ *Maung Maung Aung Myoe Building the Tatmadaw: Myanmar Armed Forces since 1948 // Singapore: ISEAS, 2009, P. 171–172.*
- ¹⁸ *Taylor R. The State in Burma.* – London: C. Hurst, 1987, P. 316–320.
- ¹⁹ *Constitution of the Republic of the Union of Myanmar (2008).* Yangon: Ministry of Information, 2009.
- ²⁰ *Гаврилов Ю.Н. Борьба за независимость и прогрессивные преобразования в Бирме.* – М.: Мысль, 1970, С. 80–81; *Taylor R. The State in Burma.* – London: C. Hurst, 1987, P. 257; *Steinberg D. Burma/Myanmar: The Role of the Military in the Economy // Burma Economic Watch, Issue 1 (2005), P. 55–56.*

Вооруженные силы Пакистана: создание, современное состояние, функции

Петр Топычканов

Любое исследование вооруженных сил (ВС) Пакистана традиционно начинается с признания их особой роли в общественно-политической жизни страны. Лаконичное описание роли армии дал в автобиографии бывший президент Первез Мушарраф, который большую часть своей жизни был военнослужащим. По его словам, «пакистанская армия всегда пользовалась высоким уважением как единственно действующий стабилизирующий фактор в стране»¹. Иллюстрацией этих слов служит история Пакистана. За 61 год его существования военные приходили к власти четыре раза – Мухаммад Айюб Хан в 1958 г., Агха Мухаммад Яхья Хан в 1969 г., Мухаммад Зия уль-Хак в 1977 г. и Первез Мушарраф в 1999 г. (во время прихода к власти все они были генералами, начальниками штаба сухопутных войск). Эти генералы были выдвиженцами тех руководителей, которых они затем и сменили – соответственно президента Мухаммада Айюб Хана, премьер-министров Зульфикара Али Хана Бхутто (1928–1979 гг.) и Наваза Шарифа (род. в 1949 г.). Таким образом, каждый военный режим был «создан» предшествующим гражданским руководством страны.

Совокупный срок нахождения у власти в Пакистане действующих военнотружущих составляет около трети всей истории страны. В течение других двух третей пакистанской истории военные также не оставались в тени казарм. В это время они выполняли широкий круг задач, связанных с обороной, безопасностью и социально-экономическим развитием страны. Военные, во-первых, произвольно готовились к периодам, когда на них возлагалась надежда на выведение страны из очередного кризиса, и, во-вторых, укрепляли среди населения авторитет ВС как наиболее эффективного общественно-политического и экономического института.

Что же такое ВС Пакистана на самом деле? Так ли многофункционален и эффективен этот институт? Чем обусловлено особое положение военных в социально-политической системе страны? Эти и смежные с ними вопросы, анализируемые в ряде работ², рассматриваются и в данной статье с той лишь поправкой, что военная и политическая истории Пакистана, по возможности, будут оставлены за рамками статьи. Основное внимание будет уделено особенностям развития ВС как общественно-политического института.

Деколонизация Южной Азии и создание вооруженных сил Пакистана

В августе 1947 г. на территории британской колонии в Южной Азии возникли независимые государства Индия и Пакистан. На создание Пакистана была направлена деятельность партии Мусульманской лиги во главе с Мухаммадом Али Джинной (1876–1948 гг.). При деколонизации Южной Азии главной задачей был адекватный раздел между двумя странами территорий, государственного аппарата, включавшего вооруженные силы, имущества и финансов.

Накануне провозглашения независимости в колониальных сухопутных и военно-воздушных силах проходили службу около 420 тыс. человек³. После предоставления независимости Индии и Пакистану бывшие колониальные власти предполагали сократить численность национальных армий в два раза. Эти планы не были реализованы.

Раздел колониальных ВС имел противников среди военных. Одним из них был бригадный генерал Кодандера Мадаппа Карийяппа (1899–1993 гг.), первый среди индийцев получивший это звание. Он предлагал сохранить единые ВС для двух стран. Ввиду неравномерного распределения военных объектов на территории бывшей колонии предлагалось совместное использование образовательных центров. Оба предложения не были поддержаны ни в Индии, ни в Пакистане. Так, Мухаммад Айюб Хан (1907–1974 гг.), командовавший тогда бригадой в Вазиристане (территория на северо-западе Пакистана), высту-

пил за то, что Индия и Пакистан должны иметь отдельные армии и образовательные центры, т.к. «суверенные государства не могут иметь общие ключевые инструменты власти»⁴.

Важной проблемой было определение сроков раздела ВС – до или после независимости. Руководство Мусульманской Лиги (МЛ) считало, что независимость должна быть предоставлена Пакистану, уже обладающему собственными ВС, потому что, во-первых, по их мнению, существование страны будет зависеть от наличия боеспособной армии, особенно в первые годы и, во-вторых, после получения независимости Пакистану будет сложно получить причитающуюся ему часть ВС, расположенную на территории Индии⁵. Это требование МЛ не было удовлетворено из-за позиции Великобритании, которая до лета 1947 г. официально не признавала возможность раздела колонии.

Только 2 июля 1947 г. были определены условия раздела ВС, согласно которым военные части должны были перейти к новым странам по религиозно-территориальному принципу: к Пакистану – «мусульманские» части, к Индии – «немусульманские». Фактическое же распределение военных частей произошло после официального объявления независимости Пакистана (14 августа) и Индии (15 августа). Опасения руководства МЛ оправдались. Из 160 т военного имущества, определенного для Пакистана, было доставлено чуть более 23 т (14 %) ⁶. Были случаи прибытия в Пакистан военных эшелонов с камнями или испорченной техникой⁷. Эти поставки прекратились во время индийско-пакистанской войны в Кашмире в 1947–1948 гг.

Особенностью колониальных ВС было отсутствие частей, полностью укомплектованных мусульманами. Поэтому пакистанским военным пришлось создавать новые части из групп, представляющих различные районы Индии и рода войск. Эти группы часто прибывали без оружия. Иногда военнослужащие-мусульмане прокладывали себе дорогу в Пакистан с боем⁸. Часть военнослужащих обеспечивали безопасность лагерей и колонн переселенцев из Индии⁹ (всего из Индии в Пакистан переселилось около семи миллионов человек¹⁰).

Большую роль для развития страны сыграло перемещение военных частей внутри Пакистана. По решению политического руководства страны к концу 1947 г. был завершён вывод войск из зоны пуштунских племен, граничащей с Афганистаном, что подорвало борьбу племен за образование Пуштунистана, которую поддерживал не только Афганистан, но и СССР. Получив значительную самостоятельность в рамках административного района Территории племен федерального управления, основные племена согласились присоединиться к Пакистану¹¹. Однако, по словам Джона Негропонте, директора национальной разведки

США в 2005–2007 гг., вывод военных частей создал условия для будущего превращения зоны племен в «убежище «Талибана» и «Аль-Каиды»¹².

В целом из колониальных ВС в ВС Пакистана перешли около 150 тыс. человек¹³, то есть 35 % (всего в колониальных сухопутных войсках служило 30 % мусульман, во флоте – 40 % и в военно-воздушных силах – 20 %). За исключением четырех человек все офицеры-мусульмане перешли в ВС Пакистана, в которых тем не менее остро ощущалась нехватка офицеров, т.к. в колониальной армии мусульмане составляли только 24 % от офицерского состава, тогда как индусы составляли 56 %¹⁴. Поэтому до начала 1950-х гг. в ВС Пакистана продолжали служить более 500 британских офицеров¹⁵.

Отличие задач ВС Пакистана от задач колониальных ВС в сочетании с кадровыми проблемами заставило командование провести в первые же месяцы реорганизацию ВС. В Западном Пакистане были образованы четыре механизированные дивизии: 7-я (Равалпинди, Панджаб), 8-я (Карачи/Кветта, Синд-Белуджистан), 9-я (Северо-Западная пограничная провинция – современная провинция Хайбер-Пахтунхва), 10-я (Лахор, Панджаб). В Рисалпуре (Хайбер-Пахтунхва) была сформирована 3-я бронетанковая дивизия. В Восточном Пакистане была создана только одна механизированная дивизия – 14-я – в Дакке.

Таким образом, решение проблем военно-технического обеспечения и комплектования ВС стало важнейшей задачей, которую должно было решить военное командование Пакистана во главе с генералом Фрэнком Мессерви (командующий сухопутными войсками Пакистана в 1947–1948 гг.) и его преемниками.

Особенности формирования вооруженных сил Пакистана

В первые годы независимости проблема кадров решалась двумя путями. Во-первых, в Пакистан продолжали возвращаться военнослужащие из бывших колониальных частей. Во-вторых, были активизированы вербовка и обучение личного состава.

Ко времени получения независимости в Западном Пакистане имелись шесть учебных заведений сухопутных войск (СВ), расположенных в Кветте (Белуджистан), Карачи (Синд), Какуле (Хайбер-Пахтунхва), Чаклале и Лахоре (Панджаб). В первые годы независимости к ним прибавились Центр подготовки инженеров в Сиалкоте (Панджаб), преобразованный в 1957 г. в Военный инженерный колледж (сейчас расположен в Рисалпуре), Школа связистов в Равалпинди, преобразованная в 1977 г. в Военный колледж связистов, Школа инженеров-электромехаников в Кветте, преобразованная в 1969 г. в одноименный колледж. В 1948 г. в Какуле была создана Военная академия Пакистана, в которую были

приняты 207 кадетов, из которых 61 человек был переведен из Индийской военной академии в Дехрадуне (основана в 1922 г.), главного военного высшего учебного заведения Британской Индии¹⁶.

Сейчас основу подготовки офицеров СВ составляют военные училища, выпускники которых получают первичное офицерское звание второго лейтенанта, специализированные школы (военной разведки, горных войск и т.п.) и высшие учебные заведения, которые в последнее время интегрируются в крупные военно-образовательные центры¹⁷. Так, подготовка офицеров технических специальностей (связисты, авиационные, корабельные инженеры, инженеры-электротехники) ведется в колледжах Национального научно-технического университета с центральным офисом в Равалпинди (основан в 1991 г.). Остальные армейские специальности осваиваются кадетами в Пакистанской военной академии в Какуле, Командно-штабном колледже в Кветте и Национальном университете обороны, созданном в январе 2007 г. на месте Национального колледжа обороны в Исламабаде. Национальный университет стал зонтичной образовательной организацией, ведущей подготовку офицеров для всех родов войск.

Первое время военно-морской флот значительно отставал от СВ в организации системы образования. Только к декабрю 1970 г. была создана Пакистанская военно-морская академия, ядром которой стала Школа «Рахбар» на о. Манора. В 1968 г. создана Школа штабных офицеров ВМФ (Карачи), преобразованная в 1971 г. в колледж, который был переведен в 1996 г. в Лахор, поскольку большая часть курсантов в колледже являются панджабцами (совр. название – Колледж ВМФ Пакистана). Именно на этот колледж была совершена двойная атака террористов-смертников 8 марта 2008 г., в результате которой погибли 8 человек, ранены – 24 человека.

Вознно-воздушные силы (ВВС) получили Летную школу на авиабазе в Рисалпуре через месяц после образования Пакистана. 13 апреля 1948 г. школа была преобразована в колледж. На торжественной церемонии присутствовал глава государства Мухаммад Али Джинна (единственный пример посещения им учебного заведения ВС страны). В 1967 г. колледж был преобразован в Академию ВВС Пакистана, состоящую сейчас из двух колледжей, пяти школ и двух институтов. В 2006 г. академия выпустила первых четырех женщин-пилотов¹⁸.

Присвоение офицерских званий происходит по решению президента, основывающегося на рекомендациях начальников штабов родов войск, которые должны учитывать успехи претендента в военно-учебной подготовке. Для присвоения званий капитана и майора офицер должен иметь определенное количество баллов, полученное на специальных

экзаменах. Вопрос о присвоении званий от подполковника до бригадного генерала принимает совет генералов. Предельный возраст службы в ВС зависит от звания: 47 лет – предельный возраст для майора и ниже, 60 лет – для генерала. Первез Мушарраф, отметивший 60-летие в 2003 г., оставался до 2007 г. начальником штаба сухопутных войск по решению генералитета. Его судьбу повторяет нынешний начальник штаба сухопутных войск – генерал Ашфак Первез Кияни, которому 22 июля 2010 г. были продлены полномочия в целях безопасности страны и обеспечения преемственности при проведении операций по борьбе с терроризмом. После 15 лет военной службы офицер получает право на пенсию, составляющую 40–70 % от его последнего жалования¹⁹.

В первое время образовательный процесс в военных учебных заведениях проходил под руководством британских офицеров, обеспечивших передачу пакистанцам опыта и традиций британских и англо-индийских ВС. Так было сформировано первое поколение пакистанских офицеров – «британское поколение», для которого было чуждым привнесение политики или религии в жизнь ВС²⁰: «...Нас учили тому, что мы как офицеры должны быть вне политики», – вспоминал Мухаммад Айюб Хан²¹, являющийся одним из представителей этого поколения, который, однако, первым осуществил военный переворот.

После присоединения Пакистана к Организации Центрального договора в 1955 г., Организации Договора Юго-Восточной Азии в 1955 г. и подписания американо-пакистанских соглашений о сотрудничестве в военной области в 1954 и 1959 гг. были созданы все условия для образования нового поколения офицеров – «американского». В 1950–1960-х гг. сотни пакистанских военных обучались в США (например, в 1955–1958 гг. более 200 артиллеристов получили там образование). Частыми были и визиты в Пакистан американских специалистов даже в таких областях, как атомная²². К этому поколению относится, например, генерал Джехангир Карамат, бывший в 1996–1998 гг. председателем объединенного комитета штабов и начальником штаба армии. К нему же можно отнести Первеза Мушаррафа, генерала Тарика Маджида, председателя объединенного комитета штабов ВС с 2007 г., и генерала Ашфака Первеза Кияни, начальника штаба армии также с 2007 г., прошедших обучение в зарубежных учебных заведениях (Великобритания, Малайзия, США).

Американо-пакистанские связи в военных сферах были значительно ограничены после индийско-пакистанской войны 1971 года, когда США невыполнили обязательств, наложенных на них американо-пакистанским соглашением 1959 г., по которому допускалось использование ВС США в случае агрессии против Пакистана. США ограничились отправкой в

Бенгальский залив авианосца «Энтерпрайз» для наблюдения за военными действиями.

Разочарование в Соединенных Штатах, сопровождавшееся расширением социальной базы ВС в 1950–1970-х гг., стало причиной складывания условий для появления «пакистанского» поколения на смену «британскому» и «американскому». Ключевая роль в этих изменениях принадлежала генералу Мухаммаду Зие уль-Хаку (1924–1988), осуществившему третий военный переворот в 1977 г.²³ Происходивший из крупнейшего в Панджабе клана арайнов, отличающегося строгим соблюдением предписаний ислама, Мухаммад Зия уль-Хак противопоставлял себя офицерам колониальных и пакистанских ВС: «Пьянство, карты, музыка и танцы – вот занятия, которым офицеры предавались в свободное время. Я же в это время молился»²⁴. При нем была разрешена деятельность в ВС «Таблигхи джамаат» – «Общества распространителей ислама» (основано в начале XX в.), что придало стабильный характер влиянию традиционных групп на военных, в том числе через систему подготовки кадров.

Современные офицеры среднего звена получили образование в период правления Мухаммада Зия уль-Хака – в 1977–1988 гг., что объясняет высокую роль ислама в их мировоззрении²⁵. Важно отметить, что верящий в центральную роль армии в пакистанском обществе, Мухаммад Зия уль-Хак направлял офицеров также в гражданские вузы для получения образования в области истории, психологии и политологии, что повысило готовность офицеров к расширению сферы ответственности ВС.

Очередное американско-пакистанское сближение в 1980-е гг., во время нахождения советского контингента в Афганистане, снова открыло путь пакистанским военнослужащим в учебные заведения США. Например, в одном только 1986 финансовом году по американской «Программе продажи оружия и военной техники иностранным государствам и оказания помощи в обеспечении безопасности» было выделено 2,38 млн долл. на обучение 175 пакистанских военнослужащих²⁶.

Данный период развития американско-пакистанских отношений завершился ядерными испытаниями, проведенными Индией и Пакистаном в 1998 г. Основываясь на резолюции СБ ООН № 1172 от 6 июня 1998 г., США наложили санкции на Пакистан, ограничившие многие программы двустороннего сотрудничества, включая финансирование военно-технического сотрудничества и подготовку военных специалистов²⁷. По мнению американского эксперта Даниела Марки, в результате сокращения этих программ целое поколение пакистанских военных лишилось личных контактов с американскими коллегами, что негативно сказалось на уровне их доверия к США²⁸. Только в рамках антитеррористической

борьбы помощь США и, соответственно, влияние на умы военнослужащих снова стали возрастать. Правда, этот процесс затруднен проблемами, с которыми сталкиваются ВС Пакистана в результате этой борьбы, – атаками террористов (включая смертников), необходимостью ведения боевых действий на своей территории, падением авторитета военных среди населения страны. Кроме того, с 1970-х гг. активно развиваются связи Пакистана и Китая в военной области. Хотя говорить о «китайском поколении» в ВС Пакистана не приходится, поскольку Китай не стремится его создать, «китайское лобби», очевидно, уже существует, что связано с масштабным военно-техническим сотрудничеством двух стран. Это также не способствует усилению влияния США на ВС Пакистана.

При всех оговорках создание нового «американского поколения» может отразиться на руководстве армии минимум через двадцать лет, когда современные выпускники западных учебных заведений возглавят ВС. Сейчас же в военном руководстве завершается период первого «американского поколения», представленного Первезом Мушаррафом, уже завершившим военную службу, и Ашфаком Первезом Кайяни, который скоро будет вынужден покинуть ВС. На смену им приходят представители «пакистанского поколения», меньше связанного с США и странами Запада. Нельзя исключать, что они могут внести серьезные коррективы в политику страны в области международных отношений и безопасности.

Помимо поколенческих, в ВС существуют этноконфессиональные различия. Этнический принцип комплектования современных ВС Пакистана говорит о том, что до настоящего времени соблюдаются принципы набора, характерные еще для ВС Британской Индии, где были определены конкретные группы для вербовки в ВС: сикхи и панджабские мусульмане (провинция Панджаб), раджпуты (область Раджпутаны и Объединенные провинции), маратхи (Бомбейская провинция), гуркхи (княжество Непал), пуштуны и белуджи (племена Северо-Западной Британской Индии). Первая и Вторая мировые войны заставили колониальные власти расширить список этих групп, что незначительно уменьшило роль основных вербовочных районов, прежде всего Панджаба. Несмотря на попытки изменить практику комплектования ВС, предпринятые в конце 1970-х гг., до сих пор большая часть личного состава, прежде всего сухопутных войск, относится к панджабцам или пуштунам. 75% личного состава ВС набираются в трех панджабских районах – Равалпинди (откуда родом генерал Ашфак Первез Кияни), Джхелум и Кэмпбеллпур, 20 % – в нескольких дистриктах Хайбер-Пахтунхва, прежде всего в Кохате, Мардане и Пешаваре (во всех этих дистриктах проживает около 9 % мужского населения страны). Остальные 5 % набираются в провинциях Белуджистане и Синде²⁹. Не случай-

но в последних двух провинциях, не участвующих в формировании ВС, существуют сильные автономистские или сепаратистские движения. Так, в 1973–1977 гг. в Белуджистане фактически была война между ВС (80 тыс. человек) и силами Фронта освобождения белуджского народа и Белуджской студенческой организацией (10 тыс.), в результате которой погибли 5,3 тыс. военнослужащих и 3,3 тыс. повстанцев³⁰. В этих событиях, кстати, принимала участие 206-я механизированная бригада, начальником оперативно-разведывательного штаба которой был Первез Мушарраф³¹.

В этой связи нужно отметить, что Первез Мушарраф относится к группе меньшинства в ВС – к мухаджирам, то есть переселенцам из Индии в Пакистан. Возможно, его одновременное назначение на посты председателя объединенного комитета начальников штабов ВС и начальника штаба СВ премьер-министром Навазом Шарифом в 1998 г. было продиктовано именно этим фактом: «Наверное, он полагал, – пишет Первез Мушарраф в своих воспоминаниях, – что, будучи сыном иммигрантов, я буду чувствовать себя беззащитным, слабым и поэтому во всем с ним соглашаться и выполнять все его желания. Более глубокого заблуждения быть не могло. В рядах армии нет места столь ограниченными представлениям: там мы все – пакистанцы»³². Вряд ли можно полностью согласиться с автором воспоминаний. События в зоне племен свидетельствуют о том, что определенную роль этноконфессиональный фактор все же играет.

В случае ведения боевых действий на территориях, населенных другими этносами, «панджабо-пуштунские» ВС могут успешно решать поставленные задачи. Но боевые действия на «своих» территориях могут вызывать противоречия в военных частях, что и произошло в 2003 г., когда на Территории племен федерального управления, населенной преимущественно пуштунами, была активизирована антитеррористическая борьба. По некоторым сведениям, боевые действия вызвали недовольство в военных частях, прежде всего, в военизированных формированиях, большей частью состоящих из местного населения – например, в Пограничном корпусе, из которого в 2004 г. в знак протеста добровольно уволился один генерал-майор, принадлежащий к пуштунскому племени оракзаи. 12 недовольных полковников были переведены в другие части³³.

Возможно, с конфессиональным фактором связаны противоречия между ВВС, в которых служит большое количество шиитов, и преимущественно суннитскими СВ и ВМФ. Эти противоречия проявились в серии заговоров против военного или политического руководства, в которых были замешаны представители ВВС («Равалпиндский заговор» 1951 г. с участием коммодора ВВС, «Аттокский заговор» 1973 г. с участи-

ем 14 офицеров ВВС и 21 офицера СВ³⁴, второй «Равалпиндский заговор» 2006 г. с участием 50 молодых военнослужащих преимущественно из ВВС³⁵). Как предполагают некоторые историки, гибель Мухаммада Зии уль-Хака в авиакатастрофе в 1988 г. тоже была результатом заговора в ВВС (с этим генералом связывается обострение отношений между шиитами и суннитами³⁶). Противоречия между ВВС и прежде всего СВ имеют также причины, связанные со структурой и особенностями распределения ресурсов в ВС.

Особенности ВС Пакистана позволяют увидеть, что военные не образуют монолитную группу, будучи разделенными по этноконфессиональному, поколенческому и другим принципам. В этих условиях нынешнее руководство может надеяться на поддержку военных как минимум до смены своего «американского» поколения. Вместе с тем антитеррористическая борьба и внутренние противоречия в ВС теоретически могут стать причинами потери поддержки в ВС. Правда, это будет означать серьезные трансформации внутри самих ВС. Такое развитие событий представляется маловероятным.

Структура и бюджет вооруженных сил Пакистана

Согласно данным Международного института стратегических исследований, в 2008 г. ВС Пакистана насчитывают 619 тыс. кадровых военнослужащих и 304 тыс. членов военизированных формирований³⁷, к которым относятся пограничный корпус (65 тыс. человек) и рейнджеры (40 тыс. человек), подчиняющиеся министерству внутренних дел, а также береговая охрана, агентство морской безопасности (2 тыс. человек), северная легкая пехота (12 тыс. человек) и национальная гвардия (185 тыс. человек). В табл. 1 приводится детализация данных о ВС Пакистана по родам войск.

Таблица 1. Структура ВС Пакистана, 2008 г.

Род войск	Кол-во человек (тыс.)	Доля в ВС
Сухопутные войска	550	59%
Военно-морской флот	24	3%
Военно-воздушные силы	45	5%
Военизированные формирования	304	33%
Всего кадровых военнослужащих	619	67%
Всего	923	100%

Источник: The Military Balance. 2008 / Ed. by J. Hackett. London, 2008. P. 341–346, 349–351.

Видно, что в структуре ВС главное место занимают СВ, а ВВС и ВМФ играют вспомогательную роль³⁸. Это подтверждает структура оборонного бюджета. К примеру, в 1970–1980-е гг. на СВ тратился 41 % от всех военных расходов Пакистана, на ВВС и ВМФ же – 25 %. Остальные средства расходовались на развитие военно-промышленного комплекса (28%) и военные межведомственные службы (6%)³⁹. Среди последних самой могущественной является Общевойсковая разведка (ОВР, или Межведомственная разведка), в которой представители СВ занимают ключевые позиции, поскольку армейская разведка значительно превосходит по возможностям разведслужбы ВМФ и ВВС. Именно она играла ключевую роль в организации антисоветского джихада в Афганистане, с ней же связывается деятельность исламо-радикальных организаций в Кашмире⁴⁰. Движение «Талибан», поддержанное начальником штаба СВ генералом Мирзой Асламом Бегом (в должности в 1988–1991 гг.) и руководителем ОВР генералом-лейтенантом Хамидом Гулем (в должности в 1987–1989 гг.), являлось примером проводника интересов ВС Пакистана до тех пор, пока в 1996 г. они не захватили Кабул, после чего Пакистан потерял контроль над движением⁴¹.

Говоря о структуре военного бюджета, нужно отметить тот факт, что до 2008 г. военный бюджет в целом оставался темой, закрытой для общественности. Только под давлением Пакистанской народной партии (ПНП) и Пакистанской мусульманской лиги Наваза Шарифа (ПМЛ(Н)), пришедших к власти по итогам февральских парламентских выборов, 18 июня 2008 г. (впервые с 1965 г.), детализированный военный бюджет был представлен на обсуждение в Сенате. Представленные данные, во-первых, свидетельствуют о постоянном росте военного бюджета, на что не повлияли ни уход президента с военной службы, ни приход к власти партий, выступающих за «демилитаризацию» политической жизни в стране, ни сознательное дистанцирование нового военного руководства от политики. Во-вторых, эти цифры позволяют увидеть следующие особенности военной политики на настоящем этапе:

1. По степени приоритетности в ВС стоят на первом месте СВ, на втором – ВВС, на третьем – оборонно-промышленный комплекс и на четвертом – ВМФ;

2. В СВ расходы на личный состав являются самыми высокими (более 50 % от бюджета СВ), что объясняется, очевидно, наименьшей технической оснащенностью армии по сравнению с авиацией и флотом;

3. Оперативные расходы в структуре бюджета каждого из рода войск отражают степень вовлеченности этих родов в текущие военные и гуманитарные операции: самые высокие – в ВВС и СВ, самые низкие – в ВМФ.

Судя по опубликованным данным, объем открытой информации не столь велик, что объясняется угрозой со стороны Индии, а также распределением военных расходов между различными ведомствами. Так, например, расходы на содержание пограничного корпуса и рейнджеров осуществляются министерством внутренних дел, а финансирование строительства дорог стратегического значения на северо-западе страны производится министерством транспорта и коммуникаций, хотя это строительство ведется военными, которые потом и контролируют эти дороги⁴². Как правило, в военный бюджет не включена иностранная помощь вооруженным силам.

Кроме того, существует значительная область военной экономики, связанная с военным бюджетом, но не являющаяся его частью. Эта область включает в себя экономические предприятия, служащие источником политико-экономической независимости и обеспеченности военнослужащих, прежде всего офицерского состава. К экономическим предприятиям относятся компании, действующие в сфере добычи, производства и услуг общим капиталом в 143,6 млн рупий, а также земельные владения общей площадью в 11,6 млн акров земли⁴³.

Согласно сложившейся практике военный бюджет вносится на рассмотрение в Сенат (верхнюю палату парламента) министром финансов. По сравнению с прошлыми годами, когда законодатели, слабо знакомые с его структурой, автоматически одобряли бюджет, в настоящее время утверждение бюджета сопровождается острыми дискуссиями о роли армии и необходимых ей средствах. В этой связи может повыситься значение министерства финансов, которое раньше выполняло роль скорее координатора, сводившего запросы военных в один документ. Связующим звеном между министерством и военными ведомствами являются советники министра:

- от СВ;
- от ВМФ;
- от ВВС;
- от Организации пограничных работ;
- от Пакистанских оружейных заводов;
- по вопросам бюджета и координации;
- по вопросам бюджетного регулирования;
- по оборонному производству и закупкам.

Помимо этого министерства, координирующую роль в формировании и исполнении военного бюджета выполняют также министерства обороны и оборонной промышленности. Существующая структура принятия решений в области военных расходов и военной политики в целом представлена в таблице 2.

Таблица 2. Система принятия решений в ВС Пакистана

Наименование института				Примечания (по уровням)
1. Президент				А. Верховный главнокомандующий
2. Совет национальной безопасности		3. Управление национального командования		Б. Коллегиальные органы, состоящие из представителей ВС, правительства и основных политических сил и т.д. под руководством президента для принятия решений в областях безопасности (2) и стратегических сил (3)
4. Правительственный комитет по обороне				В. Координационный политический институт
5. Министерство обороны	6. Министерство оборонной промышленности	7. Министерство финансов		Г. Координационные политические институты
8. Объединенный комитет штабов				Д. Координационный военный институт
9. Штаб СВ	10. Штаб ВМФ	11. Штаб ВВС	12. Межведомственные службы	Е. Центры принятия решений уровня родов войск и межведомственных служб

Источник: Составлено автором с использованием исследования Ayesha Siddiqa-Agha. Pakistan's Arms Procurement and Military Buildup, 1979–1999: In Search of a Policy. Lahore, 2003.

До настоящего времени наибольшее влияние на процесс принятия решений в военной области оказывают институты уровней А, Б и Е, уровни же В, Г и Д приводили процесс принятия решений в соответствие с конституционными требованиями, координировали военную политику. Как видно, эта структура завязана на фигуре президента, который в 1998–2001 гг. был председателем объединенного комитета штабов, а в

1998–2007 гг. – начальником штаба СВ. После ухода с военной службы за Первезом Мушаррафом остались посты председателя в Совете национальной безопасности (СНБ, осн. в 2004 г.) и Управлении национального командования (УНК, осн. в 2000 г.), с помощью которых военные институционализировали свою роль в процессе принятия решений в области обороны, стратегических ядерных сил, внешней и внутренней политики⁴⁴. В первый из них входят президент (председатель), премьер-министр, председатель верхней палаты парламента и спикер нижней, лидер парламентской оппозиции и главные министры четырех провинций, а также четыре представителя ВС – председатель объединенного комитета штабов и начальники штабов СВ, ВМФ и ВВС. Руководство второго из них состоит из президента (председатель), премьер-министра (вице-председатель), министров иностранных дел, внутренних дел, обороны, финансов, председателя объединенного комитета штабов, начальников штабов СВ, ВМФ и ВВС, заместителя начальника штаба СВ и генерального директора Отдела стратегического планирования. Большая часть аппарата УНК состоит из военнослужащих⁴⁵.

Оппозиционные президенту политические силы пытаются понизить роль президента в процессе принятия решений в военной политике. Частичное раскрытие военного бюджета стало одним из шагов на этом пути. Наибольшую активность в этой связи развила ПМЛ(Н) во главе с Навазом Шарифом, который накануне парламентских выборов 2008 г. предложил упразднить СНБ, реформировать и усилить правительственный Комитет по обороне и национальной безопасности во главе с премьером, повысить роль объединенного комитета штабов (понижив соответственно роль начальника штаба СВ), перевести утверждение военного бюджета из Сената в Национальную ассамблею (нижнюю палату парламента)⁴⁶.

Однако эта «программа-максимум» так и осталась на бумаге. Ни правящая ПНП и представляющие ее президент Асиф Али Зардари и премьер-министр Юсуф Раза Гилани, ни оппозиционная ПМЛ(Н) во главе с Навазом Шарифом не смогли добиться ограничения ВС. Более того, постепенно армия восстанавливает позиции, утраченные после ухода Первеза Мушаррафа. Помимо продления срока службы Ашфака Первеза Кияни, об этом свидетельствует стабильно продолжающийся рост оборонного бюджета.

В июне 2010 г. пакистанский министр финансов Абдул Хафиз Шейх обнародовал бюджет страны на 2010–2011 финансовый год, одной из приоритетных статей которого стали расходы на оборону – 442,17 млрд рупий (в 2009–2010 году этот показатель составил 376,85 млрд рупий). По сравнению с предшествующим периодом абсолютный рост оборонного бюджета Пакистана составил 64,04 млрд рупий (16,9 %). Согласно

отчету, представленному Пакистаном в сентябре 2010 г. в Международный валютный фонд, бюджетные оборонные ассигнования увеличены на 1,28 млрд долл. США. Таким образом, прогнозируемые расходы на оборону Пакистана в 2010–2011 финансовом году оцениваются в 6,41 млрд долл. по сравнению с 5,14 млрд долл. в 2009–2010 году.

В отчете указывается, что дополнительные средства на оборонные статьи национального бюджета были получены за счет сокращения ряда бюджетных фондов развития, а также за счет сокращения бюджетных статей на образование и другие социальные программы. Так, программы развития, на которые первоначально выделялось 446 млрд рупий, были сокращены практически вдвое – до 250 млрд рупий.

Очевидно, важными факторами для повышения оборонных расходов стали, во-первых, стремление соответствовать военным амбициям Индии, во-вторых, военные операции в зоне пуштунских племен на севере страны, а также траты, понесенные армией во время ликвидации последствий разрушительного наводнения 2010 г.⁴⁷

Основные функции вооруженных сил Пакистана

Вслед за Айшей Сиддика, исследовательницей экономической активности пакистанских военных, можно выделить первичную и вторичные функции ВС. Первичной функцией является защита страны как от внешних, так и от внутренних угроз. Вторичные функции связаны с активностью ВС, направленной на социально-экономическое и политическое развитие страны⁴⁸. Ограничивая первостепенную функцию обороной страны, другой исследователь – Хасан Аскари Ризви выделяет следующие невоенные функции ВС:

- помощь властям в борьбе с последствиями стихийных бедствий;
- помощь властям в решении отдельных проблем;
- помощь властям в поддержании правопорядка⁴⁹.

В этой части статьи сначала будут рассмотрены «военные» функции, включающие как оборону, так и поддержание правопорядка, а потом «невоенные», включающие борьбу с последствиями стихийных бедствий, участие в экономических проектах, политическую активность.

Становление и эволюция ВС Пакистана происходили в условиях противостояния с Индией, которая с самого начала воспринималась как «враг номер один»⁵⁰. Угроза со стороны Индии, всегда превосходившей Пакистан по количеству военнослужащих и вооружений, стала главным стимулом развития ВС Пакистана⁵¹. Индийско-пакистанские конфликты, первым из которых стало военное противостояние в Кашмире в октябре 1947 – декабре 1948 гг., помешали Великобритании воплотить

планы по сокращению ВС Индии и Пакистана после деколонизации⁵². С этим же связан тот факт, что в 1947–1950 гг., когда в Пакистане существовали опасения возможной агрессии со стороны Индии⁵³, расходы на военные нужды составляли в среднем 70 % в год от всех государственных расходов⁵⁴. В целом вооруженные конфликты различных масштабов с Индией произошли в 1947–1948 гг., дважды в 1965 г., в 1971 и 1999 гг.⁵⁵ При нерешенном индийско-пакистанском споре вокруг статуса Кашмира⁵⁶ такие конфликты вероятны и в будущем.

Противостояние с Индией является одним из важнейших факторов высокой роли ВС в общественно-политической жизни Пакистана. Оно же определило необходимость создания стратегических ядерных сил (СЯС), на которое пошло руководство Пакистана после осуществления Индией «мирного взрыва» ядерного устройства в 1974 г. В 1998 г. оба государства провели испытания ядерного оружия. Хотя военная ядерная программа Индии носит «антикитайский» характер, Пакистан естественно воспринимает ее как угрозу собственной безопасности. Пакистану удалось в стратегических силах добиться относительного паритета по количеству оружейных материалов и средств доставки⁵⁷. Очевидно, Пакистан не планирует дальнейшее наращивание ядерных сил, поскольку для него, как отметил в связи с испытаниями ракеты «Шахин-2/Хатф-6» в начале 2007 г. председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Эхсан-уль-Хак, «стратегия минимального, (но) надежного сдерживания занимает главное место, она является гарантией мира в регионе»⁵⁸. Основные работы сейчас ведутся по совершенствованию средств доставки ядерного оружия.

К военным функциям, связанным с внешней политикой страны, относится также активное участие военнослужащих Пакистана в миротворческих программах под эгидой ООН. Согласно информации 2008 г., представители ВС Пакистана находятся в 13 странах (135 наблюдателей, 9673 военнослужащих)⁵⁹. С миротворческой миссией в Конго связан скандал об участии пакистанских военных в городе Монгблвалу в торговле золотом и оружием, объем которой, по некоторым данным, превышал семь млрд долл.⁶⁰

К внутренним военным функциям относится упоминавшееся поддержание внутреннего правопорядка, включающее борьбу с терроризмом, контрабандой товаров, оборотом наркотиков, подавление массовых беспорядков и повстанческих движений. Сейчас, когда в стране во главе государства стоит гражданский лидер, идут разговоры о передаче полицейских функций от ВС к полиции, поскольку их выполнение военными не только отвлекает их от прямых обязанностей, но и служит источником коррупции в их рядах⁶¹. Это вопрос дискуссионный, потому что контрабанда товаров

и оборот наркотиков часто служат источниками доходов террористических организаций. Распыление задач, непосредственно или косвенно связанных с антитеррористической борьбой, может негативно на ней сказаться.

Парламентские выборы, проведенные 18 февраля 2008 г. показали, что ВС могут успешно поддерживать правопорядок в масштабах страны. Перед выборами гражданские власти определили «наиболее опасные» с точки зрения террористических атак избирательные участки (14 % от всех избирательных участков), у которых были размещены армейские подразделения. Отсутствие терактов в день выборов свидетельствует о положительном результате принятых мер. Перед этими выборами руководители вооруженных сил заверили общественность, что военнослужащие не вмешаются в ход голосования, будут действовать в интересах безопасности только в случае обращения гражданских властей за помощью⁶². Таким образом, после ухода Первеза Мушаррафа с военной службы военное командование в лице его преемника генерала Ашфака Кайяни дает сигналы об отходе ВС от активного участия в политике⁶³.

Внутренние невоенные функции были характерны для ВС Пакистана с самого возникновения государства, когда военные обеспечили функционирование миграционных потоков из Индии в Пакистан, о чем упоминалось выше. В дальнейшем ВС привлекались для борьбы с последствиями стихийных бедствий, продовольственных кризисов, для участия в экономических проектах⁶⁴. Именно этой функцией объясняется выделение в ВС Пакистана 7 эскадрилий поисково-спасательной авиации, а также наличие 7 бригад инженерных войск. Ярким примером выполнения этих функций стала ликвидация последствий землетрясения 8 октября 2005 г. на северо-западе Пакистана (7,6 балла по шкале Рихтера), ключевую роль в которой сыграли ВС: в зону, пострадавшую от землетрясения, были направлены более 50 тыс. военнослужащих (не считая инженерные войска), для эвакуации пострадавших и доставки грузов были привлечены все вертолеты СВ и ВВС⁶⁵.

Беспрецедентным испытанием для ВС стало наводнение 2010 г., которое оставило без крова 20 млн человек. Армейским командованием были учреждены три центра по борьбе с последствиями наводнения – в Чаклале, Тарбеле и Абботабаде. В поисково-спасательных операциях были задействованы 60 тыс. солдат. Инженерные подразделения армии в круглосуточном режиме работали над восстановлением инфраструктурных объектов. В настоящее время значительная часть дорог и мостов ими отремонтирована, движение по ним восстановлено. Было развернуто 15 армейских полевых госпиталей, около 100 мобильных клиник в провинциях Хайбер-Пахтунхва, Синд и Панджаб. По признанию пакистанской прессы, действия ВС резко контрастируют с вялой реакцией граж-

данского правительства. Ведущая роль армии в ликвидации последствий наводнения признана большинством экспертов в Пакистане⁶⁶.

Выводы

Многофункциональность ВС Пакистана является основой их влияния в стране. Решая задачи в областях обороны, безопасности, правопорядка, социально-экономического и политического развития, ВС подтверждают свое положение как наиболее влиятельного института в пакистанском обществе. Это объясняет тот факт, что во время политических кризисов военные получают санкцию на вывод из них Пакистана. Так, в 1999 г. Верховный суд Пакистана не только оправдал военный переворот генерала Первеза Мушаррафа, но и наделил военачальника правом вносить изменения в Конституцию⁶⁷.

Можно быть уверенным, что в стабильном с политико-экономической точки зрения Пакистане ВС по собственной инициативе не будут стремиться захватывать власть, поскольку военные осознают угрозы, связанные с этим. Например, Первез Мушарраф заметил, что «...всегда, когда армия втянута в политику посредством военных режимов, она оказывается оторванной от своих прямых обязанностей. От этого страдают система подготовки кадров и боеготовность ВС»⁶⁸.

ВС и так «оккупировали» значительные сферы ответственности, позволяющие сохранять определенную политико-экономическую независимость, а также находить в мирное время применение военнотружущим одной из самых многочисленных армий мира. Те, кто согласно традиционным культурным представлениям в военное время могут стать победителями («гхази») или мучениками («шахидами») ⁶⁹, в мирное время являются служителями нации. Очевидно, военные не откажутся от традиционного права быть «победителями», «мучениками» и «служителями», а значит, они постараются не допустить ограничения своей ответственности в областях обороны, безопасности, правопорядка, социально-экономического и политического развития, закрепленных за ними 60-ти летней историей Пакистана.

Попытки политической власти ограничить сферы ответственности или внести раскол в ВС могут быть восприняты военными как угроза не только институту ВС, но и стабильности Пакистана, и, соответственно, вызовут реакцию в виде очередного вмешательства в политическую жизнь. При сохранении баланса сил между военными и политиками первые вряд ли станут урожать вторым. В противном случае могут пострадать не только конкретные политики, но и вся политическая система страны.

Вместе с тем внутренние особенности ВС позволяют увидеть уязвимые места, связанные с диспропорциями системы комплектования и

распределения средств в ВС, культурными и этноконфессиональными различиями. В условиях кризисов уязвимые места могут стать источником проблем в самом стабильном в обществе институте. Случаи военных заговоров и открытого проявления недовольства в ВС являются симптомами внутренних противоречий. Их выплеск, который может быть спровоцирован такими аномалиями, как военные режимы, крупномасштабные операции на своих территориях, деструктивное влияние извне, имел бы крайне тяжелые последствия для всей страны. Путем сохранения нормальных условий существования ВС и ограничения в них противоречий возможно предотвращение таких выплесков, которое в интересах и военных, и государства.

- ¹ *Musharraf P.* In the Line of Fire: A Memoir. – London, 2006. P. 78.
- ² Среди зарубежных работ по ВС Пакистана выделяются следующие исследования: *Cheema P.I.* The Armed Forces of Pakistan. – Karachi, 2002; *Cloughley B.* A History of the Pakistan Army: Wars and Insurrections. – Karachi; New York, 1999 (2nd ed.: 2000); *Cohen S.P.* The Pakistan Army. – Berkeley, 1984 (2nd ed.: Karachi, 1998); *Rizvi H.A.* The Military & Politics in Pakistan, 1947–1997 – Lahore, 2000 и др. На русском языке по этой теме изданы исследования: *Алиев Р.* Пакистан: военно-политические аспекты. Пакистан в специализированных СМИ. – М.: 2007. С. 13–26; *Васильев И.Н.* История вооруженных сил Пакистана – Ташкент, 1993; *Москаленко В.Н.* Политическая роль пакистанской армии // Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии: сб. ст. / Отв. ред. *В.М. Ахмедов* – М.: 2002. С. 273–355; Пакистан. Вооруженные силы и военная экономика стран Азии: Информационно-аналитический сборник / Отв. ред. *А.З. Егорин* – М.: 2000. С. 117–137; Пакистан и его вооруженные силы / Отв. ред. *А.И. Захаров* – Ташкент: 1990; *Федоров В.А.* Армия, политика и религия в Пакистане // *Федоров В.А.* Армия и модернизация в странах Востока. – М.: 1999. С. 103–120, и др.
- ³ *Белокрыцкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX век. – М.: 2008. С. 87. По другим оценкам, ВС Британской Индии насчитывали перед независимостью 461,8 тыс. офицеров, солдат и гражданских лиц (*Cheema P.I.* Указ. соч. P. 49.). Эта численность составляла менее трети от колониальных ВС, задействованных во Второй мировой войне. Это означает, что во время деколонизации часть гражданского населения обладала богатым военным опытом, который был использован, в частности, в межобщинных столкновениях, успешных жизни от 200 тыс. до одного млн человек (*Talbot I.* Inventing the Nation: India and Pakistan. London, 2000. P. 157)
- ⁴ *Mohammad Ayub Khan.* Friends Not Masters: A Political Autobiography. – Islamabad, 2006. P. 35.
- ⁵ *Rizvi H.A.* Указ. соч. P. 36–37.
- ⁶ *Talbot I.* Pakistan: A Modern History. – London, 2005. P. 99.
- ⁷ *Mohammad Ayub Khan.* Указ. соч. P. 35.
- ⁸ Там же. P. 36.
- ⁹ См.: литературное описание: *Рудин С.* Стяг: роман / Перев. с англ. И.А. Багрова – СПб., 2007. С. 80–94.
- ¹⁰ *Talbot I.* Inventing the Nation... P. 157.
- ¹¹ *Cheema P.I.* Указ. соч. С. 52–53; *Mohammad Ayub Khan.* Указ. соч. P. 33–34; *Rizvi H.A.* Указ. соч. P. 54.
- ¹² Hearing of the House Permanent Select Committee on Intelligence: Annual Threat Assessment (Jan. 18, 2007). – Washington, 2007. P. 22
- ¹³ *Белокрыцкий В.Я., Москаленко В.Н.* Указ. соч. С. 87.
- ¹⁴ *Cheema P.I.* Указ. соч. P. 51.
- ¹⁵ *Talbot I.* Pakistan: A Modern History. – London, 2005. P. 99.
- ¹⁶ *Cheema P.I.* Указ. соч. P. 55.

- ¹⁷ Подробно о подготовке офицеров в ВС Пакистана см.: *Семенов А.А.* Командные кадры Пакистана // *Офицерский корпус ближневосточных государств / Отв. ред. В.М. Ахмедов, В.П. Юрченко* – М.: 2004. С. 246–252.
- ¹⁸ См. репортаж о подготовке женщин-пилотов: *Никушкина О.* Сестры по оружию: Небо Пакистана будут охранять девушки-истребители // *Новые Известия*. Москва, 31.03.2006. Подробно о подготовке личного состава ВВС см.: *Семенов А.* ВВС Исламской Респубкии Пакистан // *Пространство свободы: независимый информационный портал*, 13.08.2004 (<http://lsg.ru/index.php?page=arms&art=1409>).
- ¹⁹ *Семенов А.А.* Командные кадры... С. 246–252.
- ²⁰ *Cohen S.P.* The Idea of Pakistan. – Washington, 2006. P. 99–102.
- ²¹ *Mohammad Ayub Khan*. Указ. соч. P. 35.
- ²² *Cohen S.P.* The Idea of Pakistan. – Washington, 2006. P. 102–103.
- ²³ Приход к власти генерала Агхи Мухаммада Яхья Хапа в 1969 г. произошел в результате передачи власти от предыдущего главы государства фельдмаршала Мухаммада Айюб Хапа (*Белокрепичкий В.Я., Москиленко В.Н.* Указ. соч. С. 234–237).
- ²⁴ Цит. по: *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане – М., 2003. С. 99.
- ²⁵ *Cohen S.P.* The Idea of Pakistan. – Washington, 2006. P. 108.
- ²⁶ *Schliez D.F.* The Defense of Pakistan Sovereignty. – S.l., 1986. P. 5.
- ²⁷ *McCormick K.P.* Sanctions and Diplomacy in U.S. Non-Proliferation Policy toward India and Pakistan, 1998–2000 // *Nuclear Developments in South Asia and the Future of Global Arms Control / Ed. by R. Azizian* – Wellington: Centre for Strategic Studies, 2001. P. 142–143.
- ²⁸ *Марки Д.* Ошибочная альтернатива в подходе к Пакистану // *Россия в глобальной политике*. № 4. Июль–август 2007.
- ²⁹ *Cohen S.P.* The Idea of Pakistan. – Washington, 2006. P. 223–225; *Ayesha Siddiqi*. Military Inc.: Inside Pakistan's Military Economy. – Karachi, 2007. P. 59.
- ³⁰ *Jaffrelot Ch.* Nationalism without a Nation: Pakistan Searching for its Identity // *Pakistan: Nation, Nationalism and the State / Ed. by Ch. Jaffrelot* – Lahore, 2005. P. 22–32.
- ³¹ *Musharraf P.* Указ. соч. P. 58–59.
- ³² Там же P. 136.
- ³³ *Hassan Abbas*. Musharraf Contends with the Pashtun Element in the Pakistani Army // *Terrorism Focus*. Oct. 31, 2006. Vol. III. Issue 42. P. 6.
- ³⁴ *Rizvi H.A.* Указ. соч. P. 78–79, P. 221–222.
- ³⁵ *Massoud Ansari*. Air force officers held for attempt to murder Musharraf with rockets // *The Sunday Telegraph*. London, 05.11.2006.
- ³⁶ Подробно см.: *Топычканов П.* Ислам против ислама: война без победителей // *НИ-Религии*. М., 05.07.2007. С. 5.
- ³⁷ *The Military Balance*. 2008 / Ed. by *J. Hackett*. London, 2008. P. 341, 349.
- ³⁸ Пакистан... С. 136–137.
- ³⁹ *Ayesha Siddiqi-Agha*. Pakistan's Arms Procurement and Military Buildup, 1979–1999: In Search of a Policy – Lahore, 2003. P. 83.
- ⁴⁰ *Белокрепичкий В.Я., Москиленко В.Н.* Указ. соч. С. 319–320; *Ayesha Siddiqi*. Military Inc... P. 61; *Cohen S.P.* The Idea... P. 100; *Husain Haqqani*. Pakistan Between Mosque and Military. – Washington, 2005. P. 222; *Zahid Hussain*. Pakistan's Unholy Alliance: The Militants and the Military // *Frontline Pakistan: The Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto*. – London, 2008. P. 12–32.
- ⁴¹ *Musharraf P.* Указ. соч. P. 209.
- ⁴² *Cheema P.I.* Указ. соч. P. 44.
- ⁴³ *Ayesha Siddiqi*. Military Inc... P. 236, 183.
- ⁴⁴ Там же P. 107.
- ⁴⁵ *Nuclear Black Markets: Pakistan, A.Q. Khan and the rise of proliferation networks / Ed. by M. Fitzpatrick* – London, 2007. P. 110.
- ⁴⁶ Pakistan Muslim League: Manifesto, December 2007 (электр. версия: <http://www.pmln.org.pk/manifesto.php>).
- ⁴⁷ Подробно см.: *Замараев П.А.* Пакистан: рост оборонного бюджета как фактор усиления роли армии в гражданском обществе // *Институт Ближнего Востока*. 2010. Дек. 26 (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/26-12-10a.htm>).
- ⁴⁸ *Ayesha Siddiqi*. Military Inc... P. 62–65.

- ⁴⁹ Rizvi H.A. Указ. соч. P. 72.
- ⁵⁰ *Mohammad Ayub Khan*. Указ. соч. P. 63.
- ⁵¹ См.: *Ayesha Siddiqua*. Military Inc... P. 62–64.
- ⁵² Белокрыцкий В.Я., Москаленко В.Н. Указ. соч. С. 87.
- ⁵³ См. высказывание Мухаммада Айюб Хана: «...За всем этим (проблемами, созданными, по его мнению, Индией в Пакистане – П.Т.) было стремление Индии поглотить Пакистан или превратить его в государство-сателлит. Индийские лидеры не делали из этого секрета. Ачарья Крипалани, бывший в 1947 г. президентом Индийского национального конгресса, заявил: “Ни конгресс, ни нация не откажутся от требования объединить Индию”» (*Mohammad Ayub Khan*. Указ. соч. P. 135–136).
- ⁵⁴ Rizvi H.A. Указ. соч. P. 57.
- ⁵⁵ Белокрыцкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. – М., 2003. С. 8.
- ⁵⁶ Подробно о «Кашмирской проблеме» см.: *Шаумян Т.Л.* Кто и почему воюет в Кашмире? – М.: 1999; *The Kashmir Imbroglia: Looking Towards the Future / Ed. by Pervaiz Iqbal Cheema, Maqsoodul Hasan Nuri*. Islamabad, 2005.
- ⁵⁷ См. по этой теме: *Сотников В.И.* Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. – М.: 2003; *Ядерное противостояние в Южной Азии / Под ред. А.Г. Арбитова, Г.И. Чуфрина.* – М.: 2005.
- ⁵⁸ *Iqbal T.* Pakistan tests upgraded Shaheen II // *Pakistan Defence*, 22.02.07.
- ⁵⁹ *The Military Balance...* P. 351.
- ⁶⁰ *Одинец А.* Золотые каски // *Коммерсантъ*. М., 29.04.2008; *Плот М.* Солдаты ООН «меняли оружие на золото» // *BBC Russian*. 23.05.2007.
- ⁶¹ *Nazeer Ahmad Malik*. Depoliticizing Pakistan Army // *The Nation*. Lahore, 12.02.2008.
- ⁶² Over 35,000 troops to be employed during elections // *Associated Press of Pakistan*. Islamabad, 16.02.2008; Pak army chief seeks public support during polls // *Rediff.Com*. Delhi, 16.02.2008.
- ⁶³ *The Pakistan Army and Post Elections Scenarios: Transcript by Federal News Service*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 13.02.2008. P. 2.
- ⁶⁴ *Ayesha Siddiqua*. Military Inc... P. 64- 65; *Rizvi H.A.* Op. cit. P. 144–147.
- ⁶⁵ *Musharraf P.* Указ. соч. P. 323.
- ⁶⁶ Подробно см.: *Замараева Н.А.* Пакистан: наводнение и спасательная операция армии // Институт Ближнего Востока. 2010. Сент. 10 (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/09-09-10a.htm>).
- ⁶⁷ Белокрыцкий В.Я., Москаленко В.Н. Указ. соч. С. 411.
- ⁶⁸ *Musharraf P.* Указ. соч. P. 65.
- ⁶⁹ *Rizvi H.A.* Указ. соч. P. 270.

Современная структура и функции вооруженных сил Таиланда

Алексей Кириченко

Однозначно определить роль армии в современной истории Таиланда практически невозможно: слишком много функций выполняли и продолжают выполнять тайские ВС, а оценки их деятельности могут быть очень различными. В любом случае наибольшее значение имеют не достижения ВС при выполнении боевых задач или при обеспечении обороноспособности страны, а их влияние на политику и экономику. В 50–80-е гг. прошлого века военные непосредственно контролировали власть и определяли векторы развития страны. Во взаимодействии с армией протекало становление современного тайского бизнеса и политических партий. На излете XX в. произошла некоторая «профессионализация» ВС, военные стали меньше участвовать в политике, но оставались ключевым сегментом тайских элит, преследующим собственные интересы. Борьба за влияние между политическими группировками, вылившаяся в затяжной кризис (с 2005 г. по настоящее время), создала предпосылки для очередного прихода ВС к власти (2006–2008 гг.) и превратила их в силу, без поддержки которой не может обойтись ни одна сторона, претендующая на значимость в политической жизни Таиланда.

Формирование и исторические особенности тайских ВС

Тайские ВС были первой профессиональной армией ЮВА, формально их историю уместно проследивать с начала XX в., когда был принят закон о всеобщей воинской обязанности и созданы сухопутные войска численностью 20 тыс. человек и ВМС численностью 5 тыс. человек. Примечательно, что ВС изначально мыслились не столько как инструмент отражения внешней агрессии – на том этапе она могла исходить только от Великобритании или Франции, противостоять которым на поле боя Сиам (тогдашнее название Таиланда) не был готов, а как средство борьбы с внутренними угрозами: бандитизмом, местным сепаратизмом, организованной преступностью и стачечным движением¹. Эта черта тайских ВС сохраняется до настоящего времени: в частности, в фактическом ведении армии находится Командование операциями по обеспечению внутренней безопасности (Internal Security Operations Command, КООВБ), созданное еще в 1965 г. для борьбы с коммунистическим движением и пережившее множество реинкарнаций. Принятый в 2007 г. «Закон о внутренней безопасности» возлагает ее обеспечение на ВС и предоставляет руководству КООВБ широкие возможности для действия даже без объявления чрезвычайного положения.

Другой изначальной особенностью тайских ВС была высокая степень автономии видов ВС, до определенного времени сопровождавшаяся противостоянием между ними. Предпосылками этого были разные основы формирования, статус и предназначение: в первой половине XX в. ВМС составляли элиту тайских ВС, на офицерских должностях там служили в основном представители аристократии. Сухопутные войска, напротив, были более «демократичными» и использовались для выполнения различной «грязной работы». Отражением особых позиций ВМС был также тот факт, что, помимо территориальных вод, в их ведении находились и обширные районы на суше. Соперничество армии и флота проявилось в годы Второй мировой войны, когда лидеры сухопутных войск ориентировались на Японию, а руководство флота – на США и других представителей Объединенных наций. В послевоенный период противостояние обострилось, кульминацией чего стал так называемый Манхэттенский путч (1951) – неудачная попытка офицеров ВМС обеспечить флоту политическое преобладание. После подавления путча ВМС подверглись реорганизации и были значительно ослаблены.

Некоторое формальное ограничение автономии СВ, ВМС и ВВС и их интеграция под единым командованием произошли в конце 1950–1960-х гг., когда у власти в Таиланде находились военные лидеры, среди прочих занимавшие пост главнокомандующего ВС и использовавшие его для сохранения влияния в войсках. В целом автономия наблюдается до сих пор, проявляясь в том, что

разработка бюджета и распределение средств происходит на уровне штабов видов ВС, тогда как утверждение со стороны министерства обороны и штаба верховного командования носит лишь формальный характер. Виды ВС также опираются на собственные системы подготовки офицерских кадров, технического и медицинского обеспечения².

Значительное влияние на облик и установки ВС Таиланда оказал патронаж со стороны США, под которым они находились в течение длительного времени. Альянс тайских силовых структур (ВС и полиции) со Штатами сложился к 1950 г. Заинтересованность была обоюдной: силовым структурам американский патронаж обеспечивал столь необходимую военную и финансовую помощь, США же получали надежный форпост в Юго-Восточной Азии, крайне актуальный в условиях холодной войны и постепенной эскалации Индокитайского конфликта. Налаживание партнерства с США избавило тайских силовиков от необходимости выстраивать отношения с гражданскими политиками и создало условия для установления военной диктатуры – формы режима, типичной для американских сателлитов в 1950–1980-е гг. XX в.

Союз означал не только, что отныне ВС Таиланда существовали и вооружались преимущественно на американские деньги, использовали американские ВВТ и направляли офицерский состав на обучение в командно-штабные училища США³. Еще одним последствием стало участие Таиланда в американских военных проектах в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. «Пробой пера» стала поддержка американской позиции по корейской проблеме в ООН и участие в миротворческих войсках, отправленных в Корею этой организацией⁴. Более существенным был вклад в Индокитайский конфликт (1945–1975), где Таиланд выступил основным союзником США.

С началом вооруженного вмешательства США в конфликт Таиланд предоставил военные базы, расширенные и модернизированные с американской помощью, для размещения более 50 тыс. военнослужащих США и нанесения бомбовых ударов по Северному Вьетнаму (ДРВ) и Лаосу. После 1964 г. в Южный Вьетнам также была направлена тайская дивизия численностью 11 тыс. человек (14 % сухопутных войск). Тайские «добровольцы», организованные в 27 батальонов легкой пехоты и 3 артиллерийских батальона (18–20 тыс. человек), принимали участие в «секретной войне» США в Лаосе с целью уничтожения «тропы Хо Ши Мина» (коммуникаций вьетнамских коммунистов, связывавших ДРВ с повстанческими базами в Южном Вьетнаме и проходивших через территорию Лаоса) и поддержания американских операций в Лаосе⁵.

Помимо открытых конфликтов, подобных корейскому и индокитайскому, ориентация на США и ставка на борьбу с «коммунистической

угрозой» в условиях холодной войны обусловили участие тайских военных в «буферных проектах» на границах страны. Первым из них стало создание на северо-западе Таиланда опорных баз гоминьдановских войск, в 1949 г. отступивших в район так называемого золотого треугольника (приграничные области Мьянмы, Лаоса и Таиланда) из китайской провинции Юньнань. Наличие этих баз и поддержка со стороны ЦРУ позволили гоминьдановцам предпринять несколько попыток наступления на КНР, а после их провала остаться в регионе, превратившись в инструмент противодействия повстанцам-коммунистам в соседних странах и ключевого участника не легального бизнеса и контрабандной торговли в зоне золотого треугольника. Для руководства тайских силовых структур, действовавших в данной зоне, это означало постоянную деятельность за пределами правового поля, а также получение доли доходов от местного нелегального бизнеса.

За «партнерством» с гоминьдановцами последовали «альянсы» с группировками шанов, каренов и монов на границе с Мьянмой, хмонгов на лаосско-тайской границе, а после 1979 г. и с отрядами «красных кхмеров» на границе с Камбоджей. Таким образом, в 50–90-е гг. XX в. почти на всех границах с соседними странами тайские военные «крышевали» нелегальные потоки товаров, начиная с сырья и потребительской продукции и заканчивая оружием и наркотиками⁶. Ситуация начала меняться лишь в 1990-е гг., и в настоящее время поддержка повстанцев практически прекращена. В конце 1990-х и начале нового века тайские ВС и спецслужбы даже осуществили ряд операций против базирующихся в Мьянме повстанческих группировок, участвующих в производстве и транспортировке наркотиков.

Объединение Вьетнама и победа коммунистов в Лаосе и Камбодже в 1975 г. привели к резкому уменьшению американского присутствия в регионе. Одновременно сократился и объем военного сотрудничества Таиланда и США. Таиланду пришлось компенсировать прорехи, возникшие в военном бюджете, с помощью кредитов у коммерческих банков США, Великобритании, Канады и ФРГ⁷. Впрочем, отношения с США не сошли на нет полностью: с 1980-х гг. проводятся многочисленные совместные учения, в последнее время включающие военнослужащих других стран АСЕАН и АТР. В 2001–2004 г. Таиланд содействовал американской «войне с терроризмом», принимая ограниченное участие в операциях «Несокрушимая свобода» и «Свободный Ирак», а в 2003 г. получил статус «основного союзника США вне НАТО».

В целом у тайских ВС весьма специфический и ограниченный опыт выполнения боевых задач. Помимо отправки контингентов в Корею и Вьетнам, миноритарного участия в операциях в Афганистане, Ираке и

мировотворческих проектах ООН⁸, а также незначительных пограничных столкновений с ВС Мьянмы (в начале 2000-х) и Камбоджи (в 2008–2010 гг.), в их активе только захват ряда районов Мьянмы и Камбоджи в годы Второй мировой войны и антиповстанческие операции внутри Таиланда. По сути, борьба с повстанцами и составляет основу тайского опыта ведения боевых действий.

Двумя основными внутренними конфликтами, с которыми Таиланд столкнулся после Второй мировой войны, были вооруженная борьба Коммунистической партии Таиланда (КПТ) с 1965 г. по конец 1980-х гг. и движение малайских сепаратистов в южных провинциях страны, в настоящее время трансформировавшееся в «серую зону» терроризма и неконтролируемого насилия. В обоих случаях собственно военные достижения тайских ВС выглядят более чем скромно (см. Приложение 1).

Еще одной исторической особенностью руководства тайских ВС является большая вовлеченность в политику. Политическая система Таиланда характеризуется высокой степенью нестабильности. С 1932 г., когда Таиланд перестал быть абсолютной монархией, в стране было совершено 18 переворотов или их попыток, сменилось 17 конституций и конституционных хартий. На политической арене существовало множество игроков, которые конкурировали друг с другом как в открытую, так и внутри сформированных ими тактических альянсов. Движущим мотивом этой борьбы были не столько идеологические или программные расхождения, сколько конкуренция за обладание ресурсами и влиянием. Тем самым политическая жизнь страны определялась чередой альянсов и противостояний, причем, с 1940-х по 1970-е гг. ее динамика зависела главным образом от геополитической ситуации в регионе, а в последующий период – от социально-экономических процессов. Все это время ВС оставались одной из важнейших, а зачастую и доминирующих сторон в политике.

Самостоятельность в управлении ВС и американский патронаж сформировали с 1960-х гг. специфический облик тайского генералитета – раздутого количественно (более 1000 чел.), порождающего умножение командных и консультативных структур и должностей (многие из которых не связаны с реальной деятельностью)⁹, а также быстроту ротации кадров и присвоения званий. Способность диктовать свои условия остальным сегментам тайских элит также обусловила активное участие военных не только в теневом, но и легальном бизнесе.

В конце 1940-х гг. под контроль армейских управленцев перешли госпредприятия, причем на этом этапе руководство ВС активно стремилось к расширению госсектора. Затем генералитет взял на себя распределение госконтрактов, перенаправив потоки бюджетных средств в

подконтрольные или приближенные к нему предприятия. Под контролем лидеров ВС оказались банки, торгово-закупочные, строительные, производственные компании, они также активно занимались спекуляциями землей и заготовкой леса. Поскольку успех в бизнесе стал невозможен без тесных отношений с военными, с 1950-х по 1970-е гг. в советы директоров всех сколько-нибудь серьезных предприятий непременно входили генералы, причем наиболее влиятельные из них «директорствовали» в десятках корпораций.

С конца 1970-х гг. тайский бизнес стал менее «милитаризованным», поскольку экономический рост и эволюция режима привели к умножению игроков и профессионализации многих сфер, включая управление и предпринимательство. Тем не менее и формальное, и неформальное участие генералов в бизнесе сохраняется.

Миссия и функции ВС

Миссия и функции тайских ВС определяются весьма широко и эклектично. «Закон об управлении министерством обороны» 1960 г. отнес к сфере ответственности ВС не только национальную оборону и обеспечение внутренней безопасности, но и развитие сельскохозяйственных районов. «Белые книги по вопросам обороны» 2005 и 2008 гг. и новая редакция «Закона об управлении министерством обороны», принятая в 2008 г., также отмечали, что миссией тайских ВС является защита национальных интересов и демократической формы правления во главе с королем, защита института монархии, развитие страны и оказание помощи населению, участие в проектах развития страны, инициированных короной, способствование улучшению отношений с соседними и союзными странами, участие в миротворческих и гуманитарных операциях, а также поддержка правительства в решении острых национальных проблем¹⁰.

Часть из этих функций – такие, как защита монархии и поддержка правительства, – связана с политической конъюнктурой и отражает то, что ВС сейчас, в условиях острой борьбы за власть и поляризации электората, используются как инструмент защиты интересов королевской семьи и приближенных к ней сегментов элит. Другие – такие, как социальная роль, участие в региональном и инфраструктурном развитии, миротворческие и гуманитарные функции, выдвигаются еще с конца 1980-х гг. как обоснование необходимости сохранить высокую численность ВС и осуществить их перевооружение. Военное руководство позиционирует эти направления деятельности как «профильные», делающие ВС «армией XXI в.», способной решать новые, современные задачи¹¹. Напротив, внешние наблюдатели усматривают в этом модификацию традиционно широкой трактовки понятия «национальная безопасность» и

препятствие на пути профессионализации ВС¹². Тем не менее подобный подход к миссии логично вытекает из той роли, которую ВС играют в структуре тайского государства.

Политическая роль ВС и их место в политическом процессе

Говоря об эволюции политической роли ВС, можно дать следующую примерную периодизацию этого процесса¹³.

- С конца 1940-х гг. по 1958 г. – военный режим, характеризующийся борьбой силовых структур за власть и контроль над ресурсами; выход на лидирующие позиции сухопутных войск, преобладание офицеров Первой дивизии, расквартированной в столичном районе;
- 1958–1973 гг. – установление диктатуры командующих сухопутных войск; постепенное превращение частей, расквартированных на севере, северо-востоке и востоке страны, в новые центры влияния благодаря активному участию в легальном и нелегальном бизнесе; увеличение числа игроков на политической и экономической аренах; борьба вокруг планирования преемственности в режиме и формирование движения за демократизацию;
- 1973–1988 гг. – сохранение общего контроля ВС над политической жизнью при нарастании фракционности в их руководстве и постепенном усилении парламента; адаптация ВС к отсутствию доминирующего лидера; переход к выборной модели формирования ключевых структур власти;
- 1988–2001 гг. – отход ВС от активной политической деятельности; нахождение у власти коалиционных правительств, формируемых из провинциальных политиков, технократов, представителей бизнеса, отставных военных;
- 2001–2005 гг. – выход на ведущие позиции премьер-министра Тхаксина Чиннавата и контролируемой им партии «Тайцы любят тайцев»; создание первого в истории Таиланда однопартийного правительства и курс на монополизацию основных рычагов власти; обострение противостояния с конкурирующими сегментами элит;
- С 2006 г. по настоящее время – радикализация борьбы между сегментами элит; затяжной политический кризис, ключевым фактором в котором становится поддержка верхушкой ВС более традиционных центров влияния (королевская семья и ее окружение, руководство Демократической партии); периодическая узурпация власти противниками Тхаксина.

Таким образом, за последние 60 лет ВС прошли путь от почти единоличного доминирования к разделению полномочий с королевским

двором, гражданской бюрократией, выборными политиками и бизнесом. При этом современный облик всех перечисленных структур сложился в тесном взаимодействии с военными, а отставные и действующие офицеры стали неотъемлемым компонентом каждой из них. Окончание холодной войны и значительное усложнение политической и экономической реальности Таиланда к 90-м гг. XX в. способствовали отходу военных от непосредственного управления страной. В то же время борьба за власть и влияние между различными сегментами элит, особенно обострившаяся в 2000-е гг., заставила конкурирующие силы манипулировать ВС в своих интересах и активно опираться на поддержку генералитета. В итоге неспособность противоборствующих сторон найти компромисс и эскалация политического кризиса создали ситуацию, в которой поддержка руководства ВС является решающим фактором выживания правительства.

Оценивая основные особенности развития Таиланда в условиях доминирования военных, следует отметить то, что нахождение «под крылом» США обусловило приверженность страны открытой, рыночной модели экономики. Наряду со значительными американскими расходами и притоком иностранных инвестиций¹⁴ это обеспечило Таиланду в 1960–1970-е гг. экономический бум, способствовавший укреплению позиций местного бизнеса, становлению современного рынка труда, росту городских средних слоев и развитию образования. Постепенная дифференциация в среде элит, складывание параллельных патронажных структур, процесс смены поколений и наличие бизнес-возможностей в разных районах страны – все это создало предпосылки для постепенного расширения выборности органов власти, отхода от жестко авторитарной и централизованной модели режима, укрепления позиций политических партий, роста значимости провинциальных политиков¹⁵. Все это происходило на фоне нарастания фракционности в среде офицерства и генералитета.

Отсутствие легитимности у военных режимов подтолкнуло их лидеров к укреплению имиджа королевской власти как символа суверенитета страны и духовного лидера нации (в период 1932–1957 гг. влияние двора было очень низким, а монархические настроения в политической идеологии почти отсутствовали). Массированная пропагандистская «раскрутка» королевской семьи и королевских проектов развития страны с 1960-х гг., а также длительность правления короля Пхумипхона Адуньядета (занял престол в 1946 г.) способствовали складыванию особой мифологии тайского монархизма. Ее основными тезисами стали лидирующая роль тайских королей на всех этапах истории, сохранение ими национальной независимости Таиланда в условиях колониальной экспансии европейских держав в XIX в., способность королевской власти возвышаться над конъюнктурой и частными интересами и руковод-

ствоваться только соображениями общенационального порядка, а также всенародная любовь по отношению к правящему государю.

В этой системе военные присвоили себе роль охранителей монархии – радетелей о благе тех, кто заботится о всеобщем благе. Данное амплуа стало особенно актуально в условиях текущего кризиса, когда противники Тхаксина Чиннавата и других политиков, эксплуатирующих социальное недовольство непривилегированных слоев населения, оправдывают свои действия (воснный переворот 2006 г., развал правящей коалиции посредством массовых беспорядков в 2008 г., подавление оппозиционных выступлений в 2009 и 2010 гг.) необходимостью защиты монархии, ликвидировать которую якобы стремится Тхаксин¹⁶.

Предпосылкой кризиса стал наметившийся в начале века слом политического устройства, сложившегося в Таиланде с середины 1970-х по 1990-е гг. Нарастание фракционности в военном руководстве с конца 1960-х гг. и отсутствие доминирующих фигур после 1973 г. привели к складыванию сложной системы балансировок и альянсов между ведущими партиями, влиятельными политиками, представителями генералитета и бизнеса. В этих условиях на первые роли на политической сцене вышли лица, способные заключать тактические союзы с другими стейкхолдерами и эффективно патронировать своих клиентов, а характерной формой режима стало коалиционное правительство, сформированное представленными в парламенте партиями (эти коалиции и партии были нестойкими и постоянно сменялись). Яркими примерами политиков такого толка являются генерал Прем Тинсуланон (с 1980 г. по 1988 г. занимал должность премьер-министра; с 1998 г. возглавил Тайный совет при короле, являющийся одним из ключевых центров неформального влияния), генерал Чавалит Йонгтаййут (премьер-министр в 1996–1997 гг., экс-патрон Тхаксина Чиннавата, ныне являющийся председателем протхаксиновской партии «Для тайцев»), Банхан Синлапа-ача (премьер-министр в 1995–1996 гг. и экс-лидер ныне распущенной «Партии тайской нации»). Таким политиком можно назвать и самого Тхаксина Чиннавата (премьер-министр в 2001–2006 гг. и экс-лидер ныне распущенной партии «Тайцы любят тайцев»), однако последнему судьба дала шанс выйти за рамки типовой роли.

Конституция 1997 г., усилившая выборные механизмы, и победа Тхаксина и ТЛТ на парламентских выборах 2000 г.¹⁷ создали возможность концентрации власти в руках одного лидера. Будучи амбициозным политиком, Тхаксин попытался сделать себя и подконтрольные ему структуры основной патронажно-перераспределительной системой в стране. В парламенте ТЛТ усилила свои позиции альянсом с рядом других партий, а также переманила ряд депутатов. На руководящие должности в силовых структурах были выдвинуты одноклассники Тхаксина в

Подготовительной школе училищ ВС (10-й выпуск)¹⁸. За годы нахождения у власти Тхаксин 12 раз перетасовывал кабинет, стараясь передавать ключевые должности своим союзникам и родственникам. Развернув в 2002–2003 гг. кампании по борьбе с коррупцией среди чиновников и транспортировкой и употреблением наркотиков, Тхаксин также нанёс удар по независимым от ТЛТ «местным боссам». При этом он сохранял популярность у значительной части электората. На выборах 2005 г. ТЛТ получила 75 % мест в нижней палате, и впервые в тайской истории было сформировано однопартийное правительство.

Концентрация власти и влияния в руках Тхаксина представляла собой отход от модели последних 25 лет и означала маргинализацию или сокращение влияния других игроков (короля и его приближенных, например, Према Тинсуланона, части армейской верхушки, политиков и бизнесменов, в особенности связанных с Демократической партией – ДП), а также вызвала поляризацию элит на его сторонников и противников. Огромный резонанс вызвала продажа Тхаксином и его родственниками доли в телекоммуникационной компании Shin Corporation. Сумма сделки составила около 1,8 млрд долл., при этом использовалась схема, позволившая избежать уплаты налогов и обойти ограничения на долю иностранной собственности в тайской компании¹⁹.

С 2006 г. оппоненты Тхаксина развернули наступление на него по нескольким фронтам: во-первых, они активно использовали массовые выступления протеста, создав для этого специальную организацию (Народный альянс за демократию, НАД). Во-вторых, предпринималась попытка изменить расклад сил в парламенте путем его роспуска и проведения досрочных выборов. Кроме того, в конце 2005 г. король и Тайный совет не дали Тхаксину осуществить очередной раунд перестановок в руководстве силовых структур, назначив на ключевую позицию главнокомандующих сухопутных войск своего кандидата. В 2006 г. последний поменял ряд командиров среднего звена, а в сентябре 2006 г., когда Тхаксин находился в США, произвел переворот.

Военное правительство действовало до начала 2008 г., обеспечив принятие новой, более консервативной конституции, усилив полномочия армейского руководства, добившись роспуска ТЛТ и запрета на политическую деятельность для основных функционеров партии, а также «зачистив» сторонников Тхаксина на значимых позициях в ВС, полиции и госаппарате. При этом правительство потерпело фиаско в решении более долгосрочных задач: преодолении кризиса и передаче власти лояльному гражданскому правительству. На парламентских выборах в декабре 2007 г. победу одержала не поддерживавшаяся военными ДП, а оппозиционная Партия народной силы (ПНС), пришедшая на смену ТЛТ.

Коалиционное правительство, сформированное ПНС в январе 2008 г., продержалось менее года. Выступления НАД, самым резонансным из которых стал захват аэропортов в Бангкоке, саботаж режима чрезвычайного положения со стороны руководства ВС, судебное решение о роспуске ПНС, все это, равно как и другие факторы, привело к распаду коалиции в декабре и формированию новой, во главе с ДП. Предпринятые оппозицией в 2009 и 2010 гг. попытки взять реванш, спровоцировав с помощью массовых манифестаций роспуск парламента и новые выборы, были подавлены частями ВС.

На парламентских выборах в июле 2011 г. безоговорочную победу одержала преемница ПНС партия «Для тайцев», после чего премьер-министром стала сестра Тхаксина Йинглак Чиннават. Это, впрочем, не означает разрешения кризиса, так как ожидаемая скорая смерть короля (в 2010 г. ему исполнилось 83 года) и поляризация элит делает новые раунды противостояния неизбежными. При этом руководство ВС, где в настоящий момент доминируют лица, близкие к королевской семье, выступает ключевой силой, способной влиять на исход этих раундов.

Система подготовки и присвоение званий

Система подготовки офицерского состава в основных чертах скопирована с США. «Магистральным» вариантом карьеры, открывающим возможность дослужиться до руководящих позиций в сухопутных войсках, является окончание Подготовительной школы училищ ВС (ПШУВС, Armed Forces Academies Preparatory School; срок обучения – два года, эквивалент двум последним классам старшей школы), а затем военного училища Тьюлатьомклау (Chulachomkhalo Royal Military Academy; срок обучения – пять лет), расположенного в Накхон Найоке. Выпускникам училища присваивается звание второго лейтенанта, плюс присуждается степень бакалавра в определенной области.

Обучение в ПШУВС и училище Тьюлатьомклау очень престижно, поэтому там учатся и кадеты из элит, не рассчитывающие служить в ВС. Большинство выпускников, выбравших военную карьеру (составляют примерно 15 % офицеров ВС²⁰), впоследствии дослуживаются минимум до генерал-майора²¹. Принадлежность к определенным выпускам школы и училища является важным фактором сегментации командного состава: синхронность ротации кадров в ВС (ежегодно сменяется персонал на более 500 командных позициях), а также связи, устанавливающиеся между кадетами за время обучения, обуславливают, что и верхушка генералитета, и ключевые офицерские группировки формируются на основе выпусков училищ. Для офицеров ВВС и ВМС аналогом Тьюлатьомклау являются Училище ВМС в Бан Пакна-

ме и Училище ВВС на военной базе Дон Мыанг. Срок обучения в обоих училищах также пять лет.

Офицерам в звании майора и подполковника предоставляется возможность получить высшее военное образование и поступить в Армейский командно-штабной колледж. Это является необходимым условием присвоения более высоких званий. Аналогичные командно-штабные колледжи есть и у ВМС и ВВС. После окончания командно-штабного колледжа возможно обучение в Армейском военном колледже, Штабном колледже видов ВС и Национальном военном колледже, являющемся наиболее «продвинутым» и престижным военным учебным заведением. Штабной колледж видов ВС предназначен для подготовки старших офицеров для службы в объединенных штабах, ежегодно к обучению здесь допускается ограниченное число кандидатов из СВ, ВМС и ВВС. Основной задачей НВК является развитие координации между военным и гражданским руководством в области планирования и управления обеспечением безопасности, поэтому обучение ориентировано на высокопоставленных военных, полицейских и гражданских чиновников, а программа охватывает военные, политические и экономические дисциплины.

Определенная доля офицерского корпуса также проходит обучение в училищах, штабных колледжах и специализированных военных образовательных центрах зарубежных стран – главным образом США и Австралии²². В последние годы еще одной страной, с которой Таиланд поддерживает связи в области военного образования, стала КНР.

Назначение на руководящие должности в ВС представляет собой политическое решение, хотя при этом учитываются и такие факторы, как срок службы (год выпуска из училища), лояльность и способности кандидатов. Присвоение званий и назначение на должности младших офицеров производится командующими дивизий. Назначения и перевод офицеров в звании от майора до полковника осуществляет главнокомандующий сухопутных войск. В отношении генералов командующие видами ВС составляют списки кандидатов для ежегодных ротаций, производимых 1 октября или 1 февраля. До 2008 г. общий список далее утверждался главнокомандующим ВС, затем министром обороны, премьер-министром и, наконец, королем с учетом рекомендаций Тайного совета. Роль министра обороны и премьер-министра в данном процессе была весьма высокой (свидетельством чему может служить активное вмешательство Тхаксина в формирование руководства ВС). На финальной стадии возможность влиять на назначения высших офицеров также имел Тайный совет.

С 2008 г. назначение руководящих кадров санкционируется комитетом в составе командующих видами ВС, главнокомандующим ВС, постоянным секретарем министерства обороны, самим министром обороны и премьер-министром.

Решения по спорным вопросам принимаются простым большинством голосов, после чего список передается на утверждение двору. Тем самым влияние выборных политиков на назначение руководства ВС сократилось: не случайно считается, что преемники Тхаксина из ПНС и Апхисит Ветчачива бывший премьером от ДП, не пытались вмешиваться в процесс ротации²³.

Принятый в 1954 г. «Закон о военной службе» предусматривает обязательный выход в отставку по достижении 60 лет. Теоретически достигший возраста увольнения военнослужащий может с разрешения правительства продолжить выполнять свои обязанности, но подобные исключения редки. Несмотря на частое изменение тайского законодательства и многочисленные отступления от него, правило выхода в отставку по возрасту строго соблюдается. Высшие руководящие позиции в ВС обычно занимают в течение сравнительно непродолжительного времени (один-два года, после 2006 г. – в ряде случаев три). Впрочем, выход в отставку еще не означает полной потери влияния, так как многие высокопоставленные отставники уходят в политику или включаются в такие значимые структуры, как Тайный совет.

Неформальное деление и фракции в рядах ВС

Концентрация влияния в руках определенных группировок военных, а также соперничество между ними представляют характерную особенность тайских ВС. В числе факторов, обуславливавших фракционирование, можно назвать автономию видов ВС, тактико-административную структуру и различия в источниках доходов командного состава в зависимости от района базирования, а также сегментацию, вызванную принадлежностью к разным кадетским выпускам.

Как уже отмечалось, с 1945 по 1957 г. силовые структуры Таиланда представляли собой фактически конкурирующие организации. Наиболее острое соперничество существовало между ВМС, полицией и сухопутными войсками. С оппозицией ВМС было покончено после попытки переворота 1951 г. Противоборство полиции и сухопутных войск было более длительным, так как у каждой структуры был свой патрон: полиция тесно сотрудничала с ЦРУ, тогда как сухопутные войска поддерживало министерство обороны США. Руководство полиции и сухопутных войск также извлекало значительные доходы из коммерческой деятельности. Так, шеф полиции и его приближенные монополизировали контроль над транспортировкой опиума из района золотого треугольника, а также были вовлечены в торговлю золотом, железнодорожные и автомобильные перевозки, банковский сектор²⁴. Руководители сухопутных войск извлекали основные доходы из патронирования бизнеса, сосредоточенного главным образом в Бангкоке²⁵.

Фактическое отстранение шефа полиции от власти в 1955 г. и переворот 1957 г. обеспечили доминирование сухопутных войск, в особенности командования расквартированной в центральной части страны Первой армии. С этого времени можно говорить о том, что основным фактором сегментации в ВС становятся не столько различия видов ВС, сколько особенности тактико-административной структуры сухопутных войск.

Американское присутствие и связанный с ним бум в экономике создали предпосылки для увеличения влияния офицеров из других районов. В этот период в Таиланде появилась новая прослойка предпринимателей, занимавшихся выполнением американских подрядов и заказов (строительство домов, ночных клубов, отелей и массажных салонов при американских авиабазах, предоставление питания, транспортных и прочих услуг). Вместо патронажа со стороны высшего командования им требовались связи с региональными командирами, что способствовало обогащению последних. Постепенно командный состав Второй, Третьей и Четвертой армий сравнивался по возможностям и влиянию с руководством доминирующей Первой. Другими бенефициариями американского присутствия стали штабные офицеры (штаб верховного командования) и командование ВВС²⁶. Группировки офицеров соответствующих армий, штабных офицеров и фракция ВВС–ВМС были основными конкурирующими центрами влияния в ВС в 1970–1980-е гг. При этом командующие региональных армий и штабные офицеры были в целом более успешны и составили костяк военных лидеров, игравших ключевые роли в тайской политике со второй половины 1970-х по 1990-е гг.

С 1980-х гг. еще одним существенным фактором сегментации стала принадлежность к кадетским выпускам. Младшие офицеры-одногодки стали создавать неформальные объединения, отстаивавшие свое видение задач и места ВС в политике и поддерживавшие определенных представителей руководства ВС. Со временем они и сами начали претендовать на более значимые роли. В конце 1970-х такой группировкой стали представители седьмого выпуска ПШУВС (1960), многие из которых входили в число так называемых «младотурков». Командуя полками и батальонами, они не контролировали ВС или сухопутные войска в целом, но играли важную роль в смещении премьер-министра Тханина Крайвичиана в 1977 г. и замене его на главкома сухопутных войск генерала Криангсака Чоманана, а затем в назначении премьером Према Тинсуланона. В 1980-е – начале 1990-х лидировал пятый выпуск (1958), выдвинувшийся при подавлении попыток переворотов 1981 и 1985 гг. и нейтрализации седьмого выпуска. Представители пятого выпуска контролировали большинство ключевых командных позиций с 1984 по 1992 г.

Провал военного переворота 1992 г., инициированного пятым выпуском, и ограничение влияния ВС в 1990-е гг. привели к тому, что принадлежность к кадетскому выпуску и неформальным группировкам в ВС стала менее существенным фактором для офицерской карьеры. Тем не менее как организационная особенность она сохранилась и приобрела новое значение на современном этапе.

«Реполитизация» ВС в период премьерства Тхаксина и вмешательство последнего в ротацию военных кадров привели к тому, что кадетские связи опять стали играть важную роль. В 2003–2006 гг. ключевые позиции оказались сосредоточены в руках представителей десятого выпуска (1963), к которому принадлежал и сам Тхаксин. Естественно, зависимость между годом выпуска и политической ориентацией не была абсолютно прямой, поэтому часть представителей десятого выпуска в армейском командовании с 2006 г. заняла антитхаксиновские позиции.

Ближайшие пару лет на основных командных должностях будут находиться в основном представители десятого – двенадцатого выпусков ПШУВС (1963–1965 гг.). Наиболее важным из них становится двенадцатый выпуск, так как к нему принадлежит генерал Прайут Тьян-оча, в октябре 2010 г. ставший командующим сухопутными войсками. В условиях острого противостояния с Тхаксином и его сторонниками королевская семья и ее окружение также сделали ставку на выходцев из 21-го батальона второй пехотной дивизии, отвечающего за охрану семьи.

Вторая пехотная дивизия, базирующаяся в провинции Прачинбури, использовалась в качестве основной ударной силы при подавлении оппозиционных выступлений в Бангкоке в 2010 г. (считается, что это объясняется ее максимальной лояльностью министру обороны, тогдашнему командующему сухопутными войсками и его заместителю генералу Прайуту, в разное время командовавшим 2-й дивизией). Преимущественное использование частей, расквартированных не в Бангкоке, можно рассматривать как признак брожения и недовольства в рядах ВС, многие представители которых (особенно среди рядового и сержантского состава) симпатизируют оппозиции. С 2009 г. тайская пресса начала писать о «солдатах-арбузах», носящих зеленую военную форму (внешне лояльных ВС), но имеющих красную сердцевину (поддерживающих оппозицию, цветом которой является красный). Самым ярким примером брожения в ВС стал переход на сторону оппозиции генерал-майора Кхаттии Саватдипхона (служил в КООВВ, в ходе протестов возглавил боевое крыло противников режима, убит снайперским выстрелом в мае 2010 г.).

Структура и бюджет ВС

ВС состоят из сухопутных войск (численность ЛС – 123 тыс. человек), ВМС (77 тыс.) и ВВС (47,5 тыс.). Кроме того, в стране действуют раз-

личные военизированные формирования, насчитывающие примерно 113,7 тыс. человек. Самыми известными являются подразделения легкой пехоты, именуемые «королевскими рейнджерами» (Royal Thai Rangers, 20 тыс.), созданные в 1978 г. для борьбы с КПТ и теперь размещаемые в пограничных районах и на юге, а также добровольцы (Volunteer Defense Corps, 45 тыс.), сотрудничающие с пограничной полицией²⁷. Сухопутные войска остаются ведущим видом ВС последние 60 лет, что в первую очередь проявляется в большем влиянии их командования, а также в направлении львиной части военного бюджета на нужды СВ.

Основная масса персонала ВС сосредоточена не на границах, а внутри страны, что обуславливается приоритетностью задачи обеспечения внутренней безопасности. Тактическая и административная структуры сухопутных войск предусматривают их деление на четыре региональных армейских командования. Округ Первой армии со штаб-квартирой в Бангкоке включает западные и центральные провинции Таиланда и его столицу. Северо-восток страны входит в состав округа Второй армии с центром в Накхон Ратчасиме, округ Третьей армии со штаб-квартирой в Пхитсанулоке включает северные и северо-западные провинции, а южные районы составляют округ Четвертой армии с центром в Накхон Си Тхаммарате.

Верховным главнокомандующим тайских ВС является король. Официальное руководство ВС осуществляют министр обороны и главком ВС. Минобороны контролирует деятельность и управление ВС и координирует военную политику с другими органами, отвечающими за национальную безопасность. Должность министра обороны, как правило, занимают отставные генералы. Основным связующим звеном между министром и ВС выступают постоянный секретарь и его заместители, являющиеся действующими военными. При министерстве существует ряд консультативных органов, помогающих министру при разработке проектов законов, составлении бюджета, мобилизации, подготовке и развертывании ВС в случае необходимости. В их числе можно назвать Совет по обороне, куда входят сам министр, его замы, постоянный секретарь, главком ВС, начштаба Верховного командования, главкомы родов войск, их замы, начальники штабов²⁸.

В вопросах мобилизации населения и ведения боевых действий консультативную помощь министру и Совету по обороне оказывает Совет командующих видами ВС (в составе главкома ВС и командующих видами ВС). По вопросам угроз для суверенитета страны аналогичные функции выполняет Совет национальной безопасности, состоящий из премьер-министра, его замов, генсека СНБ, министров обороны, иностранных и внутренних дел, связи и финансов, а также главкома ВС.

Штаб Верховного командования во главе с главкомом ВС отвечает за руководство действиями ВС в военное время и поддержание боеготовности

в мирное. В его ведении также находится охрана королевской семьи, участие в международных миротворческих операциях, проведение совместных учений с военнослужащими других стран и т.д. Структурно генштаб состоит из ряда отделов и дирекций, административно он подчиняется министерству обороны. Должность главкома ВС является престижной, но его влияние на ситуацию в видах ВС достаточно ограничено.

Реальными центрами власти в ВС, обладающими значительной управленческой автономией, являются штабы видов ВС и их командующие. Руководящая структура видов ВС отличается некоторой громоздкостью. В частности, в сухопутных войсках высший уровень командования составляют главком СВ, его заместитель, два помощника главкома и начальник штаба СВ. Позиции помощников главкома являются стратегически более значимыми, гораздо чаще становясь трамплином к должности главкома СВ, нежели какие-либо другие. Наличие должностей советников командующего СВ связано с особенностями ротации кадров, обычно назначение на них предвещает занятие одной из пяти высших руководящих позиций в СВ.

Таким образом, формальная структура руководства ВС, ориентированная на международные стандарты, далеко не в полной мере отражает организационную специфику тайских военных. Вплоть до настоящего времени контроль гражданских структур (и в том числе министерства обороны) над деятельностью ВС остается достаточно ограниченным, а ВС, по сути, самостоятельно определяют векторы своего развития. Примером этого, в частности, является тот факт, что военным удалось благополучно «провалить» предпринимавшуюся с конца 1990-х гг. военную реформу, направленную на профессионализацию и сокращение ВС²⁹.

Проявлением растущей самостоятельности ВС также стало увеличение сроков пребывания на руководящих должностях, произошедшее в последнее время. Так, в 1980-е – начале 2000-х гг. командующие СВ, как правило, оставались в должности в течение трех-четырех лет. Затем, в «лучшие годы» Тхаксина, ротация происходила ежегодно. Генерал Сонгхи Буййараткалини, назначенный на эту должность против воли Тхаксина, выполнял свои обязанности два года, его преемник Анухонг Пхауьинда – три года, а у нового командующего в запасе четыре года. Главкомы ВС менялись ежегодно с 2000 по 2006 г., далее очередной главком занимал должность два года, а нынешний будет занимать три года.

Процесс бюджетирования выглядит следующим образом. Командующие видами ВС подают заявки на выделение необходимых средств министру обороны, который обращается с соответствующим запросом в правительство. Правительство вносит оборонный бюджет на утверждение в нижнюю палату парламента, где при этом создается подкомитет

для проверки и контроля статей бюджета. Подкомитет изучает проект бюджета от 2 недель до месяца, после чего даст свои рекомендации, затем происходит голосование по принятию.

До начала 1990-х гг. контроля бюджета со стороны гражданских политиков как такового не было. Впоследствии дебаты об уместности тех или иных затрат перестали быть редкостью, однако степень независимого контроля остается низкой (что обуславливается преобладанием экс-военных в парламентском комитете по обороне и нахождением представителей правящей партии на должности его руководителя). Парламент, по сути, не является независимым центром формулировки военной политики, а последние правительства, стремясь добиться лояльности ВС, старались идти навстречу пожеланиям военных об увеличении бюджета.

Исходно сокращение военного бюджета было одной из целей и инструментов военной реформы, и в первой половине 2000-х оно было фактически осуществлено. Однако после переворота 2006 г. военное правительство разом увеличило оборонный бюджет на 33 % (до 3,4 млрд долл.). Обоснованием для этого стало давнее предложение ВС довести военные расходы до уровня 2 % ВВП, тогда как в конце 1990-х – начале 2000-х они составляли примерно 1,5 %. В следующем году бюджет был увеличен на 24 % (до 4,2 млрд долл.), а в 2009-м – на 18 % (до 4,8 млрд долл.). На 2010 г. планировался бюджет в 5,1 млрд, но в связи с кризисом он был сокращен на 574 млн. Бюджет на 2011 г. составил 5,6 млрд долл. На данный момент планируется поддерживать военный бюджет на уровне 1,6–1,7 % ВВП в период до 2020 г.³⁰

Адекватно судить о структуре военного бюджета достаточно сложно. В публикуемой версии существуют различия между ассигнованиями на оборону и бюджетом министерства обороны, через которое проводится финансирование ВС. Функциональное и структурное распределение финансов также учитываются отдельно, что не позволяет привести данные о военном бюджете в интегрированном виде и судить, какое место в бюджетах видов ВС занимают те или иные категории расходов. В целом, основная часть средств идет на финансирование СВ, а назначение до 70 % затрат – административные расходы и расходы на персонал. Бюджет закупки нового ВВТ видов ВС составляет 10-14 %.

Параллельно с увеличением бюджета участились и случаи скандалов при закупке ВВТ. Громкий резонанс вызывали истории с несостоявшейся закупкой 12 самолетов Су-30МКМ, меморандум о продаже которых был подписан в 2005 г. (вместо них правительство Таиланда купило 12 JAS-39 Gripen и два самолета ДРЛО Saab Erieye); контрактом на поставку 96 украинских бронетранспортеров БТР-3Е1 Guardian (2007 г.), которая оказалась задержана более чем на два года; закупкой 775 некондицион-

ных детекторов взрывчатых веществ GT200 у британской Global Technical (2009 г.); приобретением легкого дирижабля Aerog 40D Sky Dragon (2010 г.), который также оказался не пригоден к эксплуатации.

Таблица 1.1 Бюджетные ассигнования по статье «Оборона и ВС», млн бат

Статья	2008	Доля в нац. бюдж.	2009	Доля в нац. бюдж.	2010	Доля в нац. бюдж.	2011	Доля в нац. бюдж.
Оборона и ВС	142 291,6	8,6%	168 231,8	8,6%	153 543,9	9,0%	168 318,8	8,1%
Национальная и гражданская оборона	142 044,4		168 054,8		152 856,2		167 211,8	
Прикладные исследования военного назначения	247,2		177,0		687,7		1 107,2	

Таблица 1.2 Бюджет министерства обороны, млн бат

Статья	2008	Доля в нац.бюдж./бюдж.МО	2009	Доля в нац.бюдж./бюдж.МО	2010	Доля в нац.бюдж./бюдж.МО	2011	Доля в нац.бюдж./бюдж.МО
Минобороны	143 518,9	8,6%	170 157,4	8,7%	154 032,5	9,1%	168 501,8	8,1%
Офис постоянного секретаря	5 412,2	3,77	6 261,0	3,68	5 679,2	3,69	6 043,2	3,59
Департамент королевского адъютанта	465,8	0,32	660,7	0,39	631,4	0,41	541,2	0,32
Штаб Верховного командования	12 003,2	8,36	14 067,3	8,27	12 669,5	8,23	13 574,4	8,06
СВ	71 007,7	49,48	84 299,5	49,54	75 864,2	49,25	82 635,2	49,04
ВМС	27 823,6	19,39	33 093,4	19,45	29 822,5	19,36	33 068,6	19,62
ВВС	26 812,4	18,68	31 775,5	18,67	28 748,1	18,66	31 626,9	18,77
Институт оборонных технологий					617,6	0,4	1 012,3	0,6

Таблица 1.3. Функциональное использование бюджета министерства обороны, млн бат

	2008	%	2009	%	2010	%	2011	%
Личный состав	62 767,9	44,11	67 602,0	40,18	72 936,8	47,35	73 148,3	43,42
Операционные расходы	12 196,1	8,57	16 452,1	9,78	16 284,3	10,57	16 739,9	9,9
Материальная часть	3 776,5	2,65	4 356,2	2,59	4 420,2	2,87	5 005,1	2,98
Субсидии	994,7	0,7	1 047,8	0,62	2 617,4	1,7	2 859,0	1,7
Прочие расходы	62 556,4	43,96	78 773,7	46,82	57 773,8	37,51	70 749,5	42,0
Итого	142 291,6	100	168 231,8	100	154 032,5	100	168 501,8	100

Источник: Bureau of the Budget, Thailand. Thai Budget in Brief (<http://www.bb.go.th/lbbhomeeng/page.asp?option=content&dsc=Budget+in+Brief&folddsc=04003>).

Заключение

С момента создания ВС Таиланда прошли значительную эволюцию. Выдвинувшись на авансцену политической и экономической жизни в 1950-е годы, они до сих пор остаются значимой силой в этих сферах. В целом за последние 60 лет была достигнута определенная интеграция ВС, а их деятельность теперь больше соответствует нормам законодательства. По сравнению с 1950–1970-ми гг. заметно сократилось прямое участие тайских военных в легальном и нелегальном бизнесе. В то же время контроль со стороны гражданских политиков и «выборных органов» власти над тайскими ВС достаточно ограничен. По этому параметру тайские ВС остаются на более «ранней» стадии становления формальных государственных механизмов, нежели, скажем, индонезийские или южнокорейские. При этом основным фактором, позволившим ВС сохранить такую степень автономии, стали политическая роль монархии и неформальный альянс между ВС, королевской семьей и приближенными к ней лицами.

Текущий кризис дал ВС возможность избежать реформирования и обрести большую самостоятельность по таким параметрам, как бюджетирование, закупка ВВТ и влияние на политику в области внутренней безопасности. Функции ВС в ближайшее время будут оставаться максимально широкими. В то же время ориентация на королевский двор, скорее всего, будет устойчивой только до смерти нынешнего короля, а в последующем

раскладе ВС могут найти себе другого патрона или сосредоточиться на отстаивании собственных интересов. При любом сценарии перераспределения влияния в ВС централизации и сокращения автономии их видов не приходится ожидать в течение как минимум пяти-десяти лет.

Приложение 1.

Внутренние конфликты и антиповстанческая деятельность ВС

КПТ, проводившая вооруженную борьбу с режимом с 1965 по конец 1980-х гг., сформировалась под влиянием коммунистических партий Китая и Индокитая. Партия состояла преимущественно из представителей китайской общины, опиралась на поддержку извне и была слабо связана с тайскими городскими слоями. Она рекрутировала членов в отдаленных деревнях, главным образом на северо-востоке и севере страны. На севере КПТ использовала дискриминационную политику правительства в отношении горных народов (в первую очередь хмонгов), чтобы привлечь тех на свою сторону. В южных провинциях КПТ использовала сепаратистские настроения среди малайцев и сотрудничала с их повстанческими движениями.

В 1960–1970-е гг. тайские военные воспринимали КПТ как проблему, которую нужно решать военным путем, и не учитывали, что во многих районах страны партия, по сути, выступает в роли контргосударства. Антикоммунистическая стратегия строилась по принципу «обнаружить и уничтожить», действия сухопутных войск подкреплялись ударами артиллерии и авиации. На самом деле, репрессивные меры, от которых страдало мирное население, лишь способствовали росту популярности КПТ.

Основной причиной перелома в противостоянии с КПТ в 1980-е гг. и схода партии с исторической арены стали не столько действия тайских ВС и КООВБ, сколько изменение геополитической ситуации и внутренние проблемы самой КПТ. Вторжение Вьетнама в Камбоджу в 1979 г., покончившее с режимом «красных кхмеров», привело к конфликту между Вьетнамом и КНР. Параллельно с этим происходило сближение КНР с США, а значит, и с американскими союзниками. В итоге к началу 1980-х КПТ одновременно лишилась поддержки и китайских, и вьетнамских товарищей. При этом руководство партии не смогло адекватно отреагировать ни на эти изменения, ни на расширение социальной базы КПТ во второй половине 1970-х – вместо усиления оно привело к нарастанию внутренних противоречий и расколам. В результате бойцы КПТ отреагировали на своевременно объявленную амнистию и в массовом порядке начали складывать оружие.

Борьба сепаратистов за отделение от Таиланда южных провинций Паттани, Наратхиват и Йала, в которых преобладают малайцы, нача-

лась в 1940-е гг.; в 1948 г. она приобрела вооруженный характер. С 1940-х по 1980-е гг. правительству противостоял ряд организаций с различными целями и программами, наиболее известной и многочисленной из которых была Объединенная организация освобождения Паттани (Pattani United Liberation Organization). К началу 1990-х гг. удалось добиться практического прекращения деятельности этих структур, однако исходная причина их появления – отсутствие у местного населения возможности влиять на политику властей – устранена не была.

С 2004 г. началось резкое обострение ситуации. В результате террористических актов и убийств мирных жителей с января 2004 г. по начало 2009 г. погибло около 3 тыс. человек и более 6 тыс. было ранено. В отличие от предыдущих конфликтов, действия антиправительственных сил направлены прежде всего против гражданского населения и сопровождаются особой жестокостью. Ответственность за террористические акты никто не берет, не выдвигаются никакие требования, что значительно осложняет урегулирование проблемы. Считается, что за насильем в Южном Таиланде стоит непрочная коалиция из исламистских повстанческих групп, ведущей из которых является Национальный революционный фронт – Координата (Barisan Revolusi Nasional – Coordinate). Повстанцы организованы в ячейки из 5–10 человек (в 2006 г. их насчитывалось порядка 500), которые практически не взаимодействуют друг с другом, финансово независимы и поддерживаются на средства самих участников. Ни жесткая репрессивная политика, проводившаяся в 2004–2006 гг., ни применение более гибкого подхода и выдвижение предложений повстанцам после 2007 г. не принесли результатов³¹. В этих условиях правительство пошло на замену полиции и армейских подразделений военизированными формированиями, что привело лишь к появлению частных милиций и «комитетов бдительности» и углублению конфликта³².

¹ *Phongpaichit P., Baker C.* Thailand: Economy and Politics. Second Edition. – New York: Oxford University Press, 2002, P. 244.

² *Manakit P.* Role of Parliament in Defence Budgeting in Thailand. Paper presented at the Fourth Workshop of the Inter-Parliamentary Forum on Security Sector Governance: Defence Budgeting in ASEAN Member States – Parliamentary Perspectives. 2008 (http://ipf-ssg-sea.net/4th_WS/manakit.pdf).

³ С 1951 по 1972 г. американская военная помощь Таиланду составила примерно 1,2 млрд долл. США, ежегодно формируя примерно половину военного бюджета страны. Помимо этого, финансовая помощь оказывалась тайской полиции и по линии USAID. При поддержке США оборонный бюджет Таиланда вырос с примерно 20 млн долл. в начале 1950-х до примерно 250 млн в начале 1970-х. С учетом внутренних и внешних источников финансирование ВС за 20 лет увеличилось в 17 раз. *Phongpaichit P., Baker C.* Thailand: Economy and Politics. Second Edition. – New York: Oxford University Press, 2002, P. 296.

- ⁴ Численность тайского контингента составила 6,5 тыс. человек.
- ⁵ Эти батальоны рекрутировались тайской армией, их основу составляли кадровые военные, преимущественно «увольнявшиеся» из ВС. Подготовка занималась ЦРУ и сотрудники U.S. Special Forces, зарплату выплачивали США. *Marks T. Thailand: Anatomy of a Counterinsurgency Strategy // Military Review. vol. LXXXVII, no. 1 (January–February 2007), PP. 42, 51.*
- ⁶ Об этом феномене, в частности, см. классическую работу *A. Маккой*, в последнем издании озаглавленную *McCoy A. The Politics of Heroin: CIA Complicity in the Global Drug Trade* (New York: Lawrence Hill & Co. 2003). Также см. *Nsia-Perra K. and Pearson F.S. Official and Illicit Arms Transfer Data in Southeast Asia // Journal of Peacebuilding & Development, Vol. 5, no. 1, 2009, PP. 101–108; Heupel M. Shadow Trade, War Economics and Their Challenge to Peacebuilding // Journal of International Relations and Development (2006) 9, PP.140–169.* Из художественной литературы ярким, адекватным реальности образцом является *Saul J.R. The Next Best Thing.* – Toronto: Collins, 1986.
- ⁷ К концу 1980-х годов Таиланд одолжил на эти цели 335 млн долл. *Thailand: A Country Study. / Ed. by Barbara Leitch LePoer.* – Washington: Library of Congress, 1987, P. 178.
- ⁸ В последние годы тайские военные участвовали в международных контингентах и наблюдательных миссиях ООН на Восточном Тиморе, в Камбодже, Сьерра-Леоне и Судане.
- ⁹ *McCargo D. Security, Development and Political Participation in Thailand: Alternative Currencies of Legitimacy // Contemporary Southeast Asia, vol. 24 No. 1 (April 2002), P. 52.*
- ¹⁰ *The Defence of Thailand 2005 / Ministry of Defence White Paper. Bangkok: MOD, 2005; The Defence of Thailand 2008 // Ministry of Defence White Paper. Bangkok: MOD, 2008.*
- ¹¹ *Kumpoong P. New Roles of the Thai Military: Readjusting for the 21st Century* (www.nids.go.jp/english/exchange/farf/pdf/thailand_paper.pdf); *Tiantong D. The Roles of Thai Military in the New Security Environment // Thailand Monitor. 2004.* (http://thaiworld.org/en/thailand_monitor/answer.php?question_id=53).
- ¹² *Taw J. Thailand and the Philippines: Case Studies in U.S. IMET Training and Its Role in Internal Defense and Development // Santa Monica: Rand, 1994; Lee T. The Causes of Military Insubordination: Explaining Military Organizational Behavior in Thailand // Paper read at the 46th Annual Meeting of the International Studies Association Honolulu, Hawaii, March 2005, P. 26–27* (www.spp.nus.edu.sg/docs/wp/wp0508.pdf).
- ¹³ Более подробное описание эволюции тайских военных как политической силы см. в следующих работах: *Phongpaichit P., Baker C. Thailand: Economy and Politics. Second Edition.* – New York: Oxford University Press, 2002; *Bamrungruk S. United States Foreign Policy and Thai Military Rule 1947–1977.* – Bangkok: Editions Duang Kamol, 1988; *Bunbongkarn S. The Military in Thai Politics, 1981–1986.* – Singapore: ISEAS, 1987; *Бектмирова Н.Н., Дольникова В.А. Камбоджа и Таиланд: Тенденции политического развития (1980–2000).* – М.: Гуманитарий, 2007; *Кириченко А.Е. Вооруженные силы в политической системе Таиланда // Экспорт вооружений, № 5, 2007, С. 3–15.*
- ¹⁴ В 1966–1968 гг. расходы США обеспечивали половину роста ВВП Таиланда. См. *Lee T. The Causes of Military Insubordination: Explaining Military Organizational Behavior in Thailand // Paper read at the 46th Annual Meeting of the International Studies Association Honolulu, Hawaii, March 2005, P. 21* (www.spp.nus.edu.sg/docs/wp/wp0508.pdf). Наиболее интенсивный рост наблюдался в сфере услуг, транспортной и строительных индустриях.
- ¹⁵ Расширение поля деятельности политических партий было очень важно для многих оставшихся генералов, так как занятия политикой и участие в дележе министерских портфелей и других должностей позволяли им сохранить влияние и после выхода в отставку.
- ¹⁶ В целом укорененность монархической мифологии вынуждает большинство мейнстримовых политиков использовать промонархическую риторику и позиционирование.
- ¹⁷ ЦПТ была партией крупного бизнеса, поднявшейся на волне экономического кризиса 1997 г. Накануне выборов 2000 г. о поддержке Тахасина заявляли главы Bangkok Bank (крупнейшего тайского банка и пятого по величине в ЮВА) и крупнейшего тайского кооператора Chaopon Pookhand. Партия обещала покончить с доминированием МВФ, экономические рецепты которого были невыгодны для тайского бизнеса, стимулировать предпринимательство, избавить банки от «плохих» долгов, кроме того, ее программа была привлекательна для малоимущих и жителей сельских районов. ЦПТ также эффективно построила избирательную кампанию, использовав современные политтехнологии и огромные финансовые вложения. *Phonpaichit P. and Baker C. Pluto-Populism in Thailand: Business Remaking Politics // John Sidel and Eva-Lotta Hedman*

- (eds), *Populism and Reformism in Asia*, New Haven: Yale University Press, 2005 (<http://pioneer.netserv.chula.ac.th/~ppasuk/plutopopulism.pdf>), PP. 4–6.
- ¹⁸ С 2002 по 2003 г. Тхаксин назначил 35 своих однокашников на ключевые командные посты в ВС, а его двоюродный брат Чайясит осенью 2003 г. стал главкомом сухопутных войск. В это же время однокашники и родственники Тхаксина, включая брата его жены, заняли большинство ключевых позиций второго уровня в полиции. *McCargo D. and Pathmanand U. The Thaksinization of Thailand // Copenhagen: NIAS Press, 2005, PP. 135–150; Phonpaichit P. and Baker C. Pluto-Populism in Thailand: Business Remaking Politics // John Sidel and Eva-Lotta Hedman (eds), Populism and Reformism in Asia*, New Haven: Yale University Press, 2005 (<http://pioneer.netserv.chula.ac.th/~ppasuk/plutopopulism.pdf>), PP. 11–12. О значении кадетских выпусков в тайских силовых структурах см. далее.
- ¹⁹ Analysis: Complex transaction a model for avoiding tax, ownership law // *The Nation*. 26 January 2006 (<http://www.nationmultimedia.com/specials/shincorp/shin22.html>).
- ²⁰ В остальной части потребность в младших офицерах удовлетворяется с помощью производства и офицеры старших сержантов, имеющих за плечами около 15 лет службы в ВС, а также курсов высшей подготовки офицеров резерва, обучение на которых в течение 3 лет является альтернативой призыву, а при обучении в течение 5 лет обеспечивает звание второго лейтенанта запаса.
- ²¹ *McCargo D. Security, Development and Political Participation in Thailand: Alternative Currencies of Legitimacy // Contemporary Southeast Asia*, vol. 24 No. 1 (April 2002), P. 52.
- ²² В период с 1952 по 1994 г. обучение в США прошли примерно 21 тыс. тайских офицеров. Пиковые показатели (до 1500 человек в год) были достигнуты в годы войны в Индокитае. В 1980–2000 гг. в среднем 150–200 тайских офицеров в год проходят обучение в США. *Tau J. Thailand and the Philippines: Case Studies in U.S. IMET Training and Its Role in Internal Defense and Development // Santa Monica: Rand, 1994, P. 22; Baseel J. Socio-Cultural Aspects of Thai and United States Military Relations // DISAM Journal of International Security Assistance Management, 2010 (<http://www.faqs.org/periodicals/201003/2027705951.html>).*
- ²³ *Chambers P. U-Turn to the Past? The Resurgence of the Military in Contemporary Thai Politics // Democracy under Stress. Civil-military relations in South and Southeast Asia*, Bangkok: ISIS (Friedrich Ebert Stiftung), 2010.
- ²⁴ *Fineman D. A Special Relationship: The United States and Military Government in Thailand, 1947–1958*. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1997, P. 151.
- ²⁵ *Suehiro A. Capital Accumulation in Thailand, 1855–1985*. – Tokyo: Centre for East Asian Cultural Studies, 1989. По существующим подсчетам, с 1952 по 1957 г. в пралениях 42 из 107 компаний с директорами-военными состояло по три или более лиц, работающих в совете министров или при нем. См. *Riggs F. Thailand: The Modernization of a Bureaucratic Polity*. – Honolulu: East-West Center Press, 1966, P. 255.
- ²⁶ До 1950-х годов ВВС были развиты очень слабо, в них служили всего 4 тыс. человек. Благодаря американским инвестициям и подготовке были значительно модернизированы и усилены.
- ²⁷ Country Profile: Thailand, July 2007 // Library of Congress – Federal Research Division, PP. 24–25 (<http://lcweb2.loc.gov/frd/cs/profiles/Thailand.pdf>).
- ²⁸ Ministry of Defence (http://www.mod.go.th/eng_mod/index.html).
- ²⁹ Генеральный план реформирования минобороны и реструктуризации ВС был утвержден Советом по обороне в октябре 1999 г. Планировалось создать единую систему командования во главе с комитетом начальников штабов, который должен был установить оперативный контроль за ВС, учредить пять объединенных командований, централизовать систему закупок ВВТ под контролем Совета по обороне, сократить ВС примерно на 72 тыс. человек (25 %). План должен был реализовываться в два этапа до 2006 г. Попытки осуществления плана встретили ожесточенное сопротивление в ВС и не дали результата. Предусмотренное конституцией 1997 г. реформирование руководства ВС к 2004 г. застряло на стадии обсуждения в 2003–2004 гг., а дальнейшая работа соответствующих органов была парализована политическим кризисом. В результате основное внимание в военном развитии в этот период уделялось закупкам ВВТ, а не выработке стратегии и профессионализации ВС. Правительство, пришедшее к власти в 2006 г., тут же увеличило оборонный бюджет, причем в этом отношении за ним последовали и все последующие правительства. См. *Kingdom of Thailand Primer // Virtual Information Center, U.S. Department of Defense*. October 2004, PP. 54–55 (www.akha.org/upload/documents/thailandprimer).

pdf); Wattanayagorn P. The Thai Military in the New Era // Paper prepared for a conference on “Security Sector Reform in the National and Regional Contexts” Thailand 2006 (www.parliament.go.th/ipuseminar/asset/PPT002.pdf).

³⁰ <http://www.thaiarmedforce.com/taf-military-news/58-other-thai-news/103-10-years-procurement-plan-begin.html>.

³¹ *Melvin N.* Conflict in Southern Thailand: Islamism, Violence and the State in the Patani Insurgency // SIPRI Policy Paper no. 20. Stockholm: SIPRI, 2007; *Sarosi D.* and *Sombutpoonsiri J.* Rule by the Gun: Armed Civilians and Firearms Proliferation in Southern Thailand // *Nonviolence International Southeast Asia*, 2009 (http://www.humansecuritygateway.com/documents/NVISEA_ArmedCiviliansFirearmsProliferation_Thailand.pdf).

³² По мнению экспертов, корни проблемы лежат в структурных особенностях тайского государства: доминировании центра и жестко вертикальной административной культуре, неспособности верхушки тайской бюрократии, ВС и королевского двора делить полномочия с местными элитами и децентрализовать местное управление, отсутствии институциональных возможностей для диалога между оппозиционными силами в тайской политике. Подробнее см. *McCargo D.* *Tearing Apart the Land: Islam and Legitimacy in Southern Thailand*. – Ithaca: Cornell University Press, 2008. Это даст основание считать, что собственно военное решение проблемы южных провинций невозможно, а локальный конфликт там будет продолжаться. Собственно руководство тайских ВС и само прогнозирует, что ранее, чем через 20 лет проблема не решится.

Роль армии в политической системе Турции

Александр Васильев

На протяжении веков армия играла значительную роль в жизни Османской империи, а затем и Турецкой Республики. Предпосылки такой ситуации сложились еще в XIV–XVI вв., когда османские султаны начали создавать военно-административную структуру управления государством и мощную армию, включавшую многочисленные артиллерийские подразделения и стрелковые части, вооруженные огнестрельным оружием. На всем пространстве тогдашнего мусульманского мира османские солдаты, умевшие не просто стрелять из огнестрельного оружия, а делать это прицельно и затем обслуживать оружие, ценились весьма высоко и нередко принимали участие во внутри- и внешнеполитических конфликтах того времени. Зачастую обученные военные контингенты османских солдат поставлялись мусульманским правителям Африки, Средней и особенно Юго-Восточной Азии в качестве оплаты за поставки предметов роскоши, пряностей и эксклюзивных товаров с Дальнего Востока. Но начиная с XVIII в. растет отставание Турции от ее соперников – европейских государств и России – в технике, технологии производства вооружений и в развитии военного дела в целом.

Для преодоления военной отсталости в конце XVIII в. османские султаны начали проводить ряд военных реформ, подразумевавших создание современного офицерского корпуса, а также подготовку артиллерийских, инженерных и флотских подразделений в соответствии с европейскими уставами и методиками. Именно преобразование армии по европейским образцам в Османской империи в годы правления султана Селима III¹, а также военные реформы султана Махмуда II позволили создать новые поколения офицерских кадров, которые впоследствии оказали существенное воздействие на ход турецкой истории².

Образование по европейскому образцу и знакомство с западной культурой, литературой, историей и общественно-политической жизнью оказали существенное влияние на формирование политических и социальных предпочтений турецкой военной элиты. Армия перестает быть только лишь инструментом в политике Турции, а офицерский корпус становится активным участником политической жизни страны. Многие османские офицеры участвовали в тайных конституционных обществах, боровшихся за ограничение султанской власти. Впоследствии это стало определенной традицией, и в случаях вмешательства армии в политическую жизнь страны именно такие тайные сообщества становились организационными центрами заговора.

Такая политическая активность была связана с изменением социальной базы и личного состава офицества Османской империи. В течение XIX в. прилагались усилия по модернизации армии, приобретению современного вооружения, улучшению системы подготовки кадров. Карьера офицера теперь стала доступной не только для представителей аристократии, но и для разночинцев, мелких чиновников и др. Зачастую к карьере в армии стремились многие малоимущие граждане Османской империи, потому что это был достойный способ «выйти в люди» – получить хорошее образование и занять видное положение в обществе. А благодаря тому, что в 1909–1910 гг. младотурки упорядочили систему присвоения званий, отменили привилегии для знати и сократили число высших военных должностей, для молодых офицеров открывались перспективы карьерного роста. В результате к началу XX в. офицерский корпус во многом сформировался из представителей мелкой анатолийской буржуазии, мелких служащих и разночинцев. Таким образом, сформировалась новая прослойка военной бюрократии – молодая, образованная, политически активная. Однако и в Османской империи, и в Турецкой Республике офицерский корпус нельзя рассматривать как единое целое с точки зрения политических взглядов. К началу Первой мировой войны в Турции в среде офицества наметились две основные противоборствующие группировки. Первая – молодые младшие и старшие офицеры, и вторая –

старый генералитет, во многом связанный с верхушкой управленческого и бюрократического аппарата государства. В итоге в 1920-е гг. старый генералитет потерпел поражение в результате модернизации, проведенной Ататюрком, и был выведен из политической игры³.

Многие молодые офицеры сражались на фронтах национально-освободительной войны против европейских интервентов, а впоследствии вошли во властную систему Турции, участвуя в различных политических партиях и движениях. Следует отметить, что, несмотря на развал империи, отдельные части армии сохранились, а затем стали очагами сопротивления во время национально-освободительной борьбы. Этому отчасти способствовала политизация армии и ее вовлеченность в политические процессы на территории империи. Вместе с тем политизация ослабила армию в военном отношении. В то же время сохранению армии способствовали ее иерархическая структура, а также статус «государства в государстве». Исторический опыт, приобретенный армией и офицерством в годы распада империи и создания национального государства, впоследствии окажет серьезное влияние на дальнейшее развитие политических процессов в республиканский период истории Турции.

По мнению турецких исследователей, на протяжении истории существования Османской империи армия играла важную роль в деле сохранения и защиты государства. Но постоянно сохранялся приоритет гражданской власти⁴. Мустафа Кемаль продолжил эту традицию, выйдя в отставку 8 июля 1919 г. для того, чтобы вступить в политическую борьбу и возглавить сопротивление интервентам в национально-освободительной борьбе 1918–1923 гг.⁵

После победы в национально-освободительной борьбе⁶ Мустафа Кемаль Ататюрк сформулировал концепцию участия вооруженных сил в политической жизни страны с целью обеспечения модернизации и вестернизации страны. Под модернизацией и вестернизацией здесь подразумевалось ускоренное индустриальное развитие с целью обеспечения национального суверенитета и обеспечения интересов национальной буржуазии. В соответствии с его замыслом, на армию возлагалась задача обеспечить безопасность республики как от внешних, так и от внутренних врагов, гарантировать реформы и модернизацию общества и экономики. Таким образом, были созданы предпосылки для дальнейшего легитимизированного вмешательства армии в политическую жизнь страны. Сам Ататюрк был убежден в том, что армия должна быть отдалена от политики и вместе с тем лояльна по отношению лично к нему. И действительно, пока он был жив, армия непосредственно не вмешивалась в общественно-политическую жизнь страны. В проведении внутренних реформ главной опорой Ататюрка оставалась армия.

Именно поддержка армии и молодого офицерства позволила ему провести такие радикальные для тогдашней Турции реформы, как отмена султаната, провозглашение республики, ликвидация халифата, секуляризация права и системы образования, введение латинского алфавита. В противном случае это было бы невозможно. Именно армия подавила вызванные недовольством реформами восстания в 1925 г. и в 1930-е гг. При этом Ататюрк решительно выступал против прямого участия военных в политической жизни страны. Офицерам было запрещено выставлять свои кандидатуры на выборах; начиная политическую карьеру в партии, они должны были уволиться из армии, как это когда-то совершил сам Мустафа Кемаль.

В качестве инструмента для проведения своего модернизационного проекта Ататюрк использовал собственную партию и парламент. В 1923 г. была создана Народно-республиканская партия (НРП). Партия оказалась мощным орудием внутривнутриполитической борьбы в руках молодых офицеров. НРП использовала для распространения принципов кемализма в массах местные партийные организации, школы, народные дома (аналог советских изб-читален), а также создала образовательные курсы в армии для молодежи, проходившей службу по призыву. В связи с этим армия была еще и важным элементом системы образования и идеологической работы с сельской молодежью. Это было особенно важно, поскольку именно деревня в 1920-е гг. была основным оплотом реакции. Кроме этого, армия была и важным элементом модернизации, поскольку именно благодаря военной службе молодые крестьяне приобщались к знаниям и получали различные специальности, которые позволяли им после окончания срока службы повысить свой социальный статус.

В 1931 г. 3-й съезд НРП утвердил основные принципы государственного устройства Турции (т.н. «шесть стрел», изображенные на флаге партии): «республиканство», «национализм», «народность», «этатизм», «лаицизм», «революционность»⁷. Эти принципы стали доктриной правящей партии, а в 1937 г. они были закреплены в конституции и стали таким образом государственной идеологией⁸.

Одним из основных пунктов программы стал этатизм, символизовавший стремление к созданию национальной промышленности при поддержке и под контролем государства. Такая политика отражала интересы анатолийской промышленной буржуазии и сросшегося с ней партаппарата НРП, которые стремились с помощью государства создать национальную промышленность и таким образом подорвать позиции иностранного капитала и компраторов.

Что касается роли армии во внутренней политике Турции в 1930 – 1940-е гг., то ее участие сводилось в основном к подавлению крестьян-

ских и курдских восстаний на территории страны. В декабре 1930 г. армия приняла участие в подавлении восстания в г. Менемен (окрестности Измира), во главе которого встали дервиши суфийского ордена Накшбанди. В 1931–1932 гг. на юго-востоке Анатолии армия участвовала в подавлении курдского восстания, а в 1937 г. – в подавлении курдского восстания на северо-востоке Турции. Армия практически не участвовала во внутриполитической борьбе. Это было связано, во-первых, с фактической монополией НРП на власть, а во-вторых, с одним из принципов Ататюрка, который считал, что армия не должна вмешиваться во внутреннюю жизнь государства.

Во время Второй мировой войны в зависимости от ситуации на основных театрах военных действий турецкое правительство склонялось к союзу и вступлению в войну на стороне победителей. В 1941–1943 гг. Турция, в нарушение конвенции Монтрё, пропустила в Черное море немецкие военные корабли. Кроме того, военная элита во главе с Исметом Иненю и маршалом Февзи Чакмаком в 1941–1942 гг. всерьез рассматривала возможность участия турецкой армии в боевых действиях на территории СССР после взятия немецкими войсками Сталинграда. В январе 1943 г. по результатам встречи У. Черчилля с И. Иненю было решено обеспечить поставки в Турцию современного вооружения, чтобы удержать ее от вступления в войну на стороне Германии. 23 февраля 1945 г. Турция объявила войну Германии и таким образом обеспечила себе место в формирувавшемся тогда составе ООН. В связи с тем, что объем нашей статьи ограничен, мы не будем останавливаться на подробностях взаимоотношений СССР и Турции в конце 1930–1940-х гг.⁹

В середине 1940-х гг. во внутриполитической жизни Турции произошли важные изменения. Начался переход к многопартийной системе. Еще в 1943 г. на съезде НРП И. Иненю заявлял, что главный недостаток турецкой демократии – отсутствие оппозиционной партии. В 1945 г. НРП одобрила Устав ООН, а вслед за этим в меджлисе начались дебаты относительно целесообразности дальнейшего сохранения однопартийной системы. В результате из состава НРП вышли несколько влиятельных депутатов, в том числе Джелляль Баяр (последний премьер-министр в правительстве Ататюрка, профессиональный экономист) и крупный и влиятельный помещик-землевладелец Аднан Мендерес. В январе 1946 г. они зарегистрировали и возглавили новую политическую партию – Демократическую (ДП). В мае 1950 г. ДП одержала убедительную победу на выборах в ВНСТ (меджлис), получив 408 депутатских мест. НРП получила всего лишь 69.

В 1950–1960 гг. политическая система Турции была фактически двухпартийной, поскольку борьба за власть шла в основном между ДП

и теперь уже оппозиционной НРП. Победа была достигнута во многом благодаря критике нападок НРП на ислам, а также обвинений НРП в неэффективном государственном управлении экономикой.

Вместе с тем уже в 1945 г. среди турецкого офицерства появляются первые тайные офицерские группы, обсуждавшие внутривластное положение в стране и даже планировавшие военный переворот с целью свержения диктатуры НРП и установления в стране многопартийной системы и подлинной демократии. В конце 1940-х гг. они стали уже достаточно сильны для того, чтобы оказывать влияние на ход политических событий в стране. Первыми руководителями и организаторами таких тайных офицерских обществ стали молодые офицеры Джемаль Йылдырым, Сейфи Куртбек, Мемдух Тагмач, Кями Гюртан, Джевдет Сунай и Фахри Белен¹⁰. С приходом к власти ДП эти молодые офицеры связывали надежды на перемены в социальном и экономическом положении военнослужащих, на проведение назревших военных реформ и омоложение командного состава¹¹. 26 декабря 1958 г. полицией была раскрыта подобная тайная офицерская группа, одним из активных членов которой являлся майор Самет Кушчу. Последовали аресты, которые на время заставили подобные неформальные группы прекратить свою деятельность¹².

В годы нахождения у власти ДП стремилась уменьшить роль государственного сектора в экономике страны. В 1950-х гг. благодаря реформам ДП, направленным на поощрение частного среднего и крупного бизнеса, активизировались частные предприниматели. Промышленная и аграрная буржуазия феноменально обогащалась, поднимая одновременно с этим уровень эксплуатации населения¹³. ДП не оправдала надежд офицеров на улучшение их материального положения. Недовольство военных вызывало стремление ДП к установлению собственной монополии на политическое лидерство в стране и связанные с этим нападки на НРП и ограничение демократических свобод.

В самой армии в это время произошли серьезные изменения. В 1948 г. между США и Турцией было подписано первое соглашение о военной помощи, в том же году Турция присоединилась к плану Маршалла. В 1952 г. ДП добилась включения Турции в НАТО перед лицом советской угрозы, а в 1955 г. Турция вступила в СЕНТО. В 1950-е гг. американская военная помощь была значительной: в 1950 г. она составляла 18 % оборонных расходов страны, в 1958 – 61 %, в последующем колебалась от 20 до 30 % военного бюджета страны¹⁴.

В результате к 1960 г. перевооружение армии и ее переобучение американскими военными инструкторами были завершены. Турецкая армия стала второй по численности в НАТО после армии США. Турецкие офицеры приветствовали перевооружение, но вместе с тем полагали, что

американские военные советники превращают национальную армию в инструмент американской политики¹⁵. Во внутренней политике сложилась весьма непростая ситуация. Несмотря на то, что многие офицеры прошли переподготовку в США или же под руководством американских инструкторов, они остались турецкими националистами, приверженцами кемализма и были готовы выступить против лояльного американцам политического режима.

В результате, отчасти благодаря американской военной помощи, были созданы условия для усиления позиций армии и ее прямого вмешательства в политическую жизнь страны.

В конце 1950-х гг. правительство ДП усилило давление на НРП и приняло ряд антиконституционных законов для ее устранения. Был создан Комитет по расследованию «противозаконной» деятельности НРП и связанной с ней прессы. В ответ на это в апреле и мае 1960 г. НРП организовала в Стамбуле массовые демонстрации студентов и профессоров Стамбульского университета. Между демонстрантами, с одной стороны, и сторонниками ДП и полицией – с другой произошли вооруженные столкновения.

Среди генералитета не было однозначной реакции на эти события. Начальник генерального штаба Рюштю Эрдельхун оставался лояльным правительству Мендереса. Но большая часть офицеров выступала за отстранение правительства от власти. В ночь с 26 на 27 мая 1960 г. солдаты анкарского гарнизона и курсанты военных училищ под руководством генералов Джемаля Маданоглу, Ирфана Баштуга и Сыткы Улая захватили все административные здания в столице¹⁶. В Стамбуле заговорщиков поддержал командующий 1-й армией генерал Фахри Оздилек. Власть перешла в руки Комитета национального единства (КНЕ). В его составе было 38 офицеров (5 генералов, 15 полковников и подполковников, 12 майоров и 6 капитанов). Во главе встал бывший командующий сухопутными войсками Дж. Гюрсель, 3 мая подавший в отставку в знак несогласия с политикой ДП¹⁷. Демократическая партия была запрещена, ее лидер и премьер-министр А. Мендерес и два министра его кабинета были казнены, а ее функционеры арестованы и преданы суду.

Среди членов КНЕ не было единого мнения по вопросу о будущем политическом устройстве страны. Интересен тот факт, что, несмотря на участие нескольких высших офицеров, переворот был подготовлен и осуществлен в основном младшими и старшими молодыми офицерами. Турецкое офицерство традиционно связывало престиж и авторитет государства с могуществом армии. Часть офицеров была настроена против многопартийной системы и предпочитала сохранить в руках армии авторитарную диктаторскую власть. Важными составляющими их по-

литических взглядов были антиисламизм и антикоммунизм. Поэтому практически сразу после переворота в КНЭ выделились две группировки. Первая выступала за создание особой комиссии по внесению поправок в конституцию, скорейшие парламентские выборы и возвращение таким образом власти партиям. Ее возглавлял Дж. Гюрсель. Другую группировку представляли мелкобуржуазные радикалы, которые выступали за сохранение военной диктатуры на длительный срок. Неформальным лидером этой группы был А. Тюркеш. Он выступал за введение длительной диктатуры военных, ограничение позиций крупного капитала, осуществление реформ «сверху» и более независимую от Запада внешнюю политику.

Одним из первых шагов КНЭ была чистка армии от радикалов и симпатизировавших ДП. В течение 18 месяцев после переворота из армии было уволено около 5000 офицеров и 235 генералов (из 255 в турецкой армии), которых сочли неблагонадежными¹⁸. Был уволен и Тюркеш, которого на время отстранили от участия в политической жизни страны, отправив на год в почетную дипломатическую ссылку в Дели. После этого многие участники радикального движения в армии пошли на сближение с левыми политическими движениями. КНЭ действовал в течение 18 месяцев после переворота. Впоследствии, в конце 1961 г., он уступил свое место Совету национальной безопасности – СНБ.

В 1961 г. была принята новая конституция, в которой содержалось обоснование военного вмешательства 27 мая. По сравнению с прошлой конституцией 1924 г. в ней были расширены права граждан и демократические свободы. 15 октября 1961 г. были проведены новые парламентские выборы, по результатам которых в междлис прошли НРП, Партия справедливости (ПС), идейная преемница ДП, а также Республиканская крестьянская национальная партия и Партия Новой Турции. 21 октября в Стамбуле 28 высших офицеров подписали обращение с требованием аннулировать результаты выборов, но начальник генерального штаба Джевдет Сунай отказался их поддержать. Власть снова перешла к политическим партиям. Однако НРП получила недостаточно голосов для того, чтобы самостоятельно сформировать правительство и 24 октября под давлением военных вынуждена была создать коалицию с ПС.

Офицеры-последователи радикалов в главе с полковником Т. Айдемиром сформировали тайную воснизированную организацию «Союз вооруженных сил», который сопротивлялся передаче власти в руки гражданского правительства. 22 февраля 1962 г. в Анкаре Т. Айдемир предпринял новую попытку переворота, попытавшись арестовать президента Дж. Гюрсея, премьера И. Иненю и начальника генштаба Дж. Суная. Однако им удалось бежать и стянуть к Анкаре верные им

воинские части. В обмен на обещание Инсню не преследовать заговорщиков те сложили оружие¹⁹.

В ночь с 20 на 21 мая 1963 г. Т. Айдемир и его сторонники предприняли еще одну неудачную попытку военного переворота, попытавшись захватить здание анкарского радио. Т. Айдемир и его помощник майор Фетхи Гюрджан были схвачены. Им были предъявлены обвинения в попытках свержения конституционного строя, и летом 1964 г. они были казнены²⁰.

КНЕ осуществил ряд мер по оздоровлению экономики (реорганизация и укрепление госсектора, восстановление планирования, оздоровление финансового положения путем снижения инфляции, увеличения налогов на крупный капитал и борьбы с коррупцией). Были предприняты попытки решения ряда социальных проблем, в частности улучшения системы трудовых отношений, а также образования и здравоохранения.

Вскоре проявились новые тенденции во внешней политике: ослабление военно-политической зависимости от США и НАТО, укрепление связей с развивающимися мусульманскими странами, улучшение отношений с соседними государствами, в первую очередь с СССР²¹.

Новая конституция стимулировала дальнейшее развитие политической жизни в Турции. Активизировалась деятельность Коммунистической партии Турции. Поскольку уголовный кодекс ТР рассматривал пропаганду идей коммунизма как уголовное преступление, то КПТ действовала в основном в подполье. В 1965 г. были проведены очередные выборы в парламент, в ходе которых большинство мест получила ПС во главе с Сулейманом Демирелем. В 1969 г. были проведены очередные выборы в парламент, в ходе которых НРП снова оказалась не удел, а большинство мест получила ПС. В новом парламенте после выборов в 1965 г. были представлены и левые силы в лице новой политической партии – Рабочей партии Турции (РПТ). В 1969–1970 гг. в Турции появляются новые политические партии. Во главе группы отделившихся от ПС депутатов встает Н. Эрбакан и создает Партию национального порядка. В это же время бывший лидер радикалов А. Тюркеш создает Партию националистического действия. Одновременно в Турции появилось большое количество радикальных политических групп:

- левацкие, например: «Народно-освободительная армия Турции»²²;
- исламистские, например, «Милли Гёрюш» (Национальный взгляд) во главе с молодым тогда Н. Эрбаканом. Эта партия была связана с возродившимся в середине 1960-х в Турции суфийским братством Накшбенди (в 1920-е гг. оно было запрещено за антиправительственные действия и призывы к свержению государственной власти);
- ультраправые пантюкистские, например: Milliyetçi Hareket Partisi – МНР (Партия националистического действия – ПНД). Эти и другие

более мелкие партии в своей деятельности в конце 1960-х – начале 1970-х гг. использовали заказные убийства, похищения людей и прочие методы террора для достижения своих политических целей²³.

Именно такая активность и стала одним из важных факторов, приведших к вторичному вмешательству военных в политическую жизнь страны.

После военного переворота 1960 г. военные продолжали оказывать косвенное влияние на ситуацию в стране. Президентами продолжали оставаться военные: до 1966 г. – Джемаль Гюрсель, а с 1966 г. – отставной генерал Джевдет Сунай. Военные стали теснее взаимодействовать с ПС и НРП, происходило постепенное сближение взглядов военных с установками различных политических партий. События мая 1960 г. показали, что армия обладает реальной силой и возможностью влиять на внутреннюю политику страны. Для того чтобы обеспечить свои интересы и установить частичный контроль над армией, по инициативе и при поддержке представителей крупной турецкой буржуазии были приняты законы, улучшившие материально-финансовое положение офицерства. При поддержке одного из крупнейших турецких предпринимателей Вехби Коча в 1960-х гг. было основано Общество армейской взаимопомощи (ОАВ – Ordu Yardımlaşma Kurumu – ОУАК). Целью Коча являлся полный или частичный контроль над военными финансами. Холдингу было необходимо укрепление неформальных связей с генералитетом и офицерством в целом для усиления собственных позиций в экономике страны. По замыслу Коча, это сделало бы его холдинг менее уязвимым в случае очередного витка политической и экономической нестабильности. Впоследствии ОАВ стало крупным финансово-промышленным объединением, в состав которого входят и некоторые предприятия военной промышленности²⁴.

К концу 1960-х гг. турецкое офицерство было одной из самых привилегированных и обеспеченных социальных групп в Турции. В то же время не произошло слияния высокопоставленных военных и крупных предпринимателей. Несмотря на то, что президентами были бывшие военные, армия непосредственно не участвовала в политике. Армия в целом сохранила свою функцию «стабилизатора» политической системы. К концу 1960-х гг. армия вынуждена была усилить контроль над радикальными движениями в обществе, что и привело ко второму открытому вмешательству военных 12 марта 1971 г.

К весне 1971 г. политические партии (и, в частности, ПС) оказались неспособными обеспечить нормальное функционирование правительства. Партийная борьба происходила на фоне обострения экономических проблем. Ухудшение экономического положения сопровождалось

углублением социальных противоречий, массовыми забастовками, экстремистскими молодежными выступлениями и политическим террором. ПС во главе с Сулейманом Демирелем оказалась не в состоянии контролировать ход событий.

Армейское руководство во главе с начальником генерального штаба М. Тагмачем вынуждено было вмешаться. В данном случае среди военных также не было единого мнения относительно формы вмешательства в политическую жизнь. Так, Тагмач и командующий сухопутными войсками Фарук Гюрлер выступали за восстановление порядка с помощью введения чрезвычайного положения и внесения ряда запретительных поправок в конституцию. Более радикальных взглядов придерживался командующий ВВС Мухсин Батур, требовавший проведения социальных реформ²⁵. Однако на этот раз вмешательство армии произошло не в форме вооруженного переворота, а в форме издания 12 марта 1971 г. меморандума Высшего военного совета, обращенного к парламенту и президенту. В этом документе от имени вооруженных сил содержалось требование распустить неэффективное правительство С. Демиреля и сформировать надпартийное правительство, которое могло бы ликвидировать беспорядки и провести реформы в соответствии с принципами атаюркизма. Особо подчеркивалось, что в противном случае ВС возьмут власть в стране в свои руки²⁶.

С. Демирель и его кабинет подали в отставку. 19 марта военные назначили новым премьер-министром независимого депутата Нихата Эрима. Несмотря на то, что кандидатура Эрима получила поддержку в парламенте и от НРП, и от ПС, ему не удалось преодолеть конфликт между сторонниками реформ и консерваторами. В ответ на это 17 апреля 1971 г. военные ввели на территории страны режим чрезвычайного положения. По подозрению в причастности к экстремистским течениям были задержаны тысячи человек²⁷. 3 декабря Эрим и его правительство подали в отставку. В тот же день М. Батур на авиабазе в Эскипехире провел селекторное совещание со своими подчиненными, которые поддержали идею прямого военного вмешательства. Однако Сунай и Тагмач не поддержали его, а Эрима заставили создать новое правительство, которое продержалось до 17 апреля 1972 г.²⁸ После этого правительство возглавил лидер Партии надежды Ферит Мелен. Его партия была создана в качестве правой альтернативы НРП в 1967 г. Ситуация осложнялась еще и тем, что Иненю уступил пост лидера НРП Бюленту Эджевиту, который в знак несогласия с бессилием правительства отозвал своих сторонников из состава кабинета министров. Это спровоцировало новый виток политического кризиса, усугубившегося окончанием президентского срока президента Суная в марте 1973 г. Демирель и Эджевит ответили отказом на попытки военных выдвинуть на пост президента кандидатуру нового начальника генерального штаба Фарука Гюрлера.

Кроме того, и среди самих военных не было единства мнений по поводу кандидатуры будущего президента. В результате в 1973 г. президентом на семилетний срок был избран адмирал в отставке Фахри Корутюрк как компромиссная фигура, устраивавшая всех²⁹. 7 апреля правительство Мелена ушло в отставку. Однако на этот раз военные не распустили парламент, который был ими использован для внесения новых поправок в конституцию, а также не стали привлекать к суду членов ПС. В результате в 1973 г. к власти пришло подконтрольное военным надпартийное правительство, в состав которого входили как представители основных партий, так и беспартийные технократы, назначенные военными и отвечавшие за оздоровление экономики. Возглавил правительство бывший управляющий Центрального банка, Наим Талу. После образования правительства военные ужесточили в стране цензуру прессы, запретили проведение забастовок, митингов, провели аресты лидеров экстремистских группировок. В конституцию 1961 г. по инициативе военных было внесено большое количество поправок, ограничивших демократические свободы и усиливших власть военных. В частности, были расширены функции Совета национальной безопасности и созданы суды государственной безопасности³⁰.

Надпартийное правительство под контролем военных находилось у власти до октября 1973 г. После очередных выборов в парламент власть снова перешла к партиям. Большинство мест в парламенте получили (в порядке убывания): НРП, ПС, ПНС (Партия национального спасения под председательством Н. Эрбакана, выступавшая за возрождение ислама в Турции), ПНД. Ни одна из партий не смогла получить решающего большинства голосов, поэтому в 1970-х гг. ведущие политические партии НРП и ПС не могли сформировать однопартийное правительство. В результате создавались непрочные политические коалиции, обострялась межпартийная борьба, существовала опасность правительственного кризиса. За 1974–1980 гг. сменилось в общей сложности семь кабинетов, четыре раза коалиции возглавлялись НРП, а три – ПС³¹. В этот период существенное влияние на политическую жизнь страны стали оказывать также ПНС и ПНД.

К концу 1970-х гг. на фоне экономических трудностей, вызванных ростом цен на нефть, в Турции снова обостряются социально-политические противоречия, появляется политический террор, происходят кровавые столкновения представителей суннитов и алевитов, правых и левых экстремистских партий. За деятельностью ультраправых экстремистов стояла националистическая террористическая группировка «Серые волки», связанная с ПНД и лично с А. Тюркешем.

2 января 1980 г. высшее военное командование сначала призвало президента и лидеров политических партий объединить усилия для ликви-

дации правительственного кризиса. Однако партии так и не смогли объединиться, а кризис продолжал нарастать. Президент Корутюрк, срок полномочий которого истекал в апреле 1980 г., не сумел убедить лидеров политических партий создать новую коалицию³². С начала года военные под руководством начальника генерального штаба Кенана Эврена готовят план военного вмешательства, получивший название «Флаи»³³. 12 сентября 1980 г. был совершен военный переворот. В отличие от переворотов 1960 и 1971 гг. военные действовали как единая сила. Власть перешла к Совету национальной безопасности (СНБ) во главе с начальником генерального штаба Турции корпусным генералом Кенаном Эвреном. Было сформировано и надпартийное правительство во главе с бывшим командующим ВМС Турции адмиралом в отставке Б. Улусу.

Армия, взяв власть в свои руки, управляла страной в течение трех лет. За этот период правительством Улусу было принято большое количество постановлений, призванных стабилизировать положение в обществе и экономике. При этом правительство во многом опиралось на положения «Программы стабилизации экономики», подготовленной незадолго до военного переворота советником премьер-министра Т. Озалом. В целом действия правительства были направлены на ограничение вмешательства государства в экономику, поощрение крупного и конкурентоспособного предпринимательства, увеличение притока иностранной помощи, переход от импортозамещающего к экспортно-ориентированному производству³⁴. Реализация такой политики в последующие годы позволила преодолеть последствия социально-экономического кризиса.

В 1980 г. был подписан договор о сотрудничестве в экономике и обороне между США и Турцией. Договор предусматривал американскую помощь в развитии производства ВВТ в Турции, совместное производство новейших вооружений на базе американских поставок, их ремонт и обслуживание в Турции, предоставление Турции технической документации о дальнейшей модернизации вооружения и военной техники, о совместных разработках и исследованиях в военной сфере. Отчасти этот договор действует и до сих пор. 1980–1990-е гг. характеризуются постепенным улучшением отношений США и Турции в сфере военно-технического и политического сотрудничества. Кроме того, власти США поддержали действия военных во время переворота 1980 г., что также оказало благоприятное влияние на связи с турецким генералитетом.

Во внутренней политике генералитет осуществил жесткую линию на подавление радикальных партий. Военные запретили деятельность политических организаций. 16 октября 1981 г. был отменен закон о политических партиях от 13 июля 1965 г., было решено ликвидировать все существовавшие политические партии, арестовать их лидеров и передать

все партийное имущество в казну. Однако в отношении партий военные предпочли действовать избирательно. Члены ПС и НРП практически не подверглись репрессиям. Основной удар был обрушен на ПНС и ПНД. Н. Эрбакану и другим участникам ПНС были предъявлены обвинения в использовании ислама в политических целях.

Но наибольшее внимание военных привлекала ПНД. Ее лидеру А. Тюркешу и 587 его соратникам были предъявлены обвинения в создании незаконной вооруженной организации и подготовке государственного переворота. В распоряжении ПНД к моменту военного переворота имелись тренировочные лагеря для подготовки боевиков и террористов, склады оружия, амуниции и боеприпасов³⁵. Отдельно отмечалось, что к сентябрю 1980 г. в ПНД насчитывалось более 1700 региональных организаций и дочерних структур, в которых состояло в общей сложности более 200 тыс. человек³⁶. В течение трех лет, с 1980 по 1983 г., была проведена серия контртеррористических операций в различных вилайетах страны, и ПНД была разгромлена.

Кроме того, был усилен контроль правительства за университетами, которые считались главными центрами распространения левых идей. В начале 1980-х гг. из университетов по всей стране было уволено более 700 профессоров и несколько тысяч ассистентов и аспирантов³⁷. Были введены новые учебные программы, которые должны были воспитывать молодежь в духе кемализма. Вводился строгий контроль за СМИ. Вместе с тем в школах было решено ввести обязательное религиозное обучение.

Сразу после переворота военные заявили о твердом намерении восстановить гражданское правление. В октябре 1981 г. начал работу учредительный меджлис, состоявший из СНБ (как «верхней палаты») и консультативного меджлиса в составе 160 назначенных генералами членов. Последний подготовил под наблюдением СНБ проект новой конституции, которая была принята путем референдума в ноябре 1982 г.³⁸

Надпартийное правительство приступило к выработке новой конституции, особое внимание при этом было уделено законам о выборах и о политических партиях. В разработке конституции участвовали в основном представители военно-гражданской бюрократии. 5 ноября 1982 г. был проведен референдум по вопросу о принятии новой конституции. За проект конституции проголосовал 91 % избирателей. Согласно новой конституции президентом избирался Кенан Эврен сроком на семь лет. Новая конституция значительно расширила полномочия президента. В частности, президент получил право распускать парламент, созывать заседания кабинета министров, объявлять военное положение в стране, назначать высших должностных лиц исполнительных и законодательных органов государственной власти. Президент получил право предсе-

дательствовать на заседаниях СНБ³⁹. Таким образом, военные усилили свое влияние на государственные дела. Кроме того, они добились своей цели, снизив накал политической борьбы и ограничив ее рамками партий и выборных органов. Новая конституция запрещала политическим партиям создавать юношеские и женские отделения, устанавливая связи с другими общественными организациями. 4-я статья конституции вводила запрет на участие в политической деятельности в течение десяти лет для бывших партийных лидеров: С. Демиреля (ПС), Б. Эджевита (НРП), Н. Эрбакана (ПНС), А. Тюркеша (ПНД).

Согласно новому закону о политических партиях их деятельность должна была строго соответствовать принципам и реформам Ататюрка. Студентам и преподавателям учебных заведений запрещалось вступать в партии. Сохранялся запрет на использование религии в политических целях.

В соответствии с новым законом о выборах в Турции устанавливались одноступенчатые выборы, прямое, равное и тайное голосование при избрании депутатов в ВНСТ. Партия, набравшая менее 10 % голосов, не получала мест в парламенте. Таким образом, мелкие политические партии отсекались от участия в ВНСТ. Военные не разрешили воссоздать старые политические партии и потребовали, чтобы в выборах в ноябре 1983 г. участвовали новые партии.

В ходе подготовки к выборам новые партии, их уставы и программы подвергались строгому контролю военной бюрократии на предмет их соответствия положениям новой конституции. В итоге к выборам были допущены всего лишь три партии: Партия отечества (ПО) во главе с Т. Озалом, который призывал к переходу от государственного регулирования экономики к рыночным отношениям; Народническая партия (НП) во главе с Н. Джальпом, ставшая правопреемницей НРП; Национал-демократическая партия (НДП) во главе с отставным генералом Т. Сунальпом. Эта партия пользовалась поддержкой офицерства, которое рассчитывало привести ее к власти и передать ей всю полноту власти.

Однако на выборах победила ПО, получив достаточно мест, чтобы сформировать однопартийное правительство. Тем не менее военные не стали вмешиваться и передали власть Т. Озалу. Такой шаг был продиктован тем, что США, а также международные финансовые организации (например, МВФ, ВБРР и др.) весьма благосклонно приняли победу ПО. Вскоре на политической сцене появились и другие партии, некоторые из которых были идейными преемницами партий, существовавших в 1970-х гг.

В 1984 г. была создана Партия верного пути (ПВП), ставшая наследницей ПС. В том же году была создана Социал-демократическая партия, которая вскоре объединилась с НП и образовала Социал-демократическую народническую партию (СДНП). Была создана так-

же Демократическая левая партия (ДЛП), которая претендовала на то, чтобы быть преемницей НРП. Появилась и происламская Партия благоденствия (ПБ), наследница ПНС. Была также воссоздана и ПНД, правда, немного под другим названием – Партия националистической деятельности. В 1986 г. НДП самораспустилась, а ее депутаты перешли в другие партии. В сентябре 1987 г. был отменен запрет для бывших партийных лидеров на участие в политической жизни. И снова во главе партий встали старые вожди: С. Демирель (ПВП) (в 1990-х гг. его заменила на этом посту турецкая женщина-политик Т. Чиллер), Б. Эджевит (ДЛП), Н. Эрбакан (ПБ), А. Тюркеш (ПНД).

В ноябре 1989 г. истек срок полномочий К. Эврена и новым президентом был выбран Т. Озал. Конец 1980-х гг. проходил под знаком нарастания оппозиции курсу правительства ПО. Главными силами оппозиции были ПВП и СДНП, которые подвергли резкой критике отказ Озала восстановить в полном объеме политические свободы. Побочным следствием реформ Т. Озала стало увеличение безработицы, рост внешней задолженности страны, а также уменьшение реальных доходов населения. В 1991 г. в результате новых выборов к власти пришло коалиционное правительство ПВП–СДНП. Однако внутри этой коалиции наметились противоречия, причиной которых были расхождения относительно курса приватизации турецких предприятий и демократизации политической жизни в стране. Среди членов СДНП также было много депутатов, не желавших коалиции с правительством. В 1992 г. из СДНП вышли ряд депутатов, создавших новую политическую партию – НРП, подчеркнув, таким образом, преемственность по отношению к партии Ататюрка. В феврале 1993 г. СДНП и НРП приняли решение преодолеть раскол и объединились. Новым лидером стал Дениз Байкал, который отказался от коалиции с ПВП. Попытки лидера ПВП Тансу Чиллер создать новую коалицию провалились, и в результате на новых выборах в парламент 24 декабря 1995 г. к власти пришла происламская ПБ. Правительственный кризис продолжался до июня 1996 г., когда Н. Эрбакану удалось договориться с Т. Чиллер о создании коалиции. С этого момента начинает возрастать влияние ПБ, а ее лидер стал предпринимать некоторые шаги для ограничения «чрезмерного западного влияния». Его попытки наладить отношения с Ливией и Ираном, а также предложения его помощника по партии Абдуллаха Гюля создать общий исламский рынок, а также исламский таможенный союз вызвали недовольство бюрократической верхушки. Однако открытый конфликт начался после того, как 2 февраля 1997 г. посол Ирана Мухаммад Реза Багери, выступая на митинге, организованном членами ПБ в городе-спутнике Анкары Синджане, призвал к джихаду против тех, кто заключил соглашения с США и Израилем. В ответ ту-

рецкий генеральный штаб ввел войска в Синджан 4 февраля. Генштаб выступил с официальным заявлением, в котором говорилось, что в городе проходят учения. 28 февраля на заседании СНБ военные выдвинули ряд требований к правительству Эрбакана, призвав его остановить фундаменталистскую пропаганду. Официально он принял эти рекомендации, однако практически ничего не сделал для их воплощения в жизнь. Военные же продолжали настаивать на выполнении своих требований⁴⁰. В июне 1997 г. коалиция между ПБ и ПВП распалась, а Эрбакан вынужден был уйти из правительства. Летом 1997 г. по запросу одного из депутатов, связанного с армией, конституционный суд возбудил дело о запрете ПБ в связи с действиями, несовместимыми с зафиксированным в конституции светским характером государства. 22 февраля 1998 г. суд принял решение о роспуске ПБ, однако она не потеряла своего влияния: незадолго до решения суда все ее члены перешли в новую партию – Партию добродетели (ПД). Н. Эрбакану было запрещено в течение пяти лет заниматься политической деятельностью.

В 2003 г., после начала войны в Ираке, турецкие военные попытались установить контакты с туркменами, проживающими в районе Киркука. Турецкие ВС организовали опорный пункт в городке Сулеймание, населенном преимущественно курдами и туркменами. Турецкие военнослужащие в основном занимались сбором разведанных, налаживанием контактов с местными властями, планировали организовать из местных туркмен части самообороны. В ответ на это 4 июля 2003 г. американские войска, получив разрешение командующего американскими ВС в Ираке Петреуса, совместно с курдской милицией задержали турецких военнослужащих и выдворили их в Турцию⁴¹. Это происшествие, а также американская поддержка курдов на севере Ирака и исламистов внутри страны привели к тому, что их отношения с турецким генералитетом значительно ухудшились. Несмотря на то, что многие турецкие офицеры проходили обучение или переподготовку в американских военных учебных заведениях, стажировались в различных подразделениях НАТО, они остаются турецкими националистами, приверженными принципам кемализма. И прежде всего они будут в своих действиях исходить из полезности того или иного шага для Турции.

В настоящее время мы также являемся свидетелями очередной попытки вмешательства армии в политическую жизнь страны. В 2007 г. во время президентских выборов военные снова показали, что они пытаются держать политическую ситуацию в стране под контролем. В мае 2007 г. на пост президента баллотировался представитель происламской Партии справедливости и развития (ПСР), бывший министр иностранных дел Абдуллах Гюль.

Светская элита Турции и турецкая армия весьма болезненно отнеслись к перспективе того, что, как и пост премьер-министра, пост президента также займет исламист. Армия решительно заявила, что не останется в стороне от происходящего в стране, если президент начнет отклоняться от генерального курса, заданного Ататюрком.

29 апреля Конституционный суд Турции признал недействительным первый тур президентских выборов, состоявшийся 27 апреля, так как в парламенте, который по Конституции страны избирает президента, не был набран необходимый кворум в 367 депутатов. А. Гюлю не хватило всего лишь нескольких голосов.

Перед вторым туром выборов по Турции прошли массовые демонстрации в поддержку принципов кемализма. Военные, которые четырежды на протяжении последних десятилетий вмешивались в жизнь страны, намекнули на возможность вмешаться еще раз ради спасения светских основ республики. Глава ПСР Р.Т. Эрдоган обещал выдвинуть на пост президента компромиссного кандидата. Но в последний момент премьер согласился с повторным выдвижением Гюля, чтобы продемонстрировать рядовым членам своей партии из сельских районов и бедных городских слоев способность противостоять давлению военных и светской политической и деловой элиты.

В итоге одиннадцатым президентом Турецкой Республики был избран бывший глава МИДа Абдуллах Гюль. Он сумел заручиться поддержкой 339 депутатов при необходимых 276 голосах. Соперники Гюля – Сабахаттин Чакмакоглу от ПНД и Тайфун Ичли от ДЛП получили 70 и 13 голосов соответственно. После президентских выборов одним из первых шагов А. Гюля стала отмена запрета на ношение религиозной одежды в общественных местах.

Чтобы снизить накал страстей и «задобрить» военных, правительство, которое полностью находилось под контролем сторонников происламской ПСР, одобрило проект проведения антитеррористической операции на юго-востоке страны и на севере Ирака. План боевых действий был спланирован лично тогдашним начальником генштаба Яшаром Бююкканытом и его бывшим начальником и предшественником на посту начальника ГШ Хильми Озкёком. Само назначение на пост начальника ГШ в такое время Я. Бююкканыта не случайно, поскольку именно он представляет взгляды светски настроенных офицеров. Кроме того, именно Я. Бююкканыт и Х. Озкёк считались наиболее авторитетными военачальниками, имевшими опыт планирования и проведения контрпартизанских и антитеррористических действий, способными подавить сопротивление курдов на юго-востоке страны. Боевые действия турецких войск в первой половине 2008 г. на территории Турции и Северного Ирака можно было

бы назвать удачными, однако из-за давления американцев контртеррористическая операция была свернута. На следующий день после визита министра обороны США Р. Гейтса в Анкару в марте 2008 г. Турция объявила о своем намерении вывести войска из северных районов Ирака.

В то же время по инициативе военных генеральный прокурор Турецкой Республики Абдурахман Ялчипкая обратился в Конституционный суд с просьбой о запрете и роспуске правящей ПСР. Суд рассматривал его просьбу в течение почти пять месяцев, и окончательное решение было вынесено только 30 июля. Представитель КС Турции Хашим Кылыч объявил о решении суда, который отказался наложить запрет на деятельность ПСР. По конституции для такого запрета нужно согласие семи судей из одиннадцати. Однако за запрет проголосовало лишь шесть. Это событие дало некоторым деятелям ПСР повод для ликования. Лидер партии Р.Т. Эрдоган заявил, что ПСР никогда не являлась центром деятельности, направленной на подрыв основ светского государства.

Казалось бы, военные потерпели поражение, а наиболее активные противники ПСР и сторонники светского государственного устройства страны были задержаны по надуманному обвинению в подготовке заговора в составе так называемой подпольной группы «Эргенекон»⁴². Однако дело обстоит не совсем так. Из 11 членов КС за запрет партии проголосовали шесть судей, за применение к партии финансовых мер наказания (имеется в виду арест материального и финансового активов партии) высказались четыре судьи. Начальник ГШ Яшар Бююканыт так прокомментировал решение КС: «Во взглядах турецких вооруженных сил на светскую государственность не произошло никаких изменений»⁴³. Такое решение, с одной стороны, позволило избежать правительственного кризиса, вмешательства военных и ухудшения экономического положения в стране. Это лишний раз доказывает, что сами военные во многом срослись с бюрократией и частным бизнесом. Они заинтересованы в политической стабильности и высоких экономических показателях страны. С другой стороны, руководство ПСР показало таким образом, что оно может противостоять давлению офицерства. Вместе с тем хотелось бы отметить некоторое разочарование населения в ПСР, которая, находясь у власти, из-за своих непродуманных шагов во внутренней политике не смогла удержать прежние показатели экономического роста.

В случае запрета ПСР в качестве ответа военных на непростую внутривластную ситуацию в стране можно было бы ожидать создания альтернативной партии, во главе которой может встать независимый депутат. Эта тема достаточно подробно обсуждалась в СМИ Турции, называлась даже конкретная фамилия бывшего депутата от ПСР Абдуллатифа Шенера, который по собственному желанию покинул партию.

Однако этого не произошло, поэтому мы можем констатировать, что очередной раунд противостояния армии и политических партий окончился вничью.

Таким образом, вердикт суда на тот момент явился своего рода компромиссным решением.

Значимым событием в политической жизни Турции стал судебный процесс о тайной организации «Эргенекон». Расследование дела нанесло серьезный ущерб репутации военных как внутривнутриполитического игрока и создало благоприятный фон для законодательного ограничения влияния военных на политическую систему.

Дело «Эргенекон»⁴⁴

Впервые название «Эргенекон» стало известно широкой турецкой общественности в 1997 г. Оно прозвучало в ходе популярной телсiproграммы турецкого телеведущего и журналиста Джана Дюндара (Can Dündar) из уст другого известного публициста и общественного деятеля Турции Эрола Мютерджимлера (Erol Mütercimler). Он пересказал слова одного высокопоставленного военного – генерала армии в отставке Мемдуха Унлютюрка (Memduh Ünlütürk): «Эргенекон», в котором я состою, это организация, которая стоит над генштабом, над правительственными учреждениями, над бюрократией, над всеми. Эта организация была создана ЦРУ и Пентагоном после переворота 27 мая 1960 г. Люди, которые состоят в ней, служат здесь. Но они делают это не во вред своей стране, а с мыслью: «Мы спасаем Родину». Особенно та часть генералов, которые в Америке прошли курсы партизанской и контрпартизанской борьбы и получили специальное образование, по возвращении в Турцию они становятся членами «Эргенекон».

2 марта 2001 г. Стамбульским отделением полиции по борьбе с оргпреступностью были задержаны журналисты Тунджай Гюней и Умит Огузтан в связи с делом о контрабанде автомобилей. В ходе обысков в их домах и на рабочих местах было найдено значительное количество документов, связанных с образованием организации «Эргенекон». На допросе в полиции Т. Гюней дал подробнейшие показания о деятельности организации. По его информации, «Эргенекон» объединял группу военных и гражданских лиц и был составной частью организации Türk Mukavemet Teşkilatı⁴⁵. Первоначально задачей «Эргенекон» была борьба с коммунизмом, диверсиями на территории Турции и организация партизанских действий против СССР в случае конфликта с НАТО. Однако впоследствии задачей организации стала борьба с любым внутренним врагом, который представляет угрозу для Турции. Тот же Гюней показал, что в организации 12 высокопоставленных лиц, которые являются

и ее руководителями. По его словам, Вели Кючюк (Veli Küçük) являлся рупором организации и осуществлял связь с правительством. Сам Гюней был его помощником. Кроме Вели Кючюка, в организации состояли также Догу Перинчек, Умит Огузтан, Аднан Акфырат, Левент Темиз. Гюней также заявил, что организация имеет тесные связи с мафией, СМИ, представителями бизнеса и торговли, деятелями культуры. В частности, в организации состояли такие мафиозные лидеры, как Седат Пекер, Али Ясак (известный также как Drej Ali), Сами Хоштан, Махмут Йылдырым (известный как Yeşil Kod). Организация была связана с такими известными СМИ, как газета «Джумхуриет», журнал «Просвещение» (Aydınlık), телеканал «Национальный канал» (Ulusal Kanal). «Эргенекон» был связан с такими общественными организациями, как «Кемалистское движение» (Kemalist Hareketi), Национальный союз молодежи (Ulusal Gençler Birliği), Общество ататюрковской мысли (Atatürkçü Düşünce Derneği). Также «Эргенекон» был связан с такими экстремистскими партиями, как «Хелболла», Рабочая партия Курдистана и ДНКР/С⁴⁶. В тот момент делу о тайной организации не дали хода, а в отношении Гюнея и Огузтана было заведено уголовное дело по статье «Мошенничество». Вплоть до 2007 г. по делу «Эргенекона» не предпринималось никаких следственных мероприятий.

В июне 2007-го в Командование жандармских войск Трабзонского вилайета поступил анонимный звонок. Звонивший сообщил, что в квартале Чакмак муниципалитета Умрание в одноэтажном здании по указанному адресу находятся ручные гранаты и взрывчатка. Неизвестный также указал, что взрывчатка была спрятана Мехмедом Демирташем, а приобрел ее неизвестный унтер-офицер. Сообщение передали в Стамбул, в местное командование жандармских войск. 12 июня, когда было установлено точное местонахождение указанного здания, в соответствии с ордером, выданным 3-м гражданским судом Умрание, был проведен обыск. В доме были обнаружены ручные гранаты, взрывные устройства и взрывчатка.

Мехмет Демирташ и его племянник Али Йигит были задержаны. По их объяснениям, гранаты и взрывчатка принадлежали отставному унтер-офицеру Октаю Йылдыриму. Он также был задержан. Вскоре выяснилось, что гранаты, обнаруженные в Умрание, и гранаты, которыми забросали в 2006 г. представительство газеты «Джумхуриет», принадлежат к одной серии. После этого дело было передано на рассмотрение судьи по особо важным делам Зекерии Оза.

Мехмет Демирташ отказался давать дальнейшие показания, воспользовавшись своим конституционным правом. Йылдырым же отверг все обвинения в свой адрес. Однако Йигит признался, что бомбы при-

надлежат Йылдырыму, который временно проживал в доме Демирташа. Он рассказал, что приехал в Умрание по приглашению своего дяди и помогал ему работать в овощной лавке. К его дяде часто приходили знакомые, одним из которых был Йылдырым. Часто они с Демирташем разговаривали наедине. В признательных показаниях Йигита имеется указание на высказывание его дяди относительно общества «Кувай-Миллийе»⁴⁷. На его вопрос о том, что это за организация, Демирташ ответил, что именно она защищает интересы государства, а также что настоящими руководителями Турции являются теневые лидеры. Также он утверждал, что существует связь между отставными унтер-офицером Махмудом Озтюрком, капитаном Музаффером Текином⁴⁸ и его дядей. По словам Йигита, о гранатах и взрывчатке он ничего не знал и обнаружил их случайно вместе со своим отцом 3–4 месяца назад. Несмотря на то, что его отец, Шевки Йигит, настаивал на немедленном обращении в полицию, сам Али испугался и не сообщил.

Спустя некоторое время после задержания подозреваемых в их защиту выступил Музаффер Текин. В частности, он заявил, что найденные гранаты были непригодными к боевому применению и, возможно, оказались в руках Йылдырыма случайно. На гранатах были обнаружены отпечатки пальцев Йылдырыма, а через несколько дней по подозрению в причастности к делу были задержаны и Текин с Озтюрком. После обысков в их квартирах и на рабочих местах в руках следователей оказались документы, свидетельствовавшие об их связи с «Эргенеконом». Аресты подозреваемых продолжались до 23 июня, всего были арестованы 15 человек. Среди них были также известная журналистка Айше Асуман Оздемир и майор в отставке Зекерия Озтюрк. Одного из задержанных, Куддуси Оккыра, следствие считало спонсором покупки оружия. Музаффер Текин на допросе признался, что документы о политике в области национальной безопасности он получал от некоего Фикрета Емека.

20 июня был задержан также и один из предполагаемых спонсоров организации, бизнесмен Куддуси Оккыр. Однако в тюрьме его здоровье значительно ухудшилось, и в конце апреля 2008 г. он был срочно госпитализирован с диагнозом «пневмония и острая почечная недостаточность». 10 мая 2008 г. ему поставили диагноз «рак легких, метастазы мозга и костей». По настоянию суда, ему изменили меру наказания, чтобы провести лечение, однако 6 июня 2008 г. он скончался.

26 июня 2007 г. началась вторая волна арестов по этому громкому делу. В городе Ескишехир был арестован Ф. Емек. Он оказался наиболее важным из всех задержанных. Во время обыска в его доме были найдены 11 кг взрывчатки, снайперская винтовка и 10 ручных гранат. Номера на гранатах совпали с номерами на тех, которыми в 2006 г. по-

пытались взорвать редакцию газеты «Джумхуриет». Кроме того, были обнаружены документы о подготовке теракта в Ескишехире рядом со зданием, в котором находилось командование местными воинскими частями, а также планы организации покушений на различных религиозных, общественных и политических деятелей с целью нагнетания напряженности в стране.

В июле началась третья волна арестов по данному делу, которые проходили в основном в Стамбуле и Анкаре. Всего были арестованы 13 человек. Наиболее важными для следствия задержанными были генеральный секретарь общества «Кувай-Миллийе» Бскир Озтюрк, писатель Ергюн Пойраз, владелец консалтингового агентства SESAR (Центр исследования стратегий, социальных экономических и политических исследований) Исмаил Йылдыз⁴⁹.

В течение почти восьми месяцев республиканский прокурор Зекерия Оз проводил расследование и допросы арестованных, а также опрашивал многочисленных свидетелей и подозреваемых. По результатам расследования была подготовлена очередная крупномасштабная полицейская операция, которая состоялась 22 февраля 2008 г. (в турецких СМИ она получила название 4-й волны). В течение дня в шести различных провинциях проводились аресты. Всего были арестованы 33 человека. Наиболее важными персонами для следствия стали генерал-лейтенант в отставке Вели Кючюк, адвокат Кемаль Керинчиз⁵⁰, пресс-секретарь Константинопольской патриархии Севги Еренерол, журналист Гюлер Кёмюрджю, почетный председатель общества «Кувай-Миллийе» полковник генштаба в отставке Мехмет Фикри Карадаг, Али Ясак (известный также как Drej Ali) и Сами Хоштан⁵¹.

Переломным моментом в деле стала очередная (5-я по счету) волна арестов, прошедшая 22 марта 2008 г. Так же, как и в предыдущий раз, аресты проводились в основном в Стамбуле и Анкаре в течение всего дня. В ходе операции были арестованы всего 13 человек. Наибольшую важность для следствия представляли следующие арестованные: глава Рабочей партии Турции (РПТ) Догу Перинчек, секретарь РПТ Нусрет Сенем, генеральный редактор журнала «Просвещение»⁵² Серхан Боллук, бывший ректор Стамбульского университета Кемаль Алемдароглу, директор телеканала «Национальный канал» Ферит Ильсевер, главный редактор газеты «Джумхуриет» Ильхан Сельчук. Из офисов телеканала «Национальный канал», Рабочей партии Турции, журнала «Просвещение» были изъяты документы и компьютеры. Также в офисе журнала обнаружили несколько единиц огнестрельного оружия.

Данной операции предшествовало заявление генерального прокурора Абдурахмана Ялчинкая о рассмотрении дела о закрытии правящей

партии. Некоторые комментаторы увязали аресты 22 марта с этим заявлением, однако официальные лица поспешили опровергнуть этот факт. Представитель прокуратуры Айкут Дженгиз Энгин выступил с заявлением, в котором опроверг такую возможность. Один из обвиняемых Седем Нусрет 26 ноября 2008 г. на перекрестном допросе с Эргином Пойразом заявил, что против Омера Эминагаоглу, председателя Турецкого союза судей и прокуроров (YARSAV), который готовил процессуальные документы по вопросу о закрытии ИСР, в скором времени будут опубликованы компрометирующие материалы.

Следующая волна арестов (6-я) состоялась 1 июля 2008 г. В ходе этой спецоперации был арестован 21 человек. Из них наиболее важными фигурами для следствия стали: представитель «Джумхуриет» в Анкаре, журналист Мустафа Балбай, писатель-публицист Эрол Мютерджимлер, глава Анкарской торговой палаты Синан Айгюн, армейский генерал в отставке Хюршит Толон, армейский генерал в отставке Шенер Эруйгур. Двое обвиняемых, бывший депутат от АКП Турхан Чёмез и бывший начальник Отдела разведывательной информации жандармских войск генерал в отставке Левент Эрсеэз, до начала операции покинули Турцию. При этом государственный обвинитель в лице З. Озя заявил в обвинении, что Эрсеэз, возможно, скрывается в России и, возможно, даже не без помощи российских спецслужб. Однако 15 января 2009 г. Эрсеэз был схвачен в одной из анкарских больниц, где он скрывался с вымышленной фамилией под видом больного.

Ранее, 29 марта, журнал «Нокта» опубликовал дневники бывшего командующего турецкими ВМС, армейского адмирала Оздена Орнека. После этого турецкая полиция изъяла жесткие диски, на которых были записаны дневники, и журнал вынужден был прекратить работу. В своих дневниках О. Орнек рассказал, что в 2003 и 2004 гг. высокопоставленные военные, среди которых был и Ш. Эруйгур, планировали военные перевороты (под кодовыми названиями «Сарыкыз» и «Айышыгы» соответственно), однако они не состоялись, так как тогдашний начальник генштаба Хильми Озкёк⁵³ был против. 7 июля в турецких СМИ появились сообщения о том, что среди бумаг арестованного Ш. Эруйгура также был найден план переворота под кодовым названием «Эльдивен». Эти сообщения вызвали бурное обсуждение в турецком обществе. 14 июля, чтобы рассеять все сомнения, снова выступил представитель прокуратуры Айкут Дженгиз Энгин и опроверг эти сообщения. Однако в тексте обвинения все же были включены слова о подготовке переворотов.

7-я волна арестов прошла 23 июля того же месяца. В ходе нее были арестованы шесть человек. Почти все они были тем или иным образом связаны с Рабочей партией Турции, «Национальным каналом», а также различными газетами. Наиболее важным арестованным стал полковник

в отставке Ариф Доган. Во время обыска в доме, принадлежавшем ему, были найдены автоматы Калашникова, ручные гранаты и патроны.

18 сентября 2008 г. состоялась 8-я волна арестов. Были задержаны 19 человек, среди них бывший председатель общественной организации «Очаги идеалистов» Левент Темиз, известный криминальный авторитет Сейхан Сойлу, также известный как «Сиси», а также пять сержантов действующей турецкой армии и один курсант военного училища. Эта волна привлекла внимание общественности тем, что впервые в качестве обвиняемых были привлечены действующие, а не отставные военные.

21 сентября 2008 г. прошла 9-я волна арестов. Аресты проводились одновременно в Стамбуле, Измире, Анкаре. Всего были арестованы 16 человек. Среди них наиболее важными для следствия были бывший владелец телеканала «Хабертюрк», журналист Тунджай Озкан⁵⁴, бывший директор стамбульского отдела госбезопасности по борьбе с организованной преступностью Али Сердар Сачан⁵⁵, бывший глава муниципалитета Эссюрт Гюрбюз Чапан, участник общественного движения «Сколько нас?» Эврим Байкара⁵⁶, а также сотрудники телеканала «Хабертюрк».

10-я, и последняя на сегодняшний день, волна арестов прокатилась по Турции вскоре после Нового года, 7 января 2009 г. В ходе нее были арестованы 40 человек. Среди арестованных наиболее важными являются: писатель Ялчин Кючюк, бывший председатель Совета высшего образования Кемаль Гюрюз, бывший генеральный секретарь Совета национальной безопасности Тунджер Кылыч, бывший сотрудник департамента специальных операций Ибрагим Шахин, бывший советник генерального штаба по правовым вопросам генерал в отставке Эрдал Шенель, армейский генерал в отставке Кемаль Явуз, генеральный секретарь Партии независимой республики и по совместительству журналист Энгин Айдын, а также Барыш Далан⁵⁷. Кроме того, прошел обыск в доме скрывшегося от следствия подполковника в отставке Мустафы Дёнмеза. В ходе обыска было обнаружено большое количество взрывчатки, оружия и боеприпасов к нему, а также документы о планах организации «Эргенекон».

После анализа тех документов, которые попали в руки полиции в ходе 10-й волны арестов и обысков, в различных районах Анкары были обнаружены тайники с оружием. Была проведена серия из 10 раскопок, однако оружие было найдено только в двух районах – в районе Гельбаши в Анкаре и в городе-спутнике Анкары Синджап-Йеникент. Серийные номера также совпали с номерами оружия, использованного в терактах 2006 г. Однако сторонних наблюдателей насторожила одна деталь: извлеченное из-под земли оружие выглядело так, будто его поместили в тайник за несколько часов до раскопок.

Вести дело было поручено группе из трех стамбульских прокуроров, которую возглавил Зекерия Оз. 14 июля 2008 г., после того как комиссия из трех республиканских судей сформулировала текст обвинения, материалы дела были заверены и одобрены ответственными судьями и переданы на рассмотрение в стамбульский суд № 13 по расследованию тяжких преступлений. Первое заседание по делу прошло 20 октября 2008 г. в окружном суде Силиври (пригород Стамбула).

Установлены связи «Эргенкона» и следующих гражданских организаций:

- Общество «Куваи-Миллийе»;
- Движение сотрудничества патриотических сил;
- Великий союз юристов;
- Общество «Св. София»;
- Международный совет Дедов Морозов;
- Общество поддержки вооруженных сил;
- Общество великого сотрудничества;
- Национальное общество промышленников и предпринимателей;
- Общество «Передовая молодежь».

Установлены связи «Эргенекона» и следующих террористических организаций:

- В обвинении указывается, что согласно захваченным документам В. Кючюк и У. Огузтан, вместо ликвидации РПК предлагали усилить сотрудничество с Оджаланом, организовать на базе его организации собственные террористические группы, которые могли бы управлять ситуацией в криминальном мире. Также предлагалось создать на базе существующих подразделений РПК сеть разведчиков и осведомителей, с помощью которой турецкая разведка могла бы играть на равных с мощнейшими разведками мира. В обвинении говорится о том, что лидеры «Эргенекона» хотели установить личный контроль над РПК и использовать ее по своему усмотрению. В обвинении указывается, что таким образом лидеры «Эргенекона» пытались создать в Турции атмосферу напряженности и конфликты между турками и курдами, создать в стране ситуацию управляемого хаоса. Зафиксирован также тот факт, что Д. Перинчек часто посещал тренировочные лагеря курдских боевиков в Сирии в долине Бекаа. По мнению судей, таким образом он создавал контакты с «мировым терроризмом» и являлся посредником или же передаточным звеном между лидерами организации и террористической закулисой.
- На основании обнаруженных документов установлены связи «Эргенекона», «Хезболлы» и ДНКР/С. На основании документов,

изъятых из офисов «Национального канала», установлено, что его создателями являлись В. Кючюк и один из эмиссаров «Хезболлы» в Турции Теоман Коман. Серийные номера гранат, обнаруженных в Умрание и использованных «Хезболлой» в своих акциях на территории Турции, совпадают.

- В обвинении говорится о связи «Эргенекона» и тайной военизированной организации «Тюрк Интикам Тугайы» («Турецкая бригада мстителей») под руководством Семиха Туфана Гюльалтая, которая поставила своей целью уничтожение врагов Турции внутри страны.
- Подтверждена связь «Эргенекона» с ОПГ из Карагюмрюка («Карагюмрюкские»). Лидер данной организованной преступной группировки Нури Эргин 2 сентября 2008 г. признался, что получил от В. Кючюка заказ на ликвидацию одного из руководителей Сабанджи-холдинга, Оздемира Сабанджи.
- Установлено, что члены «Эргенекона» планировали следующие акции устрашения:
  - Убийство членов Конституционного суда (план акции найден при обыске в офисе Рабочей партии);
  - Покушение в 2005 г. на начальника ГШ Яшара Бююканыта (план акции найден там же в электронном варианте);
  - Покушение на Эрдогана или же на главу разведывательного отдела Управления госбезопасности Рамазана Акйюрека⁵⁸. (признательное показание одного из членов «Тюрк Интикам Тугайы»);
  - В обвинении, кроме того, говорится, что планировались покушения на лидеров алавитской федерации, прокурдской партии ПДО, Орхана Памука, писателя газеты «Йенишафак» Фехми Кору, а также глав различных муниципалитетов Турции.

В ходе расследования в деле появлялось все больше и больше доказательств. Количество свидетелей, подозреваемых, обвиняемых и вещественных доказательств постоянно увеличивалось. В итоге по обвинению в участии в заговоре было задержано более 150 человек, из них 58 предъявлены обвинения, еще около 100 было арестовано по подозрению в соучастии. Всех наиболее важных подозреваемых можно условно разделить на четыре группы: отставные военные, журналисты и писатели, общественные и политические деятели, мафиозные лидеры.

К первой группе можно отнести следующих важных обвиняемых: армейский генерал в отставке Хюршигит Толон, армейский генерал в отставке Шенер Эруйгур, корпусной генерал в отставке Вели Кючюк, генеральный секретарь общества «Кувай-Миллийе» полковник генштаба

в отставке Мехмет Фикри Карадаг, полковник в отставке Хасан Атилла Угур, майоры в отставке Фикрет Эмек и Мехмет Зекерия Озтюрк⁵⁹, капитаны в отставке Музаффер Текин и Гази Гюдер, унтер-офицеры в отставке Октай Йылдырым и Махмут Озтюрк.

Ко второй группе можно отнести следующих обвиняемых:

известный писатель и независимый журналист Ергюн Пойраз, директор телеканала «Национальный канал» Ферит Ильсевер, главный редактор газеты «Джумхуриет» (рупор светских сил) Ильхан Сельчук, представитель «Джумхуриет» в Анкаре, журналист Мустафа Балбай, писатель Эрол Мютерджимлер.

К третьей группе можно условно отнести:

главу Рабочей партии Турции (РПТ) Догу Перинчека, секретаря РПТ Нусрета Сенема, пресс-секретаря Константинопольской патриархии Севги Ереперола, адвоката Кемалья Керинчсиза, бывшего ректора Стамбульского университета Кемалья Алемдароглу, главу Анкарской торговой палаты Синана Айгюна.

К четвертой группе можно отнести:

Сами Хоштана, Али Ясака (известен также как Drej Ali), Сейхана Сойлу (также известен как «Сиси»).

Высокопоставленные военные турецких ВС оказали моральную поддержку арестованным. После вступления в должность нового начальника ГШ Илькера Башбуга одним из первых его публичных шагов было посещение арестованных Х. Толона и Ш. Эруйгура.

Были задержаны и гражданские лица, связь которых с заговорщиками устанавливается, а также некоторые родственники осужденных. Большая часть подозреваемых – отставные военные и курсанты военных училищ, журналисты и общественные деятели. Есть также простые обыватели.

Дело вызвало широкий резонанс в турецком обществе. Многие турецкие журналисты связывали начало процесса с рассмотрением дела о закрытии правящей «Партии справедливости и развития», видя в этом своеобразный отпор военным со стороны ПСР. Вместе с тем, по слухам, некоторые сведения о деятельности возможных заговорщиков были предоставлены турецкой стороне ЦРУ с разрешения правительства США. Официальное обвинение сводится к следующим пунктам:

- Создание вооруженной террористической организации (ВТО);
- Покушение на основы государства;

- Участие в ВТО;
- Пособничество ВТО;
- Попытка свержения государственного строя;
- Попытка организации всенародного восстания против существующего правительства;
- Незаконное хранение и использование взрывчатых веществ;
- Попытка нападения на конституционный суд и организация взрыва в редакции газеты «Джумхуриет»;
- Попытка получить доступ к документам государственной важности, связанным с национальной безопасностью страны;
- Кража личных данных;
- Призывы к акциям вооруженного неповиновения властям;
- Разжигание в народных массах розни и ненависти.

Вместе с тем следует отметить, что, по-видимому, в деле перекрещивается несколько сюжетных линий. Главный обвиняемый по делу «Эргенекона» В. Кючюк, в общем-то, не отрицает существования организации, однако отказывается признавать ее террористической. Многие обвиняемые на процессе выступили с критикой действий судьи З. Озя, обвинив его в разглашении судебной тайны, в скрытой передаче своим знакомым журналистам информации о процессе, и отказались давать какие-либо показания. Некоторые обвиняемые по данному делу утверждают на суде, что организация получила название «Эргенекон» по ошибке или по недоразумению журналистов. На самом деле, утверждают они, название этой организации – «Гладио», или «Контргерилла»⁶⁰. Еще больше вопросов и подозрений порождает то, что большая часть свидетельств и доказательств находится на электронных носителях (флэш-картах, жестких дисках) и была представлена суду с нарушением процессуальных норм турецкого законодательства.

Кроме того, действительно невозможно до конца исключить политический подтекст некоторых действий властей. Дело было использовано для давления на политических противников АКП перед выборами глав муниципалитетов. Например, непосредственно перед выборами были распространены слухи о возможной причастности лидера крупнейшей оппозиционной партии (НРП) Дениза Байкала к «Эргенекону».

Можно предположить, что в настоящее время под руководством националистически настроенных офицеров-кемалистов данная организация действительно слилась с криминалом и частным бизнесом. По всей вероятности, она вышла из-под контроля своих заокеанских создателей и начала представлять определенную угрозу для реализации их собственных планов в отношении региона Большого Ближнего Востока. Можно в дополнение к этому еще отметить, что один из главных источников информации об орга-

низации, Т. Гюней, постоянно проживает в Канаде. В целом в ликвидации турецкого крыла «Контргериллы» могут быть заинтересованы как США, так и ЕС. Они могут преследовать свои собственные цели:

- Уничтожение мощной влиятельной группы, способной повернуть вспять некоторые политические процессы в Турции. Это необходимо для ослабления влияния турецких военных, которые сдерживают процесс федерализации Турции, и разделения ее на несколько автономных регионов; Такое разделение, в свою очередь, необходимо для реализации планов по раздроблению ближневосточного региона на несколько более мелких государств (это выгодно и США, и ЕС);
- Препятствовать наметившемуся сближению России и Турции и усилить свое собственное;
- Создать обстановку нестабильности, вражды в обществе, частично, а возможно, и полного свертывания гражданских прав и свобод и отложить, таким образом принятие Турции в ЕС на неопределенно долгий срок (выгодно ЕС).

«Эргенекон» и Россия

В обвинении, сформулированном прокурорской группой, говорится о том, что у нескольких важных обвиняемых имелись более или менее тесные связи с Россией. В частности, судьям стало известно, что Д. Перинчек много раз бывал в России. Другой важный обвиняемый, бывший ректор Стамбульского университета К. Алемдароглу, подписал договор о сотрудничестве с Московским государственным университетом (с ИСАА МГУ. – Прим. авт.). Известно, что Ш. Эруйгур публично высказывался о необходимости для Турции выйти из НАТО, стать полноправным членом ШОС и создать военный союз с Россией и Ираном. Турецкие СМИ заявляли, что один из обвиняемых, начальник Отдела разведывательной информации жандармских войск Левент Эрсёз, по данным следствия, скрывается в России. Впоследствии выяснилось, что он скрывался под видом больного в одной из частных клиник в Анкаре. Это, по мнению судей, свидетельствует о том, что в деле может присутствовать «русский след», однако говорить о нем за недостаточностью доказательств пока еще рано. Также отмечается, что российская разведка пытается активно воздействовать на события, происходящие в Турции.

Следует также отметить, что эта тема получила свое развитие в СМИ. Так, на сайте газеты «Заман», которая принадлежит правящей партии АКП, появилась статья, озаглавленная «Переворот сторонников России и «Эргенекон». Там открытым текстом говорится о том, что турецкое отделение «Гладио» перешло под контроль сторонников сближения с Россией. Автор (Ихсан Дагы) задается таким риториче-

ческим вопросом: разве можно безучастно наблюдать за тем, что армия страны, которая вот уже на протяжении более 50 лет находится в западной системе безопасности, переходит в руки клики «русаков» (Rusçu), сторонников сближения с Россией (Rus yanlısı), выступающих против сотрудничества с НАТО, ЕС, США?! И продолжает (с экспрессией), что к счастью «русакам» не удалось выполнить свой зловещий план. Однако автор делает важный вывод: «Эргенекон» – всего лишь неофициальное продолжение официальной организации, т.е. НАТО. Для того чтобы полностью избавиться от «Эргенекона», по логике автора надо распустить НАТО. Однако этого в ближайшее время не произойдет. Автор делает такой вывод: судя по тому, что военные хотя и в значительной мере срослись с государственным капиталом, но все-таки не оставляют попыток спланировать военный переворот, в будущем Турция может ожидать появления групп, стремящихся к сближению не только с Россией, но и с Америкой. Важным элементом дела оказались дневники одного из арестованных, отставного адмирала О. Орнека, в которых говорится о подготовке переворотов в 2003–2004 гг. В частности, он сообщает о подготовке плана «Кувалда» в 2004 г. Согласно плану связанные с «Эргенекон» и подконтрольные военным гражданские организации должны были подорвать политическую стабильность Турции с помощью целого ряда провокаций, террористических актов и общественных выступлений. О. Орнек предлагал использовать это как предлог для военного вмешательства, однако руководство генерального штаба его не поддержало.

Воспользовавшись дневниками О. Орнека, турецкое правительство в августе 2010 г. перед выборами нового начальника ГШ шаптажировало военное руководство. В частности, предлагалось отпустить арестованных по делу военнослужащих в обмен на возможность независимо от ГШ выбрать новых главнокомандующих.

Изначально занять армейские посты, освобождающиеся в связи с уходом в отставку прежних военачальников, должны были подходящие по званию старшие офицеры. В частности, вначале на должность командующего сухопутными войсками предлагался генерал Хасан Игсиз (Hasan Iğsız). Но его кандидатура отпала из-за якобы имевшей место причастности к заговору. Военные согласились на условия правительства, отказавшись выдвигать кандидатуры замешанных в заговоре генералов.

В итоге новым начальником ГШ стал Ышык Кошанер, а командующим сухопутными войсками – Эрдал Джейланоглу. Их кандидатуры были выдвинуты Р.Т. Эрдоганом и А. Гюлем.

События 2007–2008 гг. и начало расследования по делу «Эргенекон» продемонстрировали, что в Турции при поддержке внешних сил (ЕС

и США) начался демонтаж системы влияния военных на политическую жизнь страны.

Примечателен тот факт, что среди арестованных по делу об «Эргеконе» есть несколько десятков курсантов военных училищ и молодых офицеров. Это может косвенным образом свидетельствовать о том, что офицерство и армия в целом расколоты, как и в 1960-х и 1970-х гг., на (условно) консервативные силы и сторонников «радикального» вмешательства военных в политическую жизнь страны.

В настоящий момент можно предположить, что армия не сумеет ничего противопоставить правящей партии в борьбе за влияние в стране. Однако борьба за контроль и влияние продолжится. Основными игроками на политической сцене выступали следующие силы:

Партия справедливости и развития и ее лидеры – президент Турции *Абдулла Гюль* и премьер-министр *Реджеп Тайип Эрдоган*. Данная партия отражает интересы исламистов во власти, обладает существенным влиянием на население при помощи целой сети негосударственных (прежде всего благотворительных и образовательных) учреждений – вакфов. По данным последних выборов, за ПСР проголосовало более 46 % населения страны, в то время как за ее основных соперников – НРП (в коалиции с ДЛП) и ПНД – более 20 % и более 14 % соответственно. Несмотря на попытки НРП создать единый фронт оппозиции ПСР, ей не удалось преодолеть партийные разногласия и объединиться с ПНД в борьбе за голоса избирателей. Вместе с тем многие избиратели проголосовали за ПСР ввиду преодоления кризиса конца 1990-х гг. и тех экономических успехов, которых достигла Турция в 2000-х гг. при правительстве, сформированном ПСР. В настоящий момент в связи с экономическими трудностями, которые испытывает Турция, влияние ПСР несколько снизилось.

Следует отметить, что за период с 2001 г. вплоть до президентских выборов в 2007 г. ПСР с помощью назначения новых молодых (в основном сельских) кадров удалось полностью поставить под свой контроль криминальную полицию, которая стала мощным орудием и точкой опоры новой партии в борьбе с влиянием военных. Свидетельством этого в 2007–2008 гг. стало дело о тайной подпольной организации «Эргекон», участники которой (в большинстве своем критиковавшие ПСР влиятельные журналисты и общественные деятели, отставные высокопоставленные военные и молодые курсанты и младшие офицеры, лидеры маргинальных политических партий) были обвинены в подготовке государственного переворота. Это был своего рода превентивный удар по военным на случай прямого вмешательства в политическую жизнь страны и покушения на политическую монополию ПСР. Здесь можно провести определенные аналогии с ситуацией в Советской России, когда контролируемый Стали-

ным репрессивный аппарат в 1937 г. начал чистки высшего командного состава армии. Как ни странно, важным аргументом для снижения влияния военных стала и внешняя политика. Министр иностранных дел А. Давутоглу последовательно начал реализовывать свой принцип «0 проблем с соседями» как основополагающий во внешней политике Турции. Улучшение отношений с некоторыми ближайшими соседями также повлияло на общественное мнение, в котором во многом был преодолен синдром враждебного окружения страны, предполагавший наличие волевой и политически активной военной элиты в стране.

Таким образом, в отличие от предыдущих исторических периодов противостоящая армейской элите партия сумела выработать достаточно действенную систему сопротивления воле военных.

Правительство Эрдогана, видимо, смогло учесть исторический опыт участия военных в политической жизни страны, поскольку одновременно с закулисной борьбой с влиянием военных в стране проводится невиданная до сих пор антитеррористическая кампания (инициированная не военными, а находящимися под контролем ПСР полицейскими), призванная не допустить нестабильности, разгула преступности и политического террора.

Как показали дальнейшие события, правящая ПСР предусмотрела и возможность опосредованного, непрямого конфликта с армейским руководством. Это доказывают те поправки к конституции Турецкой Республики, которые были вынесены на общенациональный референдум, состоявшийся 12 сентября 2010 г. Основными поправками стали невозможность закрытия партии из-за криминальной деятельности одного из ее членов, неприкосновенность материального и финансового имущества политических партий, невозможность преследования общественных деятелей по политическим мотивам. Также были вынесены на всенародное обсуждение поправки о замене для военных преступников военного трибунала гражданским судом, расширении состава Конституционного суда Турецкой Республики до 24 человек, избираемых из числа депутатов меджлиса, а также о введении должности Уполномоченного по правам человека. Эти и другие поправки были одобрены большинством населения. Одновременно с этим правящая ПСР попыталась подорвать социальную базу военных, выступив с широкими обещаниями дать гораздо больше прав и свобод призывникам, находящимся на службе в армии. Еще одним ударом по военным стало назначение в августе 2010 г. нового начальника генерального штаба Ышыка Кошанера, кандидатура которого впервые в истории взаимоотношений военных с правительством была предложена премьер-министром и президентом.

Другую силу, заинтересованную в сохранении своего влияния, представляют военные в лице председательствующих в *СНБ* силовиков, и на-

начальника генерального штаба турецких ВС, а также связанные с ними политики в партии Ататюрка – НРП (ее председатель – *Кемаль Кылычдароглу*). Прежний начальник генерального штаба турецких ВС, ярый защитник принципов светскости и сторонник активного вмешательства военных в политическую жизнь страны генерал *Яшар Бююканыт* 30 августа 2008 г. был уволен со своего поста в связи с достижением пенсионного возраста. С 1 по 4 августа 2008 г. в Турции проходили слушания в Высшем военном совете страны относительно очередной кандидатуры начальника ГШ. Им стал генерал *Илькер Башбуг*, который, несмотря на ожидания лидеров ПСР, не стал компромиссной фигурой. С ним военная элита связывала дальнейшее отстаивание своих интересов перед лицом растущего давления на армию со стороны ПСР и Европейского союза. В частности, Башбуг заявил, что армия вне политики (в этом он следует заветам Ататюрка. – Прим. авт.), но если армию попробуют втянуть в политические игры, то «запустятся ее защитные механизмы»⁶¹. По его словам, для обсуждения политических вопросов имеются действующие политические платформы вроде СНБ⁶². Кроме того, одним из первых шагов Башбуга на посту начальника ГШ стало демонстративное посещение отставных офицеров, арестованных по делу «Эргепекона» и слова поддержки в их адрес. Вместе с тем Башбуг добился от правительства ПСР продления сроков трансграничной операции в Северном Ираке⁶³. Кроме того, многие офицеры и рядовые граждане Турции с приходом И. Башбуга ожидали проведения запланированных еще Я. Бююканытом серьезных реформ в армии, связанных с перевооружением армии и переходом от призывного принципа комплектования армии к контрактному.

В целом И. Башбуг не сумел осуществить задуманных реформ. В августе 2010 г. он в связи с достижением пенсионного возраста покинул свой пост. Впервые в истории Турции новую кандидатуру предложили премьер-министр и президент. Новым начальником ГШ стал *Ышык Кочшанер*. Его назначение еще больше ослабит армию и военных и поставит их под контроль правящей партии.

Народно-республиканской партии также был нанесен серьезный удар. В 2010 г. была обнародована видеопленка, на которой зафиксирована интимная связь 70-летнего лидера партии Д. Байкала с одной из его соратниц по партии. Отставка Д. Байкала и назначение на его пост К. Кылычдароглу вызвали неоднозначную реакцию среди членов партии, многие из которых покинули ее ряды и теперь выступают в качестве независимых депутатов.

Вероятно, в настоящее время ожидать прямого выступления военных не стоит, поскольку в результате значительного сращивания военно-бюрократического аппарата с бизнесом (причем зачастую связанным не

только с нуждами обороны) армии и офицерству невыгодно силовое вмешательство, которое чревато оттоком иностранных инвестиций и осложнением экономической ситуации в стране.

Что касается прочих более или менее значимых *политических партий* помимо ПСР, то они организационно разобщены. В настоящее время большинство мест в меджлисе принадлежит Партии справедливости и развития (338 мест). За ней следует НРП в коалиции с ДЛП (98 и 13 мест соответственно, председатель ДЛП – Зеки Сезер), ПНД (лидер – Девлет Бахчели, 70 мест), недавно созданная Партия мира и демократии (ПДО, лидер – Ахмет Тюрк, 21 место). Еще по одному креслу принадлежит Партии свободы и солидарности (лидер – Уфук Урас) и Партии Великого союза (лидер – Ялчин Топчу). Важным изменением стало появление ПДО (Demokratik Toplum Partisi), которая представляет интересы курдов и была допущена к участию в меджлисе во многом под давлением ЕС в качестве той уступки, которая создаст предпосылки для дальнейшей демократизации страны. Депутаты от ПДО получили большинство голосов в провинциях на юго-востоке страны. Силовики в правительстве считают ПДО инструментом ЕС и США по ослаблению и развалу Турции. Однако военное руководство было вынуждено смириться с этим ввиду общего государственного курса на вступление в ЕС. Тем не менее некоторые из депутатов ПДО не были допущены к участию в выборах, поскольку была доказана их связь с Рабочей партией Курдистана. Была также инициирована попытка запретить ПДО в августе–сентябре 2008 г., но она не увенчалась успехом (во многом из-за сопротивления Эрдогана, который хотел таким образом завоевать часть голосов курдских избирателей). Однако уже в январе 2010 г. партия была запрещена. Буквально через несколько дней на ее месте появилась преемница – Партия мира и демократии, почти с неизменным составом депутатов. Ее возглавил Селяхаттин Демирташ.

Согласно социальным опросам населения во время недавних выборов в местные органы власти, более трети населения считает существующие партии неспособными решить насущные проблемы страны.

Важным фактором является еще и роль внешних сил – во-первых, *Европейского союза*, который заинтересован в том, чтобы отложить вступление Турции в ЕС на неопределенный срок; во-вторых, *США*, которые заинтересованы в ослаблении роли военных (или, как минимум, ограничении их активной деятельности) для достижения своих геополитических задач на территории Большого Ближнего Востока.

Таким образом, можно утверждать, что период военных переворотов в истории Турции прошел, вмешательство военных в политику

в ближайшее время маловероятно, а текущая политическая ситуация складывается далеко не в пользу военных, которые продолжают постепенно терять влияние на политические процессы в стране.

Выводы

Опыт политического развития Турции дает нам возможность выделить некоторые основные черты и функции, которые были в той или иной мере присущи военным в ходе различных внутривнутриполитических конфликтов в турецком обществе. Активность военных в Турции была обусловлена относительной слабостью гражданских политических институтов, политической нестабильностью и неэффективностью гражданских правительств. По своему характеру вмешательство военных было призвано заменить или дополнить функционирование партий, а также отрегулировать и держать под контролем политическую систему страны.

Можно назвать несколько типичных задач, решавшихся военными в зависимости от конкретных условий в определенный период времени:

- Сохранение территориальной целостности и безопасности страны.
- Политический контроль за населением.
- Демополитизация населения, пропаганда принципов кемализма с использованием партийного аппарата и армии как инструмента обучения и идеологической обработки молодежи.
- После организации военного переворота высшее военное руководство берет на себя роль политической организации (например, в случае с СНБ) для проведения нужных реформ.
- Формирование и поддержка проправительственных партий, регулирование партийной системы в целом.
- Участие отставных офицеров (не потерявших тем не менее связи с армией) в работе правительственных учреждений (например, парламента) и бизнес-структур.

Следует отметить определенную цикличность отношений «армия – партия». Тем или иным путем армия вмешивалась или пыталась вмешаться в ход политических событий пять раз в новейшей истории Турции – в 1960, 1971, 1980, 1996–1998, 2007–2008 гг. Однако в современных условиях повторение военных переворотов 60-х, 70-х, 80-х гг. прошлого века, когда участие военных в политической жизни страны принимало форму государственного переворота, кажется маловероятным. При этом существенную роль играет сложное сочетание внутри- и внешнеполитических факторов, чего не наблюдалось ранее. Например, в настоящее время военным в отличие от 1960–1970-х гг. приходится учитывать:

- негативное влияние политической нестабильности в стране на приток иностранных инвестиций, от которых зависит и развитие принадлежащих военным производств и предприятий;
- реакцию СМИ (прежде всего международных);
- реакцию мирового сообщества, от некоторых членов которого зависят поставки вооружений и технологий в рамках НАТО и т.п.;
- поддержку, которую оказывают политическим противникам внешние силы (например, ПСР получает финансовую и информационную поддержку от Конгресса США);
- за долгие годы противостояния с армией оппозиция сумела выработать определенные методы защиты, например, открытие партии с новым названием и уставом, но старым (неизменным) депутатским составом; предварительный удар по армии в виде ареста по надуманным обвинениям наиболее активных офицеров и общественно-политических деятелей.

В этих условиях старые методы контроля политической системы стали все больше входить в противоречие с социально-политической действительностью и будут приносить более вреда, чем пользы.

Тем не менее армия не намерена отказываться от своей приверженности принципам кемализма. И далее она будет следить за функционированием политической системы и выступать в роли гаранта ее стабильности. Однако ее вмешательство будет опосредованным – с помощью конституции, судебных органов, «независимых» депутатов и политических деятелей, серьезных финансовых штрафов и ограничений для партий и лиц, отклонившихся от генерального курса Мустафы Кемала Ататюрка.

¹ Правил с 1789 по 1807 г. Его реформы получили название «Низам-и Джедид» («Новый порядок»). В ходе них французскими офицерами были реформированы отдельные воинские подразделения – в первую очередь артиллеристы, инженеры и моряки.

² Правил с 1808 по 1839 г., с помощью подготовленных своим предшественником по европейским уставам воинских подразделений и нового офицества уничтожил янычарский корпус в 1826 г. Известно, что Махмуд II был воодушевлен примером Петра I, уничтожившего стрелковое войско, и считал себя его турецким последователем-реформатором.

³ Более подробно вопросы борьбы с иностранной интервенцией и внутренней оппозицией режиму рассмотрены в: *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. – М.-Л.: 1948 г.

⁴ *Karakurtal B.* Turkey: the Army as Guardian of the Political Order. The Political Dilemmas of Military Regimes. – L., 1985. P. 47.

⁵ Более подробно см.: *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. – М.-Л.: 1948 г.

⁶ Ограниченный объем статьи не позволяет нам в должной мере рассмотреть вопросы борьбы с иностранной интервенцией и внутренней оппозицией режиму. Более подробно см.: *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. – М.-Л.: 1948 г.

- ⁷ Первая «стрела» – «республиканство» – означала, что республика – единственно приемлемая для Турции форма правления; вторая – «национализм» – символизировала готовность к борьбе за независимость и за возвышение турецкой нации; третья – «народность» – декларировала народный суверенитет и отрицание классов и классовой борьбы; четвертая – «этатизм» – символизировала стремление к созданию национальной промышленности с помощью и под контролем государства; пятая – «лаицизм» – символизировала принцип светского, мирского государства; шестая – «революционность» – символизировала верность идеям кемалистской революции.
- ⁸ Буржуазные партии и политическая борьба в странах Востока. – М.: 1987 г. С. 220.
- ⁹ Более подробно см.: Гасанлы Дж. СССР–Турция: от нейтралитета к холодной войне. 1939–1953. – М.: 2008 г.
- ¹⁰ Данилов В.И. Политическая борьба в Турции. 50-е – начало 80-х гг. XX в. (политические партии и армия). – М.: Наука. 1985 г. С.28–29.
- ¹¹ Там же. С. 31.
- ¹² İpekçi A., Söşar Ö. İhtilalin İçyüzü, İstanbul, 1965, S. 30–51, 61–65.
- ¹³ Старченков Г.И. Турция: роль армии в общественно-политической системе // ААС (Азия и Африка сегодня). 1984, № 7. С. 15.
- ¹⁴ Kennedy G. The Military in the Third World. L., 1974. P.143–145.
- ¹⁵ Данилов В.И., Указ. соч., С. 24–34.
- ¹⁶ Hale William. Turkish Politics and the Military. – London, 1994. P.102–110.
- ¹⁷ Vozdemir M. Le role politique de l armée en Turquie. – Grenoble (без года), P. 183.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Aydemir T. Talat Aydemir'in hatıraları. – İstanbul, 1968. С. 122–142.
- ²⁰ Там же, С. 246–262
- ²¹ Турецкая Республика. – М.: ИВРАН. 2000. С. 68.
- ²² Harris George S. The left in Turkey, Problems of communism 29:4 (1980) P. 24–61.
- ²³ Landau Jacob M. The Militant right in Turkish politics. Middle Eastern themes in history and politics. – London 1974, P. 272–289.
- ²⁴ Розалиев Ю.Н. Крупная буржуазия современной Турции // НАА (Народы Азии и Африки), 1983, № 5. С. 88.
- ²⁵ Batur Muhsin. Anılar ve Görüşler. – İstanbul, 1985. S. 173–299.
- ²⁶ Ahmad Feroz. The Turkish experiment in democracy, 1950–1975. – London, 1977, P.288–289.
- ²⁷ Там же, С. 290–299.
- ²⁸ Altıç Kartal. 12 Mart ve Nihat Erim Olayı. – İstanbul, 1973, S. 17–162.
- ²⁹ Nye, Roger P. Civil-military confrontation in Turkey: the 1973 presidential election // International journal of Middle East studies 8 (1977), P. 211–228.
- ³⁰ Çelik Seydi. Osmanlı'dan Günümüze Devlet ve Asker. Askeri Bürokrasinin Sistem İçindeki Yeri. İstanbul, 2008. S. 157–163.
- ³¹ Купеев Н.Г. История Турции. XX век. – М.: ИВРАН, 2007 г. С. 324–333.
- ³² Evren Kenan. Kenan Evren'in anıları – İstanbul, 1991. 274–284.
- ³³ Там же. С. 456–460.
- ³⁴ Старченков Г.И. Турция на рельсах индустриализации // ААС, 1988 г., № 2. С. 22.
- ³⁵ Parlar Suat. Osmanlı'dan Günümüze Gizli Devlet. – İstanbul, 2005. S. 297–305.
- ³⁶ Купеев Н.Г. Указ. соч. С. 332.
- ³⁷ Le Monde diplomatique. Decembre 1983, P.31.
- ³⁸ Турецкая республика... С. 73.
- ³⁹ Çelik Seydi. Указ. соч. С. 164–171.
- ⁴⁰ Briefing (Ankara weekly), 10 February 1997, P. 1–4, 3 March 1997, P. 1, 10 March 1997, P. 4.
- ⁴¹ <http://www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=213510>.
- ⁴² Следует отметить, что полиция находится под негласным контролем со стороны ППСР. В последние несколько лет был почти полностью обновлен личный состав полиции. На рядовые должности было назначено множество молодежи, недавно переехавшей в города из сел, а на высшие посты были проведены сторонники ППСР. Именно благодаря этому и удалось нанести такой «упреждающий» удар пошпимам. В ходе личных разговоров с турецкими журналистами и бизнесменами выяснилось, что разрешение на такую акцию ППСР получила у американского руководства.
- ⁴³ <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1217707980>.
- ⁴⁴ Название «Эргенекон» в турецких СМИ было интерпретировано как сокровенное место, убежище

- прародителей тюрков. Однако это неверно. Эргенекон происходит от монгольского названия Эргуэн-Кун, связанного с легендой о происхождении монголов. Так называлась горная долина, где снахлись от врагов легендарные предки монголов. Данный район соотносится с долиной реки Аргунь, вытекающей из озера Далай-нор. Персильский летописец XIII–XIV вв. Рашид-ад-Дин записал эту легенду со слов бежавших перед монголами тюрков. (См.: Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. – М.-Л.: АН СССР, Институт востоковедения, 1952. С.9). Впоследствии под воздействием фонетических законов турецкого языка Эргуэн-Кун трансформировался в Эргенекон.
- ⁴⁵ Это специальная военизированная организация, созданная в 60-х гг. XX в. в обстановке секретности турецким генеральным штабом с целью защиты тюрко-киприотов. Однако первый президент Турецкой Республики Северного Кипра Фауф Денкташ опроверг эти данные.
- ⁴⁶ Революционная партия народного спасения – Devrimci Halk Kurtuluş Partisi/Cephesi.
- ⁴⁷ Это была первая тайная военно-политическая организация, которая организовала сопротивление оккупационным войскам Агтагты на территории Турции после 1918 г. Организация объединяла в основном бывших османских офицеров, а также служащих разведки, не согласных с капитуляцией перед противником. В руках ее членов находилось большое количество легкого стрелкового вооружения, которое использовалось в партизанских действиях против английских, французских, итальянских и греческих войск, находившихся на территории Анатолии по условиям мудросского перемирия 1918 г.
- ⁴⁸ Музаффер Текин задержан в 2006 г. по подозрению в причастности к нападению на офис «Джумхурист», но позднее отпущен за недостаточностью обвинений.
- ⁴⁹ В его доме обнаружили компромат на членов правительства от партии АКП. Обнаруженные материалы вскрыли порочные связи одного из министров правительства АКП (который около 20 раз совершал хадж) и молодых девушек, которых с ним знакомили его советники. Кроме того, были найдены документы, подписанные нынешним мэром Адкары, а в тот момент депутатом от АКП Мелихом Текчексом (за ним закрепилась репутация казнокрады и вляточника) об оказании Ильдизом консалтинговых услуг партии АКП в 2003 г. на сумму 354 млрд турецких лир.
- ⁵⁰ Председатель турецкого союза юристов. Следствие полагает, что он обеспечивал законодательную и юридическую поддержку всем националистским акциям, направленным против армян. В частности, он организовал нападки на армянского журналиста Гранта Динка в Стамбуле, после чего тот был убит, а также принимал участие в организации судебного процесса против Орхана Намука за то, что он признал факт геноцида армян в 1915 г.
- ⁵¹ Он проходил также по делу о происшествии в районе Сусурлук в окрестностях Бурсы. Суть произошедшего заключалась в том, что случайно в результате ДТП вскрылась связь депутатов меджлиса от Партии верного пути и мафиозных структур. В 2000 г. ему было предъявлено обвинение в сбыте и хранении наркотических веществ. Он провел в тюрьме четыре года. В 2004-м г. вышел на свободу.
- ⁵² Этот журнал был организован Д. Перинчеком.
- ⁵³ Ходили неподтвержденные слухи, что он симпатизировал АКП.
- ⁵⁴ Он известен также серией публицистических работ по истории турецкой разведки и т.п. «Глубокого государства» – т.е. некоего тепевого правительства со своим собственным аппаратом принуждения.
- ⁵⁵ Это тот самый полицейский, который в 2001 г. допрашивал Тунджая Гюнея. Его обвиняют в сокрытии информации, представляющей опасность для государства, в замалчивании и в укрывательстве участников «Эргенекона».
- ⁵⁶ Движение борется за сохранение светского государства и продолжение политики секуляризма.
- ⁵⁷ Его отец – Бедреттин Далан, известный общественный деятель Турции, бывший мэр Стамбула, ректор частного стамбульского университета Иедитене, основатель частного благотворительного фонда «Истэж». В помещениях фонда и университета были проведены обыски, в результате которых было найдено оружие. Ему также были предъявлены обвинения в связи с участием в организации «Эргенекон», однако арестовать его не смогли, поскольку он уехал в США. Недавно он сделал громкое заявление, суть которого заключается в том, что причины организации данного процесса – это осуществление американского преска Большого Ближнего Востока. В том же заявлении он призвал руководство турецких ВС к прямому диалогу с «еврейским» лобби внутри США.
- ⁵⁸ Некоторые турецкие журналисты считают, что этот «силовик» и сфабриковал дело «Эргенекон», причем сделал это по указанию Ф. Гюлена.

- ⁵⁹ Именно его Тунджай Гюней называл в качестве передаточного звена и посредника между ЦРУ и американским разведывательным сообществом и руководством «Эргеккона».
- ⁶⁰ Это натовская структура, которая была создана во всех странах-участницах блока с целью вести антикоммунистические действия внутри страны в мирное время и устраивать диверсии в случае войны с СССР.
- ⁶¹ <http://www.taraf.com.tr/haber/17115.htm>.
- ⁶² <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/9925049.asp?gid=229&sz=36429>.
- ⁶³ По его словам, действовать в Ираке при сотрудничестве с разведкой США будут диверсионные группы при поддержке турецкой авиации и артиллерии.

Египетская армия после февральской «революции»

Владимир Куделев

История независимого Египта ведет отсчет с 28 февраля 1922 г., когда Великобритания опубликовала одностороннюю декларацию об отмене протектората (19 декабря 1914 г. Великобритания объявила Египет протекторатом, державы-победительницы в Первой мировой войне признали этот статус страны в апреле 1919 г.) и провозглашении его «независимым и суверенным» государством. Со времени национально-освободительной революции 1952 г., подготовленной в недрах египетской армии движением «Свободные офицеры», неизменно высшие руководители страны – Мохаммед Нагиб, Гамаль Абдель Насер, Анвар Садат и Хосни Мубарак – являлись представителями и ставленниками военной верхушки.

В Египте, как и в большинстве других арабских стран, армия в общественном сознании воспринимается как главный гарант суверенитета и безопасности страны. Будучи важным политическим элементом общественной системы, армия в Египте непосредственно участвовала и участвует во всех социальных процессах. Она объективно влияет на выбор пути развития в соответствии с интересами определенного класса или

определенных социальных групп. Это как нельзя лучше подтвердилось и в ходе февральских (2011 г.) и последующих событий в Египте.

Особенностью офицерского корпуса египетской армии – и это особенно заметно в последние два десятилетия – стало то, что ее высшее командование традиционно формировалось преимущественно за счет выходцев из семей, связанных тем или иным образом с крупной буржуазией. Поэтому не приходится удивляться, что по своим политическим воззрениям оно было проамериканским.

Что касается младших офицеров, то они являются в большинстве своем выходцами из среды мелкой и средней буржуазии. В этой среде одно время преобладали панарабские, нередко левые, настроения. В последнее время на нее усилилось влияние исламистов. Последнее явление не удивительно. Оно во многом стало следствием дискриминационной политики властей по отношению к египетским христианам – коптам. Последние – в отсутствие официальных данных – составляют до 10 % от общей численности населения Египта. При этом существующие неофициальные ограничения в сферах, связанных с госбезопасностью и силовыми структурами, привели к тому, что доля курсантов-коптов в военных училищах не превышает 1 %. Кстати, в свое время, до проведенной Насером национализации системы образования, высокой репутацией пользовались именно коптские (по сравнению с мусульманскими) школы. Выпускниками коптских школ являлись Насер и Садат¹.

Египетские военные до Второй мировой, во время и после нее

Строительство офицерского корпуса Египта началось в конце 30-х гг. XX столетия. После формального получения независимости в 1922 г. вооруженные силы Египта остались под контролем британцев. Так продолжалось до 1936 г., который стал годом начала возрождения египетской армии – после заключения договора с Великобританией проходившие в египетской армии службу британские офицеры к 1938 г. были уволены.

До Второй мировой войны в египетскую армию пришло новое поколение офицеров, представленное главным образом выходцами из мелкой буржуазии, низшего слоя чиновников и крестьян. Основная масса молодых офицеров была настроена националистически и антибритански. Понятно, почему армия быстро перестала быть послушным инструментом в руках англичан. В 1939 г. возникла офицерская организация, ставившая перед собой цель добиться полного освобождения Египта от иностранного господства. Окончательно она оформилась в 1942 г. и стала называться «Свободные офицеры»².

Во время Второй мировой войны территория, материальные ресурсы и армия Египта использовались Великобританией для ведения боевых

действий против германо-итальянских войск в Ливии. В стране действовал режим военного положения. В сентябре 1940 г. итальянские войска вторглись в Египет, но их продвижение было остановлено. После высадки германских войск в Ливии 27 мая 1942 г. германо-итальянские войска под командованием Роммеля перешли в наступление и вышли к Эль-Аламсйну. В октябре – ноябре 1942 г. британские войска разбили корпус Роммеля. 24 февраля 1945 г. Египет объявил войну державам «оси».

В первые послевоенные годы Египет безуспешно пытался решить проблему роспуска британо-египетского Совета обороны и вывода с национальной территории британских военных баз. Несмотря на это, основная часть офицерского корпуса Египта готовилась в этот период с помощью Великобритании и в ходе подготовки получала соответствующий политический заряд. Это позволяло властям активно использовать армию для подавления массовых выступлений.

Участие в арабо-израильских войнах

В мае 1948 г. Египет вступил в арабо-израильскую войну 1948–1949 гг. Она завершилась поражением арабов и вскрыла слабость полукOLONиального монархического режима. В условиях острой внутривластной борьбы группа прогрессивно настроенных офицеров, объединенных в организацию «Свободные офицеры», в ночь на 23 июля 1952 г. по плану, разработанному Гамалем Абделем Насером, совершила революционный переворот, положивший начало антиимпериалистической, антифеодальной революции. С того дня армия надолго (может, навсегда?) стала определяющим элементом в политической жизни Египта. Это событие не было случайным. В армии были сильны националистические настроения. Попытки властей использовать ее как инструмент подавления выступлений населения привели к тому, что военные стали их прямыми участниками.

26 июля король Фарук отрекся от престола. Во главе государства встал Совет руководства революцией (СРР), который возглавил верховный главнокомандующий египетской армией генерал М. Нагиб. Фактическое руководство работой СРР осуществлял Насер. 18 июня 1953 г. Египет провозглашен республикой. Его первым президентом стал генерал Нагиб.

С середины 1953 г. в СРР началась острая борьба между либерально-буржуазным течением в среде офицеров во главе с Нагибом, считавшим революцию завершенной, и революционно-демократическим крылом во главе с Насером, выступавшим за развитие революции. В октябре 1954 г. «Братья-мусульмане» организовали покушение на Насера. При расследовании была вскрыта связь между «Братьями» и Нагибом. Последнего

освободили от всех постов. «На «Братьев» обрушились репрессии. Победа фракции Насера в СРР способствовала стабилизации режима.

Тем временем во исполнение британо-египетского соглашения от 1954 г. к июню 1956 г. был завершен вывод британских войск из Египта. В марте 1955 г. Насер сформулировал шесть принципов революции, один из которых предусматривал создание национальной армии. Насер, занимавший с 17 апреля 1954 г. пост премьер-министра, 23 июня 1956 г. избирается президентом.

При Насере правивший в Египте режим во многом являлся военным. Практически все посты руководителей губернаторов провинций и глав египетских дипмиссий занимали представители армии или полиции³. В этот период офицерский корпус стал местом сплачивания выходцев из различных социальных групп населения в особый, связанный узлами дисциплины механизм, быстро приобретший черты особой касты со всеми свойственными ей атрибутами. Эта кастовость офицерского корпуса египетской армии сохраняется и в настоящее время. Она во многом нивелирует особенности, привитые офицерам в военных учебных заведениях разных стран, и обеспечивается, в частности, относительной компактностью проживания командного состава, функционированием закрытых для других учреждений в сфере здравоохранения, торговли и туризма.

Решение Насера от 26 июля 1956 г. о национализации компании Суэцкого канала привело к тому, что Великобритания и Франция подтолкнули Израиль напасть в ночь с 29 на 30 октября на Египет и сами присоединились к участию в боевых действиях. Только вмешательство СССР позволило сорвать тройственную агрессию против Египта.

В 1955 г. Египет и Сирия подписали договор о совместной обороне. 1 февраля 1958 г. появилось федеративное объединение двух стран – Объединенная Арабская Республика (ОАР). Оно просуществовало чуть больше трех лет – после военного переворота 28 сентября 1961 г. Сирия вышла из ОАР. Что касается Египта, то он еще 10 лет сохранял это название.

5 июня 1967 г. Египет, Иордания и Сирия подверглись нападению Израиля. В ходе «шестидневной войны» арабские страны потерпели сокрушительное поражение. Израильские войска оккупировали Синайский полуостров и вышли на восточный берег Суэцкого канала. Военное поражение обострило внутривнутриполитическую обстановку. Часть военной верхушки присоединилась к попыткам крупного бизнеса свергнуть правительство Насера, однако при поддержке египтян оно устояло. В августе – сентябре был раскрыт заговор, во главе которого стоял вице-президент Египта маршал Амер. К этому времени в Египте фактически сложился второй центр власти, функции которого исполняли аппарат

Амера, службы военной разведки и госбезопасности. В результате зачистки армии от сторонников Амера были арестованы несколько сотен офицеров, сам маршал покончил жизнь самоубийством. Насер спял со своих постов все прежнее армейское руководство.

Многие офицеры не одобряли социалистических реформ, проводившихся Насером. Особенно это касалось ВВС, где летный состав традиционно комплектовался из представителей относительно зажиточных слоев населения.

После бурных событий 1967 г. армия на время перестала играть активную роль в политической жизни Египта, хотя военные сохранили влияние при принятии решений по вопросам национальной безопасности, определении ее приоритетов и размеров инвестиций в оборонный сектор⁴.

28 сентября 1970 г. умер президент Насер. 15 октября 1970 г. президентом Египта был избран Анвар Садат. Последний уже в мае 1971 г. при поддержке военных произвел ряд кардинальных перестановок в верхушке госаппарата. 11 сентября 1971 г. была принята новая конституция, по которой страна получила современное название – АРЕ. Несмотря на то, что 27 мая 1971 г. в Каире был подписан советско-египетский договор о дружбе и сотрудничестве, Садат вскоре предпринял ряд враждебных по отношению к СССР шагов. В частности, в июле 1972 г. было объявлено о завершении миссии советских военных советников в Египте.

Арабо-израильская война 6–24 октября 1973 г. стала одним из самых крупных вооруженных конфликтов второй половины XX века. В боевых действиях с обеих сторон участвовали до 1,65 млн человек, более 5700 танков, свыше 8200 артиллерийских орудий и минометов, около 1500 боевых самолетов, свыше 190 боевых кораблей и катеров⁵.

Египет стал готовиться к октябрьской войне сразу после поражения в «шестидневной войне» 1967 г. Успех этой работы во многом определили советские военные советники, работавшие во всех штабных и командных звеньях египетской армии от батальона до ключевых управлений Генерального штаба до июля 1972 г., когда президент АРЕ Анвар Садат решил прекратить их миссию, а также массированные поставки советского вооружения и военной техники.

Принципиальное решение начать войну против Израиля президент Египта Садат и президент Сирии Хафез Асад приняли летом 1973 г. При этом Садат понимал, что даже в случае успешного для Египта хода боевых действий США не допустят военного поражения Израиля. Поэтому изначально перед войсками ставилась задача достижения ограниченного успеха, который создал бы условия для ведения мирных переговоров с Израилем.

Согласно плану «Бадр» («Молния») египетские войска должны были форсировать Суэцкий канал южнее и севернее Большого Горького озера,

прорвать оборону противника и на 7–8-й день наступления овладеть на Синае рубежом на удалении до 25 км от капала, в том числе перевалами Митла и Гидди. Основу египетской наступательной группировки составили 2-я и 3-я полевые армии (ПА). В их составе было 8 дивизий (пд – 5, мд – 2, тд – 1).

В ходе боевых действий египетским войскам удалось форсировать Суэцкий канал и к исходу 8 октября захватить два плацдарма глубиной 8–12 км. Тактическая пауза, которую командование египетских войск взяло в период с 9 по 13 октября, позволила израильтянам подтянуть резервы, организовать устойчивую оборону и подготовить контрнаступление, которое началось 15 октября. К исходу 20 октября израильтянам удалось создать на западном берегу Суэцкого канала плацдарм по фронту до 30 км и в глубину до 20 км. В дальнейшем они развивали наступление в направлении Каира и Суэца. Передовые египетские части на восточном берегу канала фактически оказались в окружении. Во многом благодаря усилиям СССР к исходу 25 октября боевые действия были остановлены.

Потери египетской армии в октябре 1973 г. составили 5 тыс. человек убитыми, 12 тыс. ранеными, 8 тыс. попали в плен. Египет потерял 1100 танков, 450 БТР, 300 артиллерийских систем, 182 самолета, 3 ракетных и 5 сторожевых катеров. Для сравнения: Израиль на египетском и сирийском фронтах потерял 2,8 тыс. человек убитыми, 8,8 тыс. ранеными. Примерно 500 человек попали в плен. По технике потери составили: 840 танков, 400 БТР, 25 артиллерийских систем, 102 самолета.

Простое сравнение данных о потерях сторон показывает несостоятельность утверждений египетских официальных источников последних лет о том, что Египет вышел из той войны победителем. Однако в целом она продемонстрировала возросшую боевую мощь египетской армии. Кроме того, благодаря той войне был преодолен своего рода психологический барьер, комплекс неполноценности, возникший после поражения в «шестидневной войне» 1967 г. Не добился Израиль и господства в воздухе, как это было в 1967 г.

После Октябрьской войны Садат резко поменял внешнеполитический курс АРЕ в сторону сближения с США, отхода от сотрудничества с СССР, достижения мирного урегулирования с Израилем. Предвестниками мирного договора стали достигнутые при американском посредничестве два египетско-израильских соглашения о разъединении войск на Синае от 18 января 1974 г. и от 4 сентября 1975 г.

26 марта 1979 г. в Вашингтоне был подписан мирный договор между Египтом и Израилем. В качестве «платы» за договор с 1980 г. Египет стал ежегодно получать американскую военную и экономическую помощь в объеме 1,3 млрд и 0,815 млрд долл. соответственно.

Опасаясь за жизнеспособность режима и стремясь не допустить в армии в какой-либо форме опасной для него группировки, Садат постоянно занимался ротацией военного руководства и убирал из армии генералов, популярных и авторитетных в войсках. В частности, сразу после Октябрьской войны он снял с поста начальника генштаба ВС АРЕ, разработчика операции по форсированию Суэцкого канала генерала Ишазли. В 1978 г. последний перешел в открытую оппозицию Садату, но не получил заметной поддержки в обществе и армии. За время правления Садата сменились семь министров обороны. В ходе чистки 1978–1980 гг. были уволены министр обороны генерал Гамаси, а также все генералы, командовавшие дивизиями в ходе Октябрьской войны 1973 г.

С начала 1970-х гг. в армии приступили к активной работе исламисты. Их идеи пользовались определенной популярностью среди части курсантов военных колледжей и младших офицеров. Очень скоро в армии появились небольшие, но хорошо законспирированные организации религиозных экстремистов, которые, как очень скоро выяснилось, стали самыми опасными для режима Садата.

Военные в эпоху Мубарака

6 октября 1981 г. в ходе военного парада Садат был убит группой военных – участников исламистской экстремистской организации. Страна стала жить в условиях чрезвычайного положения. 13 октября в результате референдума президентом Египта избирается Хосни Мубарак. Он с самого начала придерживался линии поддержки армии и опоры на нее при одновременной основательной чистке от происламистских элементов. Хорошо знакомый с нравами и традициями военной верхушки, Мубарак жестко пресекал любые попытки отдельных генералов чрезмерно усилить собственное влияние. Для упрочения контроля над армией он продолжил начатую Садатом практику регулярной ротации военных кадров высшего звена. Для обеспечения надежных условий, препятствовавших возможному вмешательству военных в политику и превращению армии в силу, полностью зависящую от правящего режима и объективно заинтересованную в проводившихся тогда экономических и политических реформах, Мубарак последовательно осуществлял курс на деполитизацию вооруженных сил, придание офицерской касте надклассового характера.

Законы Египта запрещали военнослужащим заниматься политической деятельностью и принимать участие в работе политических партий и организаций. Для того чтобы отвернуть офицеров от политики, широко практиковалось их вовлечение в экономику Египта. Власти предоставляли разнообразные экономические и правовые льготы в слу-

чае, когда офицер начинал заниматься предпринимательской деятельностью. В результате к началу 90-х гг. XX столетия военные преобладали в совместных предприятиях оборонного профиля, сотрудничали с иностранным капиталом в других сферах экономики.

К началу 2011 г. офицерский корпус Египта оставался очень кастовым, живущим практически автономно от египетского общества.

Армия и февральская «революция»

25 января 2011 г. перекинувшись в АРЕ из Туниса «жасминовая революция» начала перерастать на египетской почве в «финиковую революцию». В тот день, несмотря на запреты властей и действие режима чрезвычайного положения, в Каире и других городах страны началась вереница многотысячных антиправительственных манифестаций египтян.

Первоначально спецслужбы попытались обуздать толпу, которая в ряде мест оказалась вооруженной. 27 января спецслужбы арестовали свыше тысячи участников манифестаций. На севере Синайского полуострова участники выступлений применили противотанковые ракеты против полиции⁶. В Исмаилии произошла перестрелка между стражами порядка и манифестантами. В Суэце участники выступлений сожгли казарму пожарных. В Каир прибыл бывший глава МАГАТЭ Мохаммед эль-Барадеи, заявивший о своей готовности возглавить страну на переходный период. Стало очевидным, что полиция не справляется с ситуацией.

28 января в столкновениях между полицией и участниками выступлений погибли 62 человека. Президент АРЕ Хосни Мубарак, отставки которого добивались египетская «улица» и оппозиция, потребовал от египетских военных и полиции заставить население соблюдать режим комендантского часа в Каире, Александрии и Суэце. Несмотря на это, участники выступлений подожгли в Каире штаб-квартиру правившей Национал-демократической партии (НДП), а также здания нескольких комиссариатов полиции. В столице начали орудовать мародеры.

29 января в столкновениях погибли по меньшей мере 35 человек. Силы безопасности применили слезоточивый газ и резиновые пули. Тем не менее в Рафахе и Исмаилии были атакованы здания Службы национальной безопасности. Мубарак в тот день объявил о назначении нового премьер-министра. Следуя традиции использования армии в качестве кадрового резерва, на этот пост был назначен Ахмад Шафик, выходец из египетской армии, бывший министр гражданской авиации. В свое время он, как и «сам» Мубарак, успел побывать на посту главкома ВВС страны.

Президент также впервые за последние 30 лет ввел пост вице-президента, назначив на него шефа египетской военной разведки генерала Омара Сулеймана. Ранее последнего неоднократно называли кандидатом

от армии на случай ухода от власти Мубарака. Его фигура устраивала и США, и Израиль, и египетскую военную верхушку. Этим назначением президент фактически начал готовить себе возможную замену. По оценкам многих политологов, именно этот вариант (Сулейман вел в последние годы все ключевые политические досье) может гарантировать сохранение существующего статус-кво на Ближнем Востоке (лучше худой мир, чем «добрая» война). Любые другие чреватые непредсказуемостью.

Первоначально военные взялись спасать «солдата Мубарака». 30 января армейские подразделения заняли ключевые позиции в Каире. Мубарак посетил операционный центр египетской армии. Военные к этому времени арестовали свыше трех тысяч человек из числа сбежавших из тюрем и участников погромов.

И только 31 января, когда оппозиция призвала египтян к всеобщей забастовке и к участию в «марше миллионов» в Каире и Александрии, военные перестали на время вмешиваться в события, обязавшись не применять силу против «законопослушных граждан». Почему армия отвернулась от Мубарака? На этот счет есть несколько версий. По одной из них они могли получить команду оставить Мубарака. Откуда? Возможно, из Вашингтона? На этот вопрос пока нет однозначного ответа.

Здесь представляется уместным процитировать Фиделя Кастро, периодически выступавшего в тот период со статьями в кубинской прессе. По его оценке, президент США Барак Обама неспособен контролировать «тучи саранчи», которые американцы породили во всем мире. «Несколько дней назад пало правительство Туниса, которому США навязали неолиберализм, который (при президенте Зин аль-Абидине бен Али) был одним из предметов их политической гордости, – писал Фидель. – Невероятно, но приходится констатировать, что в то время, когда народ (Туниса) проливает свою кровь и берет штурмом магазины, Вашингтон выражает свое удовлетворение падением правительства этой страны». Аналогично США «превратили Египет в своего главного союзника в арабском мире». «Их двуличие проявилось в том, что, продавая оружие правительству Египта, США одновременно финансировали оппозицию», – писал он⁷. Кстати, эта версия упоминается политологами чаще всего.

По другой версии, взятое армией обязательство отразило противоречия между хорошо оплачивавшейся военной верхушкой и младшими офицерами, возможно, уже создавшими к тому времени организацию «Свободные офицеры-бис». Причем ее политическое кредо может быть полярным – от исламистского до левого.

Существовали также «иранская» и «израильская» версии⁸.

Как заметил в связи с временным «нейтралитетом» армии политолог из Центра стратегических исследований «Аль-Ахрам» Имад Гад, «армия

не желала производить впечатление того, что она намерена вмешаться в события, поскольку она сама хотела прийти к власти». «Она ожидала, чтобы ее об этом попросили, чтобы предстать в образе спасителя», – утверждал он⁹.

В любом случае армия, взявшая на себя роль арбитра, который не атаковал участников протестных выступлений, но и не препятствовал сторонникам Мубарака нападать на них, стала все чаще использоваться для наведения порядка на улицах больших городов. В этих усилиях ее поддержала полиция, которая первоначально самоустранилась от поддержания правопорядка. Свое истинное лицо армия в первый раз показала 3 февраля, когда военная полиция арестовала семерых молодых людей – лидеров различных оппозиционных движений.

Позднее таких случаев использования силы со стороны военных было немало. Один из наиболее показательных имел место 9 марта, когда военная полиция разогнала сидячую забастовку женщин на площади Тахрир. По меньшей мере 18 участниц акции были арестованы. Некоторое время спустя правозащитная организация «Международная амнистия» осудила то, как военные обошлись с участницами акции. По имеющимся у правозащитников данным, их сначала избили, затем пытали с применением электрошокеров, заставили раздеваться. Солдаты снимали все это на фотокамеры. Потом женщин вынудили пройти некий «тест на девственность». Понятно, что военное командование поторопилось сначала опровергнуть эту информацию, однако затем начало расследование¹⁰.

Бурные события февраля 2011 г. в Египте наделали много шума, но их исход был во многом предсказуем – египетские военные вмешались в них точно тогда, когда это стало необходимым. Это позволило бывшему президенту страны Хосни Мубараку отказаться от власти, в целом сохранив лицо, равно как при этом страна сохранила свои основные внутри- и внешнеполитические приоритеты.

Мубарак, ставший неудобным для американцев из-за того, что он перестал прислушиваться к отдельным советам заокеанских «учителей демократии» относительно соблюдения прав человека в Египте, был заменен на военных в лице Высшего совета вооруженных сил Египта во главе с маршалом Тантауи. Эта структура состоит примерно из 20 генералов – ставленников прежнего режима. Она начала управлять страной с помощью заявлений, первое из которых появилось 10 февраля, за день до отставки Мубарака. В нем объявлялось, что Высший совет переходит на непрерывный режим работы. Ранее такой режим работы Высшего совета ВС АРЕ отмечался только в ходе двух войн – 1967 и 1973 гг.

Почему Мубарак перестал устраивать американцев? Ответ на этот вопрос пока остается открытым. Тем не менее хочется обратить внимание на

заявление бывшего главы МИД АРЕ Ахмада Абуль Гейта четырехлетней давности. Тогда он назвал неприемлемой для Каира военную операцию против Ирана, которая может быть осуществлена западными союзниками и Израилем из-за нежелания Тегерана уступить в вопросе его ядерного «досье». Не здесь ли кроется ответ на поставленный выше вопрос?

В коммюнике № 2 от 11 февраля армия объявила себя гарантом реформ, обещанных Мубараком. Она призвала к возвращению к нормальной жизни и предостерегла от любых попыток покушения на безопасность Египта. После этого коммюнике военные приступили к расчистке площади Тахрир. 18 февраля военные выступили с самым серьезным заявлением, предупредив, что они не потерпят манифестаций, которые подрывают экономику страны.

При этом, похоже, в Вашингтоне не сразу решили, на кого сделать ставку в дальнейшем – на побывавшего недолго (в течение 13 дней) вице-президентом страны бывшего начальника Службы общей разведки генерала Омара Сулеймана или на председателя Высшего совета ВС АРЕ, министра обороны маршала Мохаммеда Хусейна Тантауи. В итоге был выбран последний, возможно, потому, что Сулейману предназначена в будущем другая роль – одного из кандидатов в президенты.

Среди козырей 74-летнего генерала – выпускника американского военного училища сил спецназначения в Форт-Брэге – поддержка со стороны США и Израиля. Он также запомнился жестким подавлением радикальных исламистских движений в Египте в 90-е гг. прошлого столетия. Именно он убедил Мубарака сесть 22 июня 1995 г. в брошированный автомобиль при визите в Аддис-Абебу, что спасло им обоим жизнь при покушении исламистов. По данным сайта «Викиликс», Сулейман – самый предпочтительный кандидат в президенты с точки зрения Израиля.

Перед выборами может возникнуть еще одна военная фигура – начальник генштаба египетской армии 63-летний генерал Сами Анан. Его также очень хорошо знают в США, равно как и помнят в России, где он учился в одном из зенитно-ракетных училищ.

Относительно политических перспектив маршала Тантауи: как заявил 28 февраля министр обороны Израиля Эхуд Барак, у этого 75-летнего выпускника советской военной академии им. Фрунзе, ветерана трех арабо-израильских войн¹¹, «нет амбиций стать следующим лидером (Египта)». Пост министра обороны и военной промышленности он занимает с 1991 г.

В любом случае понятно, что правящая (и в первую очередь военная) элита сделает все необходимое, чтобы «чужие» не попали в число кандидатов на избрание. У египетской армии есть все возможности для этого – ведь в отличие от спецслужб она пока сохраняет определенное уважение со стороны населения.

Наличие связи между США и египетскими военными косвенно подтвердила 18 марта американская газета «Уолл Стрит Джорнэл» (УСД), которая обвинила Египет в том, что тот поставляет оружие ливийским повстанцам, нарушая таким образом эмбарго на соответствующую деятельность, введенное Совбезом ООН 26 февраля. По данным газеты, поставлялись легкое стрелковое оружие и боеприпасы. Один из представителей повстанцев Мустафа Гериани подтвердил УСД, что мятежники покупали оружие. При этом он отказался назвать его происхождение, а также номенклатуру поставок. В свою очередь, представитель американской администрации на условиях анонимности подтвердил УСД, что Вашингтон был в курсе поставок, которые начались во второй декаде марта¹².

Здесь же уместно будет напомнить о скандале, разразившемся в ноябре 2006 г. Его творцом стал племянник бывшего президента АРЕ Анвара Садата – Талаат Садат. Египетская Фемида приговорила его к году тюрьмы по обвинению в «распространении лживых слухов и оскорблений в адрес египетской армии». 52-летний адвокат заявил, что офицеры египетской армии якобы были причастны к заговору, в результате которого был убит А. Садат, причем тот заговор якобы был организован США и Израилем¹³. США тут же назвали это заявление «скандальным и лживым», но хорошо известно, чего стоят подобные опровержения.

Не исключено, впрочем, что внешне влияние на события в Египте ни при чем, или почти ни при чем, и они развивались по логике чисто внутреннего развития страны. Как предсказывали некоторые российские политологи по итогам событий в Египте еще в марте 2010 г., т.е. за год до февральской «революции», «с учетом всех событий того месяца, так или иначе касавшихся президента Мубарака, президентских выборов 2011 г. и вопроса о преемнике, нельзя исключать, что египетская политическая элита в сложной ситуации выберет вариант, в той или иной мере напоминающий алжирский сценарий 1992 года»¹⁴. Тогда алжирские военные – пусть и при других обстоятельствах – отстранили от власти президента страны Шадли Бенджедида и учредили коллективный орган руководства страной – Высший государственный совет.

4 апреля 2011 г. заместитель министра обороны АРЕ Мохаммед Мохтар аль-Мселла дал понять, что армия не допустит исламской революции в Египте по типу той, которая имела место в Иране в 1979 г. Одновременно военное командование подтвердило свои обязательства передать власть гражданским после парламентских и президентских выборов, а также уважать свободу выражения мнений. Однако к тому времени уже было заметно, что слова и дела египетских военных разительно расходятся. Чтобы отвлечь египетское и международное общественное мнение от творившихся злоупотреблений, Высший совет ВС Египта затеял ряд громких дел, касавших-

ся Мубарака, членов его семьи и его ближайшего окружения. И не только против них. По данным египетских правозащитников, после массовых выступлений сгигтян в период с 25 января по 11 февраля, когда армия своим показным нейтралитетом фактически способствовала удалению Мубарака, через систему военных трибуналов прошли свыше десяти тысяч человек¹⁵.

27 мая тысячи египтян вновь пришли на площадь Тахрир для того, чтобы выразить протест против медленности в реализации реформ после ухода Мубарака и прихода к власти военных. Участники акции требовали проведения «второй революции», скорейшего возвращения власти гражданским. Примечательно, что «Братья-мусульмане» (при Мубараке – ведущая оппозиционная сила) отказались от участия в этой акции, заявив, что она может вызвать напряженность в отношениях между населением и армией.

В целом предстоящие до выборов месяцы не сулят спокойствия египетским военным. И, несомненно, за это время им не раз придется применять силу против участников все новых протестных выступлений для того, чтобы не позволить стране сползти к хаосу. Кроме того, им придется что-то делать для того, чтобы не допустить развития событий в Египте по алжирскому сценарию 1991–1992 гг., когда в Алжире в первом туре парламентских выборов победили исламисты.

Структура, бюджет, особенности комплектования и строительства, функции вооруженных сил АРЕ

Верховным главнокомандующим ВС АРЕ является президент страны. На момент подготовки статьи эта должность была вакантной. Министр обороны и военной промышленности – маршал Мохаммед Хусейн Тахтауи, начальник генштаба ВС АРЕ – генерал Сами Анан.

Консультативными органами при президенте по военным вопросам являются Совет национальной обороны (СНО) и Высший совет вооруженных сил. Органы военного управления структурно напоминают основные элементы советской военной централизованной системы.

В военно-административном отношении территория АРЕ разделена на четыре военных округа: Центральный (ЦВО, штаб в Каире), Западный (ЗВО, Мерса-Матрух), Южный (ЮВО, Асуан), Северный (СВО, Александрия). Имеется также несколько военных зон.

Вооруженные силы Египта насчитывают 428,5 тыс. человек (свыше 300 тыс. – призывники), в том числе сухопутные войска – 300 тыс., ВВС – 30 тыс., ПВО – 80 тыс., ВМС – 18,5 тыс. Резерв вооруженных сил – 410 тыс. человек. Мобилизационный ресурс Египта оценивается в 13,2 млн человек. Военный бюджет в 2005 г. составлял 2,5 млрд долл., или 2,48 % от ВВП I.

Сухопутные войска. Командование сухопутными войсками осуществляет начальник Генерального штаба ВС АРЕ. В боевом составе –

2 штаба полевых армий, 12 дивизий (мд – 7, тд – 4, пд – 1), отдельных общевойсковых бригад – 16 (пбр – 3, мбр – 4, тбр – 4, республиканской гвардии (танковая) – 1, аэромобильных – 1, пдбр – 3), групп командос – 9, ракетных бригад – 2, артиллерийских бригад – 14. На вооружении сухопутных войск состоят ПУ ОТР Р-17Э – 9, ПУ ТР «Луна-М» – 12, ТР «Сакр-80» египетского производства, танков (М1А1 «Абрамс», М60А1, М60А3, Т-62, Т-55, «Рамзес-2» – 3900, орудий полевой артиллерии – 1772, минометов – 2400, ПУ РСЗО – 880, ПТРК – 5050, зенитных ракетно-пушечных комплексов «Синай-23» – 45, ПЗРК – свыше 1000, БМП – 730, БТР и БРДМ – 4165, вертолетов – 229¹⁶.

ВВС. Командующий – маршал авиации Реда Махмуд Хафез Мохаммед. Родился в 1952 г. В должности – с 2007 г. На вооружении ВВС состоит свыше 500 боевых самолетов, 5 самолетов ДРЛО, 30 военнотранспортных, 44 учебно-боевых, 365 учебных самолетов. Высшей организационной единицей ВВС является авиационная бригада. В составе бригады – две-три эскадрильи. Истребительно-бомбардировочная авиация («Альфа-Джет», J-6, F-4, «Мираж-5Е2») базируется на аэродромах Мерса-Матрух, Джианкалис, Таната, истребительная (F-16А, В, С и D, МиГ-21, «Мираж-5D/E», «Мираж-2000») – на аэродромах Файфяд, Эль-Мансур, Каир-Западный, Иншас, Бени-Суэйф, Абу-Сувейр, Джианкалис. Всего ВВС используют 20 военно-воздушных баз.

Слабой стороной ВВС АРЕ является наличие на вооружении большого числа устаревших самолетов, не соответствующих современным требованиям. В то же время боевая мощь ВВС за последние годы заметно повысилась после поставок нескольких партий самолетов F-16 различных модификаций.

ВВС АРЕ имеют хорошо развитую наземную инфраструктуру, которая постоянно совершенствуется. В стране имеется около 100 аэродромов, две трети из которых пригодны для использования тактической авиацией, а Каир-Западный, Каир-Международный, Бени-Суейф, Асуан и Иншас – стратегической.

ПВО. Египет относится к числу немногих стран, где войска ПВО выделены в отдельный вид вооруженных сил. Командующий – генерал-лейтенант Абдельазиз Сейф-Эльдеен. Родился в 1949 г. В должности – с 2005 г. Войска ПВО структурно состоят из войсковой ПВО и ПВО страны. Войсковая ПВО представлена зенитно-ракетными и артиллерийскими частями и подразделениями в составе соединений и объединений сухопутных войск.

Основной единицей ПВО страны является дивизия ПВО. Всего имеется 5 дивизий ПВО (по числу зон ПВО), в каждую из которых могут входить несколько зенитных ракетных бригад, зенитные артилле-

рийские полки и дивизионы. На вооружении зенитных ракетных войск состоят ЗРК С-75, С-125, «Квадрат», «Усовершенствованный Хок», «Чанарэл», «Кроталь», «Эвенджер». В частях зенитной артиллерии имеется до 2 тыс. орудий различного калибра.

С помощью США в Египте создана единая система управления ПВО, которая объединяет огневые средства ПВО, истребительную авиацию, автоматизированные центры радиолокационного наблюдения и оповещения, а также самолеты дальнего радиолокационного обнаружения.

ВМС. Командующий – вице-адмирал Мохаб Мамиш. Родился в 1948 г. ВМС состоят из флота, морской пехоты, командования береговой обороны, сил специального назначения и командования тылового обеспечения. Основу ВМС составляет флот, в составе которого – по одной бригаде подводных лодок, фрегатов, десантных кораблей, ракетных катеров, патрульных катеров, группа минно-тральных сил и группа вспомогательных судов. Главные силы ВМС базируются в Средиземном море, имеется красноморская группировка. Наличие Суэцкого канала позволяет в случае необходимости оперативно проводить маневр силами.

Главная военно-морская база ВМС АРЕ находится в Александрии, где дислоцируется штаб ВМС. В Александрии, Порт-Саиде и Исмаилии имеются судоремонтные предприятия.

Корабельный состав насчитывает около 40 боевых кораблей, 40 катеров и 20 вспомогательных судов. Подводные силы представлены четырьмя подводными лодками постройки КНР (модернизированный советский проект 633). В 1994–1996 гг. с помощью США прошли модернизацию и были оснащены противокорабельными ракетами «Саб Гарпун» с подводным стартом. Основу надводных сил составляют десять фрегатов УРО, в том числе четыре – типа «Оливер Х. Перри», поставлены из США в 1996–1999 гг.

В составе ВМС – отдельная бригада морской пехоты, отдельная бригада спецназначения, роты морской и глубоинной разведки. На ВС АРЕ возложены следующие задачи:

- защита территориальной целостности государства, его сухопутных, воздушных и морских границ;
- предотвращение внешних угроз путем сдерживания потенциальных противников;
- оказание содействия реализации внешнеполитических целей АРЕ;
- участие в миротворческих операциях под эгидой ООН и других международных организаций;
- противодействие угрозе терроризма;
- содействие программам экономического развития страны.

Военная доктрина АРЕ – оборонительная, в ее основе лежит принцип сдерживания, т.е. поддержания военного равновесия с соседними государствами с целью вынудить их отказаться от применения силы против Египта. Главным противником по-прежнему рассматривается Израиль. Основная группировка войск – 2-я и 3-я полевые армии – дислоцируются в районе между Суэцким каналом и Каиром.

Здесь стоит привести телеграммы американских дипломатов, раскрытые скандално известным сайтом «Викиликс». В сообщении американских дипломатов от 21 декабря 2008 г. содержалась оценка боеспособности египетской армии – самого большого получателя американской военной помощи после Израиля. По оценке американцев, египетские военные не смогли модернизировать свою армию, а также приспособить ее к реагированию на новые угрозы. Другая оценка американцев была политической: по их мнению, египетские военные, несмотря на мирное соглашение с Израилем, продолжают рассматривать последний в качестве главного потенциального противника.

Военная доктрина АРЕ не исключает возможного участия египетской армии в локальных военных конфликтах в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке. В этой связи наиболее важной задачей считается обеспечение водной безопасности страны, недопущение посягательств на ее водные ресурсы. Вторая по численности группировка египетских войск находится на границе с Ливией.

Египетские военные с опаской поглядывают и на растущий военный потенциал Ирана. Они не исключают участия Египта в военном конфликте против этой страны. В 2009 г., когда имелась большая вероятность военной операции Израиля и США против Ирана, Египет разрешил израильским подводным лодкам следовать на боевое дежурство в Персидский залив через Суэцкий канал. До этого они следовали туда вокруг Африки.

С 13 по 20 октября 2010 г. в воздушном пространстве и на земле в пустынных районах на севере Египта прошли совместные военные учения АРЕ и Саудовской Аравии под условным наименованием «Табук-2». В ходе маневров отрабатывались вопросы действий в обороне при отражении атаки условного противника, в контратаке, а также применения сил специального назначения. Не исключено, что подобные сценарии ведения боевых действий разыгрывались с оглядкой в первую очередь на Иран, из чего можно предположить, что в случае осложнения отношений с ИРИ и возникновения конфликтной ситуации в зоне Персидского залива Египет может направить свои войска в эту зону. АРЕ – пожалуй, единственная страна арабского мира, в которой планировались и проводились крупномасштабные учения оперативно-стратегического уровня серии «Бадр» с участием всех видов вооруженных сил. В последний раз

такие учения проводились в период с 17 по 23 мая 2010 г. с участием соединений и частей ВВС, сухопутных войск, ВДВ и сил специального назначения. В ходе учений египетские военные отработали действия по форсированию Суэцкого канала, а также наступлению вглубь территории условного противника, под которым, без сомнения, подразумевался Израиль. Египетские военные были постоянными участниками учений серии «Брайт стар», которые организовывало американское Центральное командование.

До февральской «революции» Египет был активным участником программы Средиземноморского диалога НАТО. Из стран, не являющихся членами Североатлантического альянса, в ней, кроме Египта, принимают участие Алжир, Израиль, Иордания, Мавритания, Марокко и Тунис. Семь стран-участниц диалога на регулярной основе принимали участие в учениях НАТО, их представители работали на различных семинарах по оборонной тематике. Египет принял участие в операциях «по поддержанию мира», проводившихся под эгидой НАТО в Боснии и Герцеговине (IFOR/SFOR) и Косово (KFOR).

О военно-техническом сотрудничестве России и АРЕ

Египет был первым покупателем советского оружия в арабском мире и в течение многих лет был главным его потребителем. После прихода к власти Садата в начале 70-х гг. XX в. Египет отошел от военно-технического сотрудничества (ВТС) с СССР и переориентировался на США. С приходом к власти в 1981 г. президента Хосни Мубарака Египет стал проводить более сбалансированную политику в сфере ВТС.

Во второй половине 1990-х гг. с помощью России проведены ремонт и модернизация части вооружений египетских ПВО. Осуществлены поставки ЗРК «Волга-3», техники для технических дивизионов, ракет для ЗРК «Квадрат», РЛС «Оборона-14» и П-18. В период с 2001 по 2003 г. проведена модернизация 50 ЗРК С-125 «Печора» до уровня «Печора-2». Поставлено несколько партий вертолетов Ми-8 и Ми-17¹⁷.

В последние годы правления Мубарака отчетливо проявилось намерение Египта диверсифицировать источники получения оружия, в частности, за счет дальнейшего развития ВТС с Россией. В 2007 г. было объявлено о подписании контракта на поставку Египту зенитных ракетно-пушечных комплексов «Шилка» – «Стрелец». Рассматривались варианты закупки ЗРК С-300.

Армия и исламисты

Египетская армия в целом сыграла незначительную роль в борьбе с радикальными исламистами. Более того, можно утверждать, что борьба с

террором не ставилась в качестве непосредственной задачи перед армией даже в 90-е гг. прошлого столетия, когда в результате терактов в стране погибло около тысячи человек. Власти опасались, что вовлечение армии в борьбу с исламистами могло повлечь за собой протестные настроения в армейской среде, всегда являвшейся объектом пристального внимания исламистов. Стоит напомнить, что среди организаторов убийства Садата были действующий полковник египетской армии и генерал запаса. Тем не менее режим, практикуя применение военных судов над исламистами, давал понять, что готов в случае необходимости использовать вооруженные силы для борьбы с радикалами¹⁸.

Рост влияния «Братьев-мусульман» после февральской «революции», их стремление участвовать в предстоящих политических процессах могут существенно изменить отношения между военными и исламистами. Первые могут пойти на поводу у вторых, рассчитывая на их благодарность, а исламисты, в свою очередь, в случае возможного прихода к власти попытаются избавиться от ставшего ненужным грузом памяти.

Египет и оружие массового поражения

Прежние власти Египта не раз заявляли о стремлении поддерживать неядерный статус страны. Однако в последние годы, и в первую очередь в связи с развитием иранской атомной программы, Египет, похоже, решил выйти на такой уровень развития атомной энергетики, который в случае необходимости позволит ему в кратчайшие сроки получить доступ к атомному оружию.

К настоящему времени в Египте разведаны 9 урановых месторождений¹⁹. Планируется их промышленное освоение, включая добычу и обогащение урана для последующего его использования в качестве топлива на планируемых к постройке АЭС. Первая из них должна быть построена к 2020 г. В стране действуют два научно-исследовательских реактора, построенных при содействии СССР и Аргентины. Благодаря их эксплуатации в Египте подготовлены достаточно квалифицированные кадры.

Египет подписал Договор о нераспространении ядерного оружия. Однако он предупредил, что подпишет дополнительный протокол к этому договору только в том случае, если к этому документу присоединится Израиль. Присоединение к дополнительному протоколу означает возможность внезапных проверок инспекторами МАГАТЭ ядерных установок страны, подписавшей этот документ. Отсутствие подписи Египта под этим документом давало повод для подозрений в том, что на атомных объектах в АРЕ могут тайно проводиться некие незадекларированные работы.

В области химического оружия: в стране имеется научная и промышленная база, необходимая и достаточная для производства от-

дельных видов химического оружия. В частности, освоена технология производства отравляющих веществ (ОВ) нервно-паралитического и кожно-нарывного действия²⁰. Имевшиеся до настоящего времени запасы ОВ недостаточны для их широкомасштабного применения, однако промышленный потенциал позволяет развернуть дополнительное производство ОВ в относительно сжатые сроки.

В области биологического оружия: в Египте имела программа военно-прикладных исследований, однако данных о создании биологических агентов в интересах военных не поступало. В то же время имеются сведения о сотрудничестве научных центров Египта в смежных с биологическим оружием областях исследований с некоторыми гражданскими и военными лабораториями США, особенно в области высокопатогенных микроорганизмов и переносчиков опасных заболеваний. Известно также о функционировании в Египте военно-медицинской лаборатории ВМС США, которая занимается изучением и разработкой средств борьбы с особо опасными инфекционными заболеваниями.

Выводы

Одним из ближайших последствий событий в Египте может стать заметное повышение цен на нефть на мировом рынке, поскольку до февральского кризиса через Суэцкий канал и проходящий параллельно ему трубопровод Суэц – Средиземное море транспортируется до 4,5 % добываемых в мире углеводородов. Работа этих магистралей пока не нарушена, однако никто не может поручиться, что так будет и дальше.

Высокий демографический коэффициент, превышающий экономический рост (после февраля о росте не приходится и говорить), несмотря на тощие кредиты международных финансовых организаций, не позволит добиться улучшения социально-экономического положения основной массы египтян, что неизбежно приведет в дальнейшем к росту радикальных настроений в египетском обществе. А это чревато новыми «революциями».

В целом пока видятся как минимум три варианта развития событий в Египте, и все они предусматривают активное участие армии.

Первый вариант связан с возможностью начала новой революции, вызываемой на фоне критики (во многих случаях справедливой) в адрес египетских военных. И если февральская революция 2010 г. во многом была принесена извне, то следующая зарождается внутри страны.

Второй основан на вероятности развязывания полномасштабной межкофессиональной войны, поскольку имеется немало сил, включая сторонников бывшего президента, желающих этого.

Третий предусматривает ужесточение военного режима, который может получить поддержку «Братьев-мусульман». Такой сценарий по-

сле хаоса будет рассматриваться многими египтянами как единственный спасительный. Однако он вкупе с потенциально возможной переориентацией национальной атомной программы на военные рельсы чреват непредсказуемыми последствиями для соседей Египта.

- ¹ *Зипкина Ю. В.* Коптская община Египта: проблемы и перспективы. – М.: Институт Ближнего Востока, 2010 г., С. 31.
- Юрченко В. П.* Офицерский корпус вооруженных сил Египта. Сборник статей «Офицерский корпус ближневосточных государств». – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004 г., С. 36.
- ² *Ахмедов В. М.* Офицерство в общественно-политической жизни стран Ближнего Востока. Сборник статей «Офицерский корпус ближневосточных государств». – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004 г., С. 7.
- ³ *Юрченко В. П.* Офицерский корпус вооруженных сил Египта. Сборник статей «Офицерский корпус ближневосточных государств». – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004 г., С. 39.
- ⁴ *Юрченко В. П.* Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века). В двух частях. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2007 г., ч. 1, С. 19.
- ⁵ *Куделев В. В.* Ситуация в Египте: январь 2011 г. // www.iimes.ru, 01.02.2011 г. Там же.
- ⁶ *Билаш В. Н.* Египет: армия или исламисты? // www.iimes.ru, 31.01.2011 г.
- ⁷ *Куделев В. В.* Ситуация в Египте: февраль 2011 г. // www.iimes.ru, 07.03.2011 г.
- ⁸ *Куделев В. В.* Ситуация в Египте: март 2011 г. // www.iimes.ru, 10.04.2011 г.
- ⁹ www.mmc.gov.eg
- ¹⁰ *Wall Street Journal*, New-York, 18.03.2011 г.
- ¹¹ *Куделев В. В.* Ситуация в Египте: ноябрь 2006 г. // www.iimes.ru, 06.12.2006 г.
- ¹² *Куделев В. В.* Ситуация в Египте: март 2010 г. // www.iimes.ru, 13.04.2010 г.
- ¹³ *Куделев В. В.* Ситуация в Египте: май 2011 г. // www.iimes.ru, 01.06.2011 г.
- ¹⁴ www.agnyrecognition.com
- ¹⁵ *Юрченко В. П.* Военно-техническое сотрудничество России с арабскими странами // www.iimes.ru, 20.05.2003 г.
- ¹⁶ *Ахмедов В. М.* Армия и традиционное общество на Ближнем Востоке в условиях глобализации и демократических реформ // *Ближний Восток и современность* № 33, 2007 г. С. 19
- ¹⁷ *Новиков И. А.* Оружие массового поражения на Ближнем Востоке. – М.: Информационно-аналитический центр «Аксент», Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004 г. С. 39.
- ¹⁸ Там же, С. 40.